ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ЗАПИСКИ ХУДОЖНИКА.

20/II 32

ПУБЛ. БИБЛ. ЛЕНИНГРАД С.С.С.Р.

ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Записки Художника.

Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго.

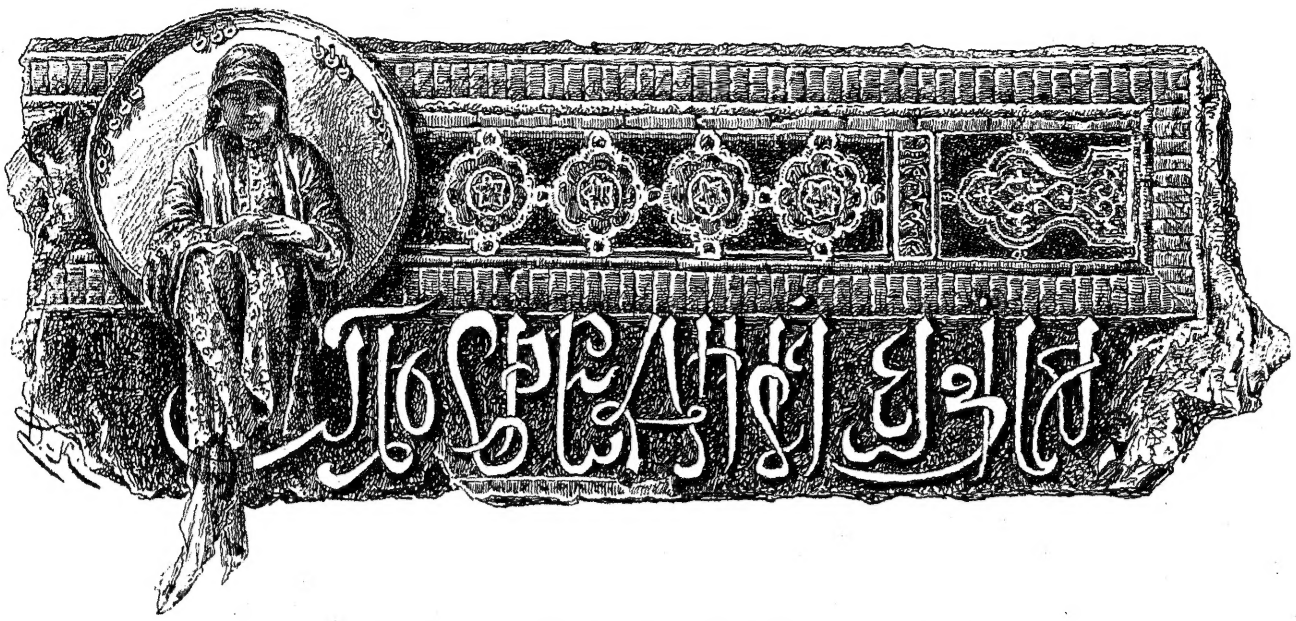
Съ 199 рисунками автора.

ПУБЛ. С.С.С.Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го сентября 1894 г

Типографія Эдуарда Гоппе,
53. Вознесенскій проспектъ 53.



ЗАПИСКИ ХУДОЖНИКА

1887—1888.

Дервишъ.

ОТЪ БАКУ ДО ЧАРДЖУЯ.

Описывая мои впечатлѣнія и наблюденія, я не буду прибѣгать къ какимъ бы то ни было источникамъ, не буду приводить выдержки изъ книгъ различныхъ путешественниковъ и ученыхъ, бывшихъ раньше меня въ этихъ краяхъ. Я опишу только то, что увижу самъ, и опишу такъ, какъ самъ понялъ и какое впечатлѣніе воспринялъ отъ увидѣннаго и пережитаго на мѣстѣ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ Средней Азіи, хочется сказать нѣсколько словъ о восхитительномъ переѣздѣ черезъ Каспійское море. Это плаваніе было такъ хорошо, море было такъ чудно, что трудно воздержаться отъ воспоминаній о немъ.

Текинскій ханъ.

Въ Баку стояла страшная жара. Перебравшись изъ гостиницы на пароходъ, можно было, даже находясь у раскаленнаго берега, свободно дышать морскимъ воздухомъ, хотя съ прибавленіемъ запаха нефти, и мечтать о скорѣйшемъ отплытіи въ море; хотѣлось поскорѣе уйти отъ этого горячаго берега, пропитаннаго и закопченнаго нефтью; хотѣлось отдохнуть отъ томящей жары; хотѣлось чувствовать ласку морского вѣтерка. Тяжело смотрѣть на эту обычную суетню подъ палящимъ солнцемъ у парохода, отходящаго въ море съ пассажирами и грузомъ. Тутъ спокойно сидишь, да еще на верху рубки, подъ прикрытіемъ тента—и то тяжело, душно; а каково

Кибитка-станція.

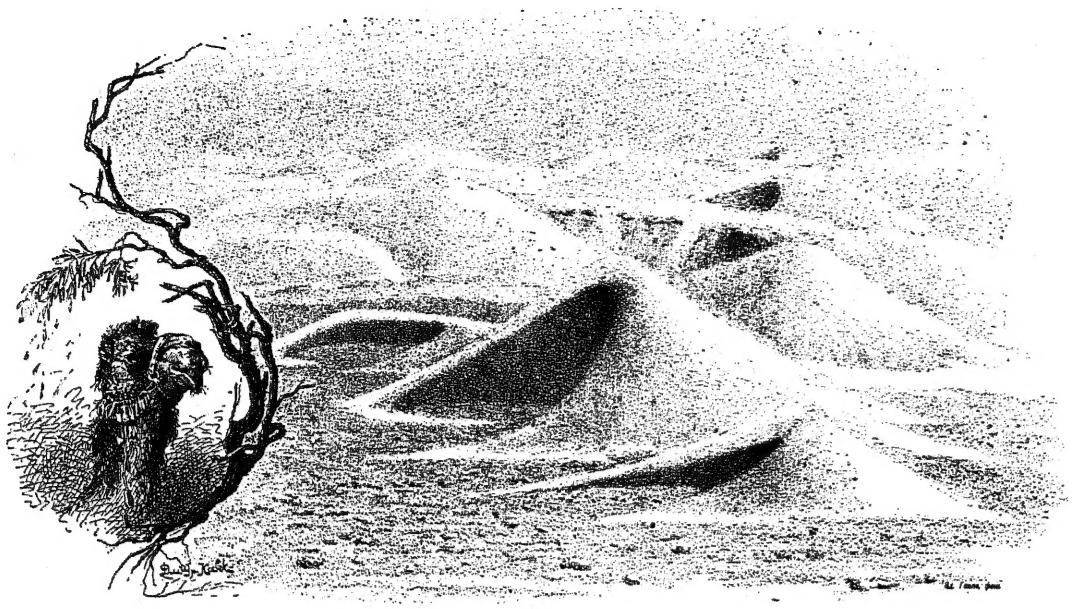
этимъ несчастнымъ, что таскаютъ тюки и бочки, буквально обливаясь потомъ! Впрочемъ, носильщики (муши) — по большей части персы — народъ здоровый, сильный и веселый въ работѣ.

Наконецъ-то пароходъ наполнился, и грузомъ, и пассажирами. Звонокъ — и мы двинулись...

Бо̀же мой, какая чудная вода въ Каспіи! удивительно красивъ яркій зеленый цвѣтъ, не вѣрится, что вода его потеряетъ, если зачерпнуть ее въ сосудъ. А въ даль посмотришь — дивнаго цвѣта бирюза. Часами я смотрѣлъ за корму, любуясь этой сказочной красотой игры цвѣтовъ моря, мѣняющагося подъ колесами парохода. Въ этой бурлящей водѣ что-то чарующее. Въ морѣ чувствуешь себя немного легче, прохладнѣе, но именно — немного — при этой совершенной тишинѣ въ воздухѣ и палящемъ солнцѣ. Море — какъ зеркало, говорятъ обыкновенно; здѣсь это сравненіе не подходитъ: это не зеркало, а необъятной величины отшлифованная дивная бирюза. Мѣстами на поверхности воды плаваетъ нефть, переливаясь цвѣтами радуги, какъ темный перламутръ.

Ночь была тоже совершенно тихая и темная; синяя глубина неба густо усѣяна ярко свѣтящимися звѣздами, которыя совершенно ясно отражаются въ морѣ. Свѣтлой ясной полосой тянется по небу млечный путь, тоже отражающійся въ водѣ. Не хочется ухо-

«Муши» — носильщики.



Барханы правильной формы и дерево саксаулъ.

дить спать. Я всю ночь провелъ на палубѣ. Сколько въ такую безсонную волшебную ночь переживается отжитаго! какъ въ такую ночь сухая работа ума сглаживается мягкими, святыми чувствами! Природа, обаятельно дѣйствуя на человѣка, поднимаетъ въ немъ все хорошее и усмиряетъ дурное. Здѣсь находишь вѣрное средство пробудить въ себѣ лучшія стороны человѣческаго существа, попранныя и заглушенныя столичной суетливо-мелочной жизнью. И какой это отдыхъ для души!... Какъ жалки столичные жители, не желающіе ничего знать, кромѣ своихъ большихъ городовъ, совсѣмъ забывшіе природу; а многіе изъ нихъ даже и не знали ея!...

Новая дивная картина—восходящаго горячаго солнца, заливающаго своими раскаленными лучами безконечное пространство бирюзоваго моря. И хорошо, и страшно! Страшно, какъ бы это солнце, такое палящее вчера, не стало жечь сегодня еще съ большею силою. Тутъ на полномъ просторѣ, черезчуръ сильно чувствуется все величіе и вся сила этого свѣтила, дающаго вселенной жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ такого жгучаго.

Текинскія стѣны.

Текинскій ханъ.

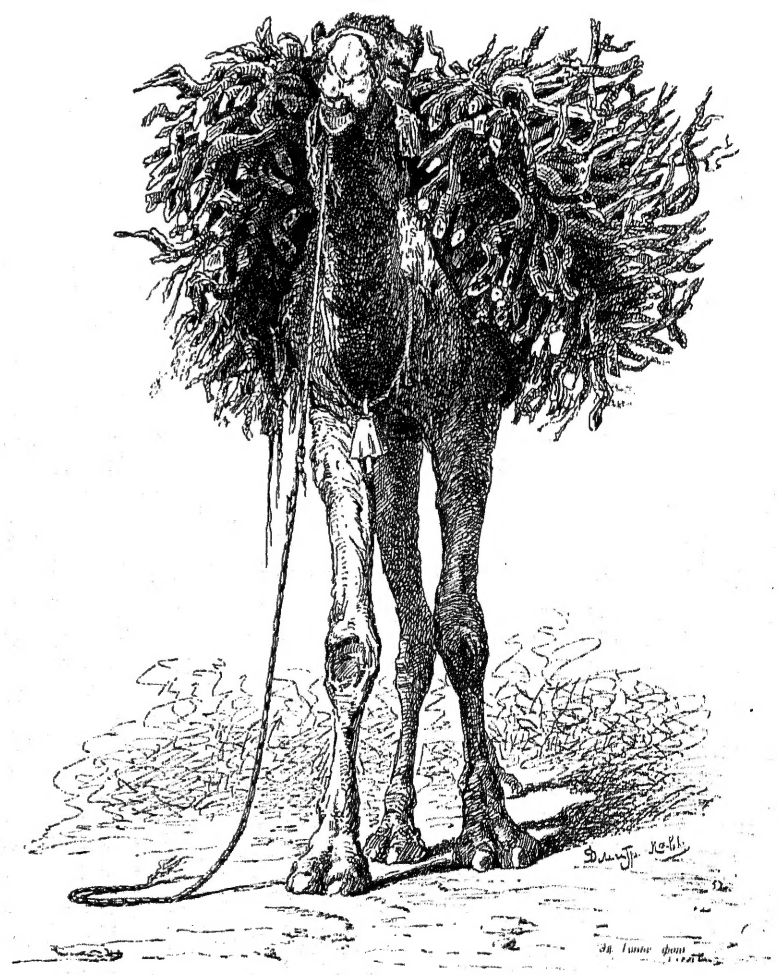
Оттуда, куда стремится нашъ пароходъ, чувствуется какое-то таинственное, горячее дыханіе. Чувствуешь, что вступаешь въ еще болѣе горячую полосу воздуха. Несмотря на то, что находишься въ морѣ, ощущается страшная сухость воздуха, отъ которой, кажется, начнетъ все лопаться. Солнце буквально жжетъ. Завиднѣлись монотонные, желтобурые, песчаные острова и такіе же берега. Жаръ все увеличивается. Подходимъ къ берегу Закаспійской области. Жутко... адское дыханіе въ воздухѣ. Причалили къ берегу Узунъ-Ада. Песокъ, песокъ и песокъ, по которому горячо ступать. Въ воздухѣ какая то мгла, солнце свѣтитъ неясно, небо грязное, раскаленное — ни тучки. Между песчаными буграми разбросаны какіе-то бараки, домики въ родѣ петербургскихъ плохенькихъ дачекъ: домики новенькіе, тесовые, некрашеные. Ни деревца, ни кустика, ни травинки — одинъ песокъ. Тутъ же, недалеко отъ берега, начинаются рельсы закаспійской желѣзной дороги. Вокзалъ — баракъ; кругомъ тоскливо, пустынно.

Гаманецъ для денегъ.

Направляясь теперь чрезъ Закаспійскую область къ рѣкѣ Аму-Дарьѣ безостановочно, я буду описывать путь до Аму-Дарьи слегка, мимолетно, только то, что будетъ бросаться въ глаза изъ оконъ вагоновъ,—тѣмъ болѣе, что назадъ буду возвращаться той же дорогой. На обратномъ пути буду имѣть еще возможность поговорить объ этихъ мѣстахъ.

Двинулись дальше. Желѣзная дорога потянулась во внутрь песчаной пустыни, прорѣзая барханы, вышина которыхъ доходитъ до 4-хъ—5-тиэтажныхъ домовъ. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ начала линіи, дорога идетъ по узкой дамбѣ изъ камней и глины, по заливчику; потомъ ее окончательно охватываютъ песчаные барханы. Духота страшная, и какое-то скверное чувство подвластности этой подвижной песчаной пустынѣ. Малѣйшій вѣтерокъ — и всѣ эти барханы начинаютъ какъ бы оживать: вершина каждаго изъ нихъ куритъ, т. е. на вершинѣ каждаго бархана подымается струйкой песокъ кверху, совершенно какъ дымъ изъ трубы; при болѣе же сильномъ вѣтрѣ начинается такое движеніе песковъ, что пустыня превращается въ волнующееся море, бурно засыпающее все, что попадается на встрѣчу. Барханы, эти горы песку, совершенно переходятъ съ мѣста на мѣсто. Въ тихое время эти барханы имѣютъ правильную форму конусовъ (см. рисунокъ на стр. 3) съ подковообразнымъ обрывомъ въ одну сторону (завѣтренная сторона); иногда эта правильность поразительна. И вотъ, двигаясь между

Бухарскій ослонъ.

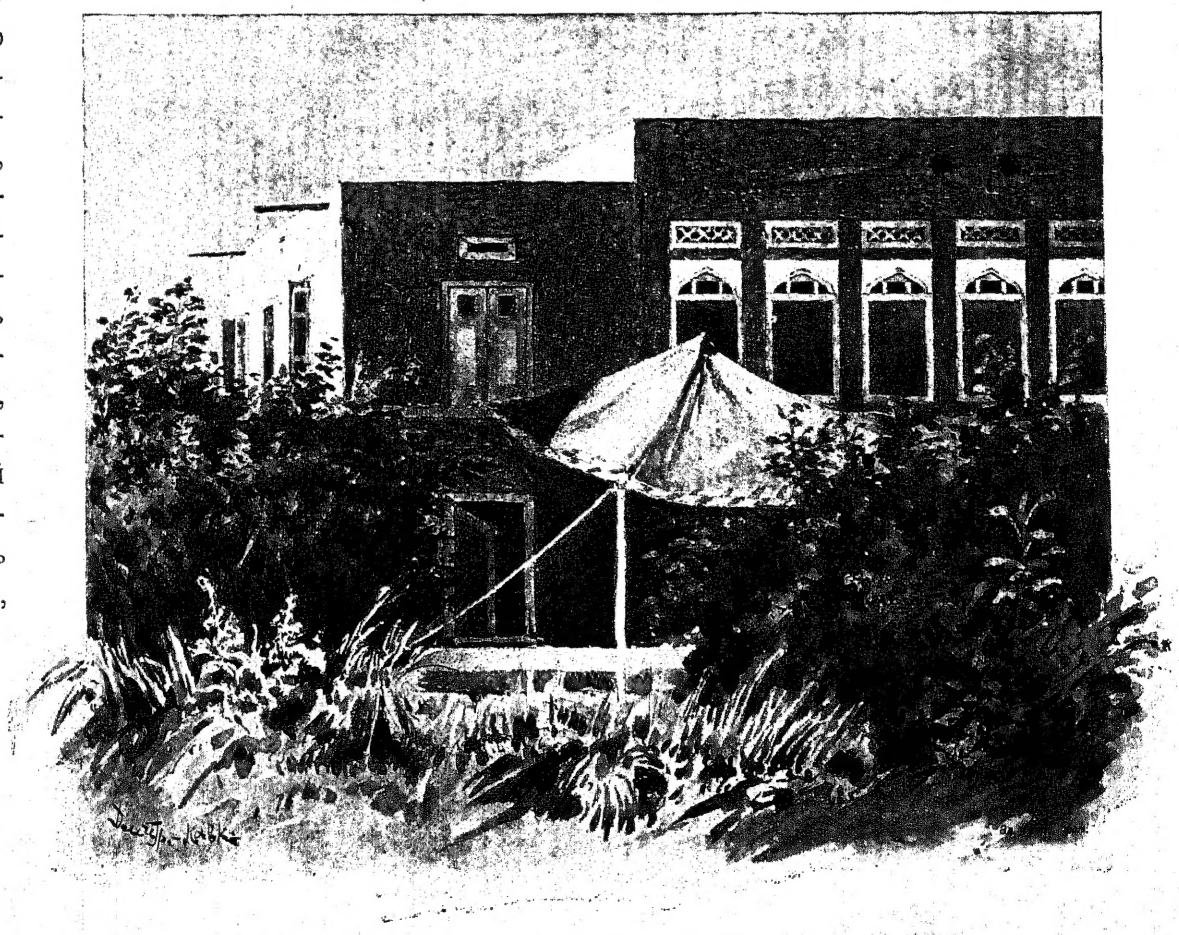


Верблюдъ, навьюченный саксауломъ.

«Кала».

такими барханами, поражаешься существованіемъ этой дороги и тѣмъ дьявольскимъ трудомъ и энергіей, которые нужны были для ея проведенія. Теперь ѣдешь въ вагонахъ, и ужасъ охватываетъ; каково же было созидать этотъ рельсовый путь? Невольно начинаешь преклоняться передъ неутомимостью, съ которой генералъ Анненковъ со своими желѣзнодорожными батальонами пересѣкалъ эти страшныя пустыни, гдѣ прежде гибло столько людей и верблюдовъ. Вѣдь сколько наши войска страдали въ этихъ пескахъ во время текинскихъ и хивинскихъ походовъ, и сколько здѣсь погибло верблюдовъ — тяжело вспоминать! А теперь мы съ комфортомъ вагонной ѣзды почти перелетаемъ эту пустыню.

Перерѣзавъ пески, дорога идетъ по безконечной равнинѣ, покрытой мелкими камешками, съ кое-какой пучковатой, выжженной растительностью. По правую сторону дороги тянется хребетъ совершенно голыхъ, безъ всякихъ признаковъ растительности, горъ странной формы, своеобразно изборожденныхъ потоками весеннихъ водъ. Дальше видны ахалъ-текинскія укрѣпленія изъ глиняныхъ, поражающей толщины стѣнъ (см. рисунокъ на стр. 3), у которыхъ пролито столько русской и текинской крови. Теперь эти укрѣпленія пусты, полуразрушены. А вотъ на громадномъ степномъ пространствѣ разбросаны какія-то большія глиняныя тумбы; это отдѣльныя укрѣпленія для двухъ-трехъ человѣкъ, изъ которыхъ текинцы отстрѣливались. Все это отжило и переходитъ въ будущую сказку. Вотъ и Мервъ, но не тотъ древній, историческій Мервъ, а современный, русскій, съ русскими домами, русскими войсками, жителями, магазинами, гостиницами и т. п. Окрестно-

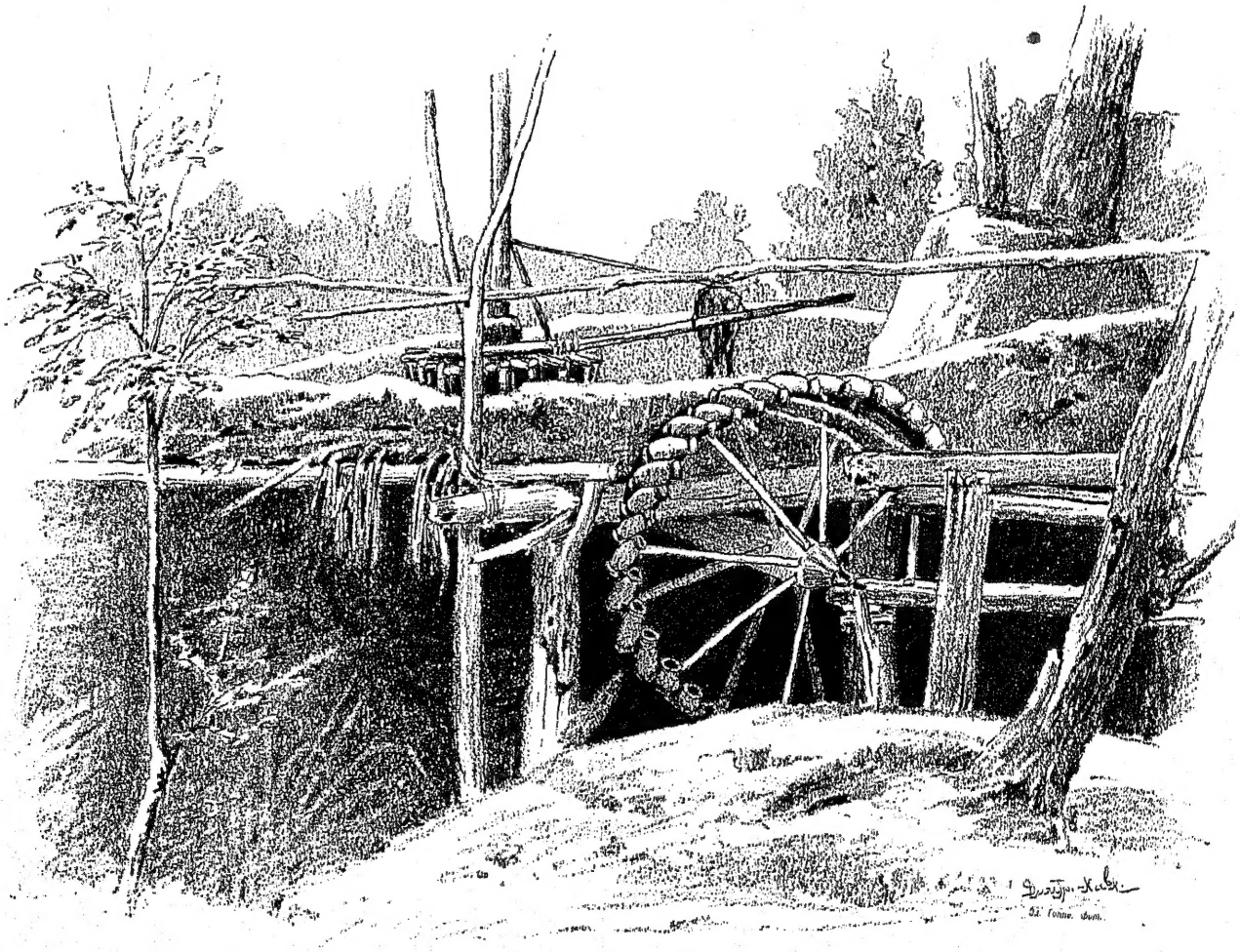


Домъ-дворецъ чарджуйскаго сада.

Кишлаки на границѣ пустыни.

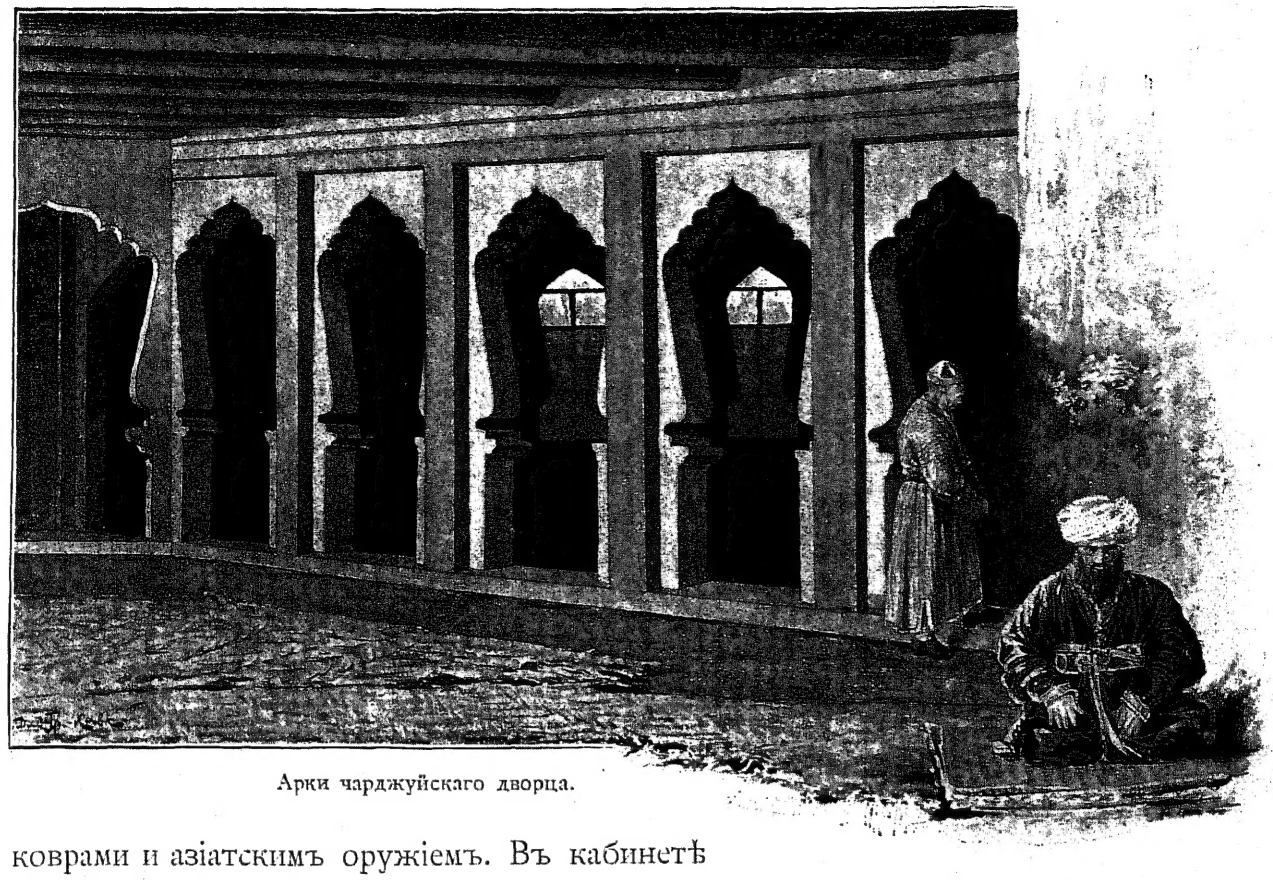
сти этого русскаго Мерва населены текинцами. У вокзала Мерва прежде всего обдаетъ пріѣзжаго невѣроятной пылью; пыль лежитъ толстымъ слоемъ и при движеніи извозчиковъ и арбъ, вся подымается въ воздухѣ и тогда трудно дышать и ничего не видно. Пріѣхавъ въ Мервъ, я узналъ, что здѣсь генералъ Анненковъ, котораго мнѣ нужно было видѣть и который остановился у начальника мервскаго округа Алиханова. Генералъ Анненковъ любезно встрѣтилъ меня и предложилъ дальше ѣхать вмѣстѣ; онъ же познакомилъ меня съ инженеромъ С., который пригласилъ остановиться у него на тѣ дни, которые генералъ пробудетъ въ Мервѣ. Къ вечеру пришелъ кавказскій джигитъ съ приглашеніемъ отъ Алиханова на обѣдъ. Подполковникъ Алихановъ, этотъ герой закаспійскій, среднихъ лѣтъ, стройный, бравый мужчина съ интеллигентнымъ лицомъ и съ кавказскимъ гостепріимствомъ; онъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Онъ здѣсь по-

Сартъ.



«Чигирь».

строилъ себѣ прекрасный домъ, развелъ садикъ, который выходитъ на улицу, и у воротъ котораго разбита бухарская палатка для нѣсколькихъ человѣкъ текинцевъ-милиціонеровъ. Алихановъ пользуется у текинцевъ большой популярностью, какъ человѣкъ храбрый, одной вѣры съ ними (мусульманинъ) и знающій ихъ языкъ. Обстановка у Алиханова полуазіатско-европейская, съ прекрасными громадными коврами и азіатскимъ оружіемъ. Въ кабинетѣ нѣсколько шкафовъ съ книгами.



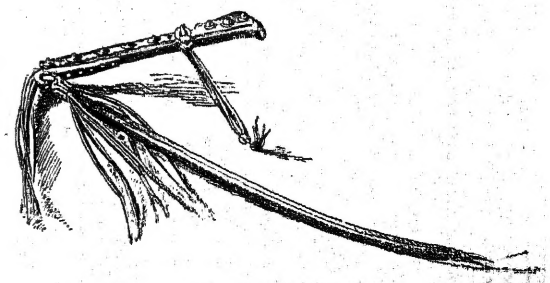
Арки чарджуйскаго дворца.

За обѣдомъ были въ числѣ прочихъ гостей два текинскихъ хана въ кавказскихъ черкескахъ съ русскими офицерскими погонами (см. рисунки на стр. 1 и 4). Между прочимъ, за обѣдомъ кто-то спросилъ одного изъ хановъ, какого онъ мнѣнія о Бухарѣ, и тотъ съ довольно игривымъ выраженіемъ лица отвѣтилъ: «Бухара — это кокетка въ объятіяхъ Россіи». Обѣдъ прошелъ оживленно и весело; потомъ перешли съ кофе на террасу и дыша свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ сада, освѣщеннаго яркой луной, засидѣлись до поздней ночи, увлекшись разсказами милаго хозяина о былomъ этого края.

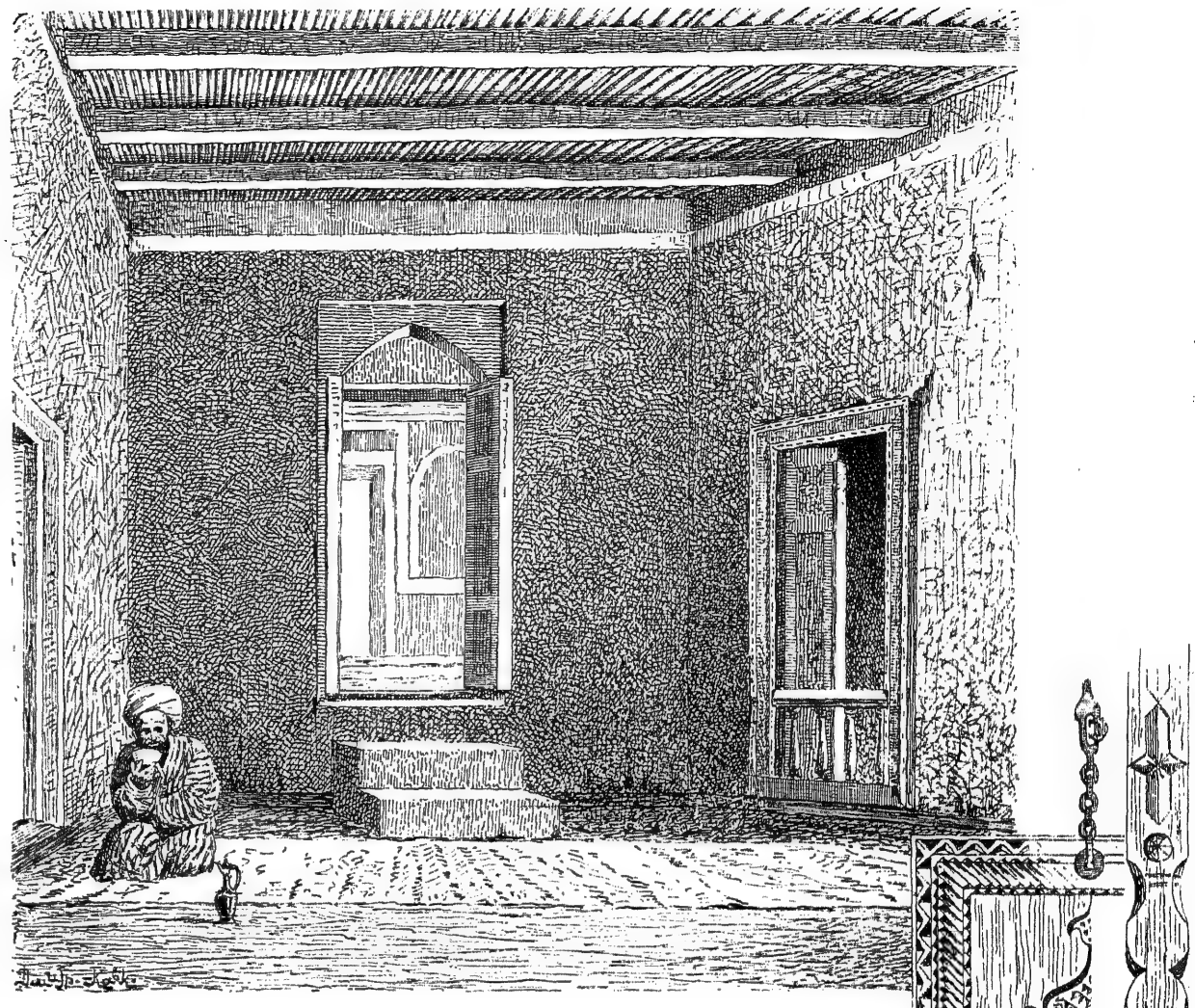
При отъѣздѣ изъ Мерва генерала Анненкова провожали несмѣтныя толпы текинцевъ. Это была чрезвычайно живописная картина. Поѣздъ двинулся подъ звуки оркестра мѣстнаго стрѣлковаго батальона. Теперь — до бухарскаго города Чарджуя, стоящаго въ 10-ти верстахъ отъ р. Аму-Дарьи, на лѣвомъ берегу.

Еще нѣсколько словъ о закаспійской желѣзной дорогѣ. Такъ какъ эта дорога военная, то всѣ кондуктора и вообще желѣзнодорожная прислуга — солдаты желѣзнодорожныхъ батальоновъ; начальники станцій и высшее желѣзнодорожное начальство — офицеры; полиція на станціяхъ или, вѣрнѣе, жандармы — кавказскіе казаки съ нагайками. По всему этому закаспійская желѣзная дорога производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели всѣ другія русскія дороги. Большинство станцій уже имѣетъ каменные красивые вокзалы, нѣкоторые изъ нихъ даже съ бассейнами, изъ которыхъ бьетъ высокой струей въ горячій воздухъ фонтанъ; вода проведена изъ ближайшихъ горъ; это производитъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Но есть и такія еще станціи, гдѣ жутко становится за служащихъ, помѣщающихся почти въ шалашахъ или кибиткахъ (см. рисунокъ на стр. 2); эти несчастные буквально жарятся немилосердно: вѣдь лѣтомъ жара доходитъ до 55° по Реомюру.

По пути отъ Мерва къ Чарджую попадаются мѣстами цѣлые лѣса саксаула, этого курьезнаго растенія на границахъ оазисовъ и пустыни.



Текинская плеть.



Одна изъ комнатъ чарджуйскаго дворца и части ставни.

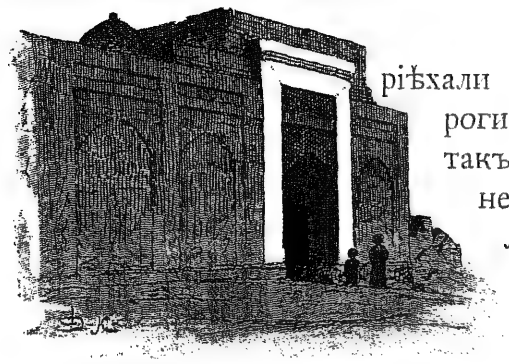
Дерево саксаулъ (см. рисунки на стр. 3 и 4) имѣетъ видъ скорѣе кустарника съ изящно висящими вѣточками, покрытыми мясистыми иглами вмѣсто листьевъ, капустнаго цвѣта. Этотъ кустарникъ-дерево вышиною надъ поверхностью земли въ сажень, много полторы, но зато собственно весь штампъ дерева — въ почвѣ, и тамъ онъ дѣйствительно и по виду, и по величинѣ — дерево съ чрезвычайно корявой поверхностью и съ причудливо изогнутыми отростками, переходящими въ коренья. Чтобы срубить дерево, его надо сначала отрыть. Саксаулъ интересенъ еще тѣмъ, что можетъ расти въ сыпучихъ пескахъ, питаясь подпочвенной влагой. Для человѣка въ этихъ пустыняхъ саксаулъ — драгоцѣнная защита и охрана отъ поступательнаго движенія песковъ. Къ несчастію, это полезное растеніе сильно уничтожается на топливо, ибо здѣсь нѣтъ другаго горючаго матеріала. Есть еще здѣсь кустарниковое растеніе, борящееся съ песками, — гребенщикъ, тоже безлистное, напоминающее своими иглами хвою.

Приближаясь къ Чарджую, приходится перерѣзать еще одну пустыню песчаныхъ барханов, которые во время вѣтровъ не разъ заносятъ полотно желѣзной дороги и дѣлаютъ остановку поѣздовъ, требующихъ расчистки.

Какой рѣзкій переходъ: кончились пески, и сразу открывается заселенный зеленый оазисъ съ садами и посѣвами. Потянулись кишлаки (поселки) бухарцевъ (см. рис. стр. 6). Всѣ дома, сараи, стѣны дворовъ — глинобитные. Пошли посѣвы хлопчатника, джугуры (сорго), люцерны. Бросается въ глаза отсутствіе сѣнокосныхъ луговъ, которые замѣняются зелеными четыреугольниками посѣвовъ люцерны. Поѣздъ идетъ, прорѣзая кишлаки. По обѣ стороны дороги полуразвалившіеся дома, отчужденные подъ полотно желѣзной дороги; нѣкоторые изъ нихъ въ разрѣзѣ, такъ что видны дворы, комнаты, печи, амбразуры въ стѣнахъ.

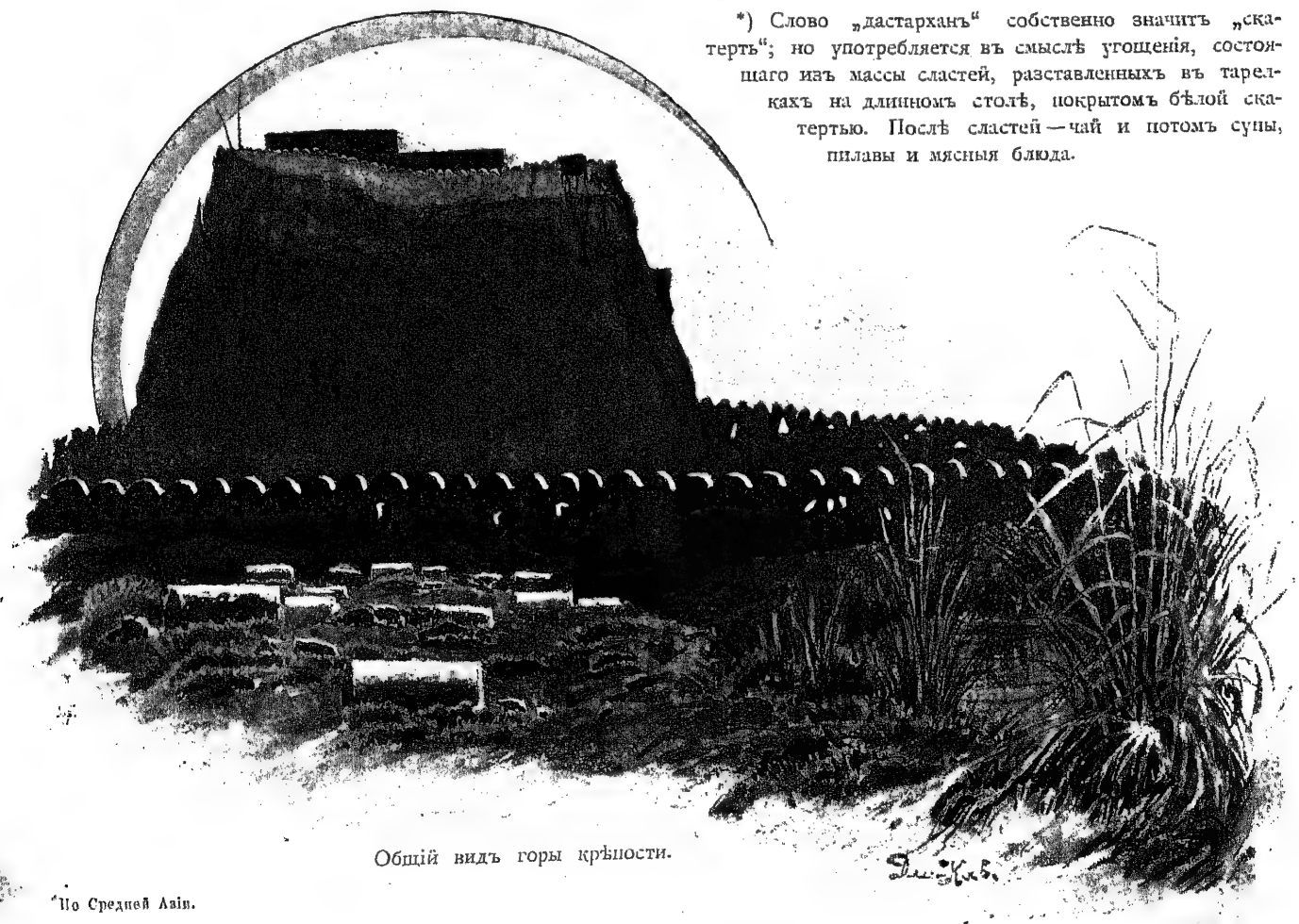
Чилимъ.

ЧАРДЖУЙ. МЕЖДУ САРТАМИ.

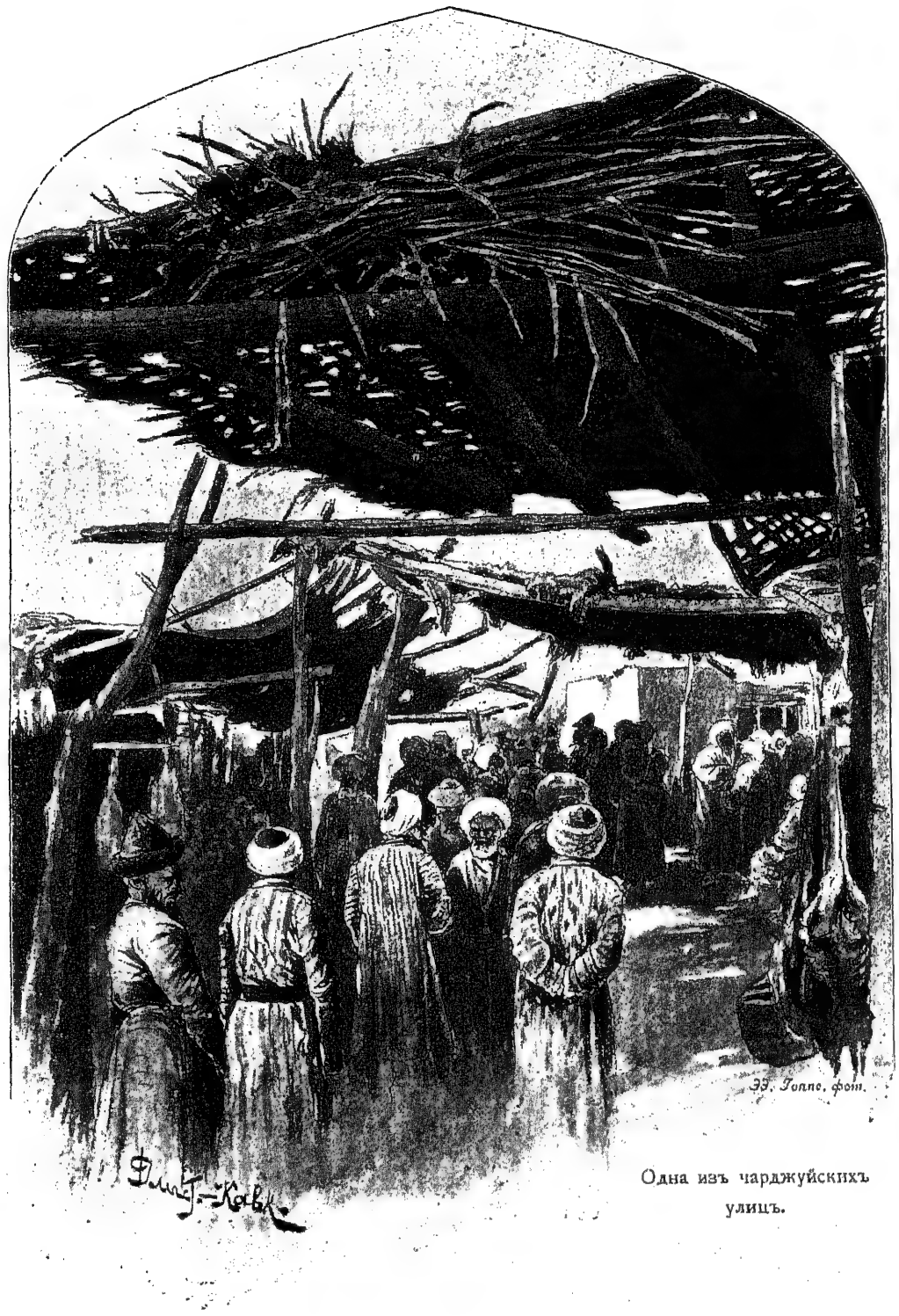


пріѣхали въ Чарджуй. Самаго города отъ полотна желѣзной дороги не видно за садами кишлаковъ, его окружающихъ. Это, такъ сказать, пригородъ. Остановились у площади, обнесенной невысокими стѣнами и засѣянной люцерной. У полотна желѣзной дороги въ стѣнѣ проломъ, чрезъ который и направились всѣ, во главѣ съ генераломъ Анненковымъ, къ высокимъ зубчатымъ стѣнамъ сада. У маленькой калитки взводъ бухарскихъ солдатъ отдалъ подъ русскую команду честь генералу. Какъ отрадно было послѣ такого переѣзда вступить въ большой тѣнистый садъ!... Въ этомъ саду, принадлежащемъ эмиру, находится полузаброшенный пустой дворецъ, который и отвели въ полное распоряженіе генерала Анненкова на время постройки желѣзной дороги самаркандскаго участка. Теперь здѣсь бекъ чарджуйскій дѣлаетъ парадную встрѣчу генералу. У главной аллеи — небольшой прудъ, обсаженный вербами, около пруда — большой возвышенный четыреугольникъ изъ кирпича и глины со входными ступенями; надъ нимъ во всю его величину разбиты красивыя бухарскія палатки съ громадными наметами, которые чрезвычайно живописно отходятъ въ стороны, держась наружными краями на косо поставленныхъ древкахъ. Все это цвѣтисто расшито съ внутренней стороны. Полъ весь застланъ громадными бухарскими паласами. Во всю длину этой открытой палатки — столъ, густо уставленный всевозможными азіатскими яствами. Это дастарханъ *) въ честь пріѣзда генерала. Здѣсь былъ бекъ со своей свитой; вся эта группа имѣла очень блестящій видъ. Во все время да-

*) Слово „дастарханъ“ собственно значитъ „скатерть“; но употребляется въ смыслѣ угощенія, состоящаго изъ массы сластей, разставленныхъ въ тарелкахъ на длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью. Послѣ сластей — чай и потомъ супы, пилавы и мясныя блюда.



Общій видъ горы крѣпости.



Одна изъ чарджуйскихъ улицъ.

старханa играла военная бухарская музыка, по правдѣ сказать, довольно таки скверная. Послѣ дастархана поѣхали на Аму-Дарью. Въ ½ верстѣ отъ берега — конечная станція желѣзной дороги съ кирпичнымъ домомъ для служащихъ. Подошелъ я къ берегу, и охватило меня грустью какой-то. Мутная быстрая Дарья очень широка въ этомъ мѣстѣ; чуть-чуть виденъ другой берегъ; на берегу, совершенно плоскомъ, — пусто: двѣ-три кибитки да какой-то шалашъ изъ различнаго хлама, около котораго наваленъ кучами всякій кочевой переселенческій скарбъ; какіе-то люди въ неопредѣленныхъ костюмахъ, но въ военныхъ потасканныхъ фуражкахъ съ красными околышками; бабы, дѣти, и все это такъ безпріютно на открытомъ воздухѣ; кругомъ—ни одного жилья; вдали нѣсколько сакль туземцевъ. Это первая переселенческая группа русскихъ людей въ этомъ мѣстѣ — уральцы, пришедшіе изъ бывшихъ хивинскихъ владѣній, изъ-подъ теперешняго русскаго городка Петроалександровска, куда они были высланы съ Урала много лѣтъ назадъ за непослушаніе мѣстнымъ властямъ. Теперь всѣ они прекрасно говорятъ по хивински и рыбачатъ по Аму-Дарьѣ. Народъ бывалый, что называется, прожженный. Почти всѣ старовѣры, а потому народъ трезвый и относительно не бѣдствующій. Тутъ же на берегу лежатъ верблюды съ тюками хлопка. Вода въ Дарьѣ почти въ уровень съ берегомъ, почва котораго — лесъ, легко подмывaемый водою.

Въ Чарджуѣ я поселюсь на болѣе или менѣе продолжительное время. Здѣсь озна-

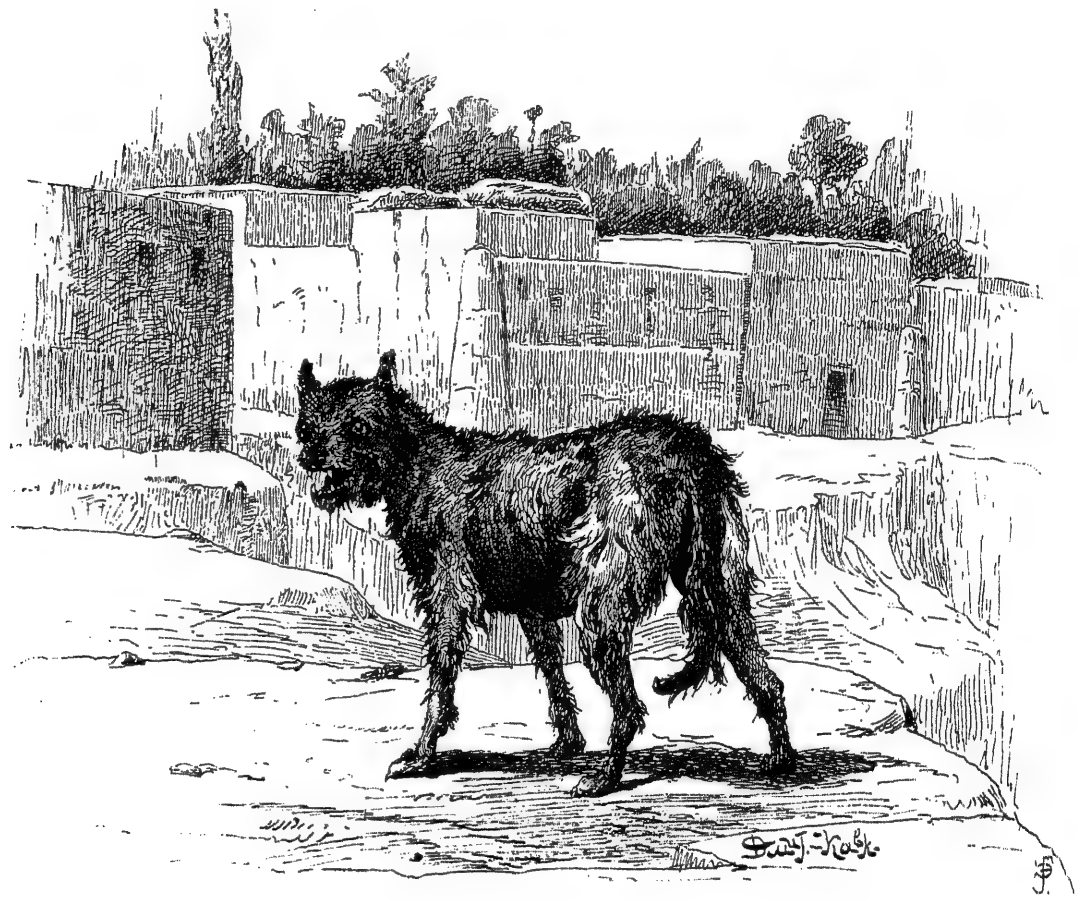
Горлянка для табаку.

комлюсь съ мѣстнымъ народомъ и его жизнью. Отсюда буду дѣлать дальнѣйшія путешествія. Поселюсь, по приглашенію генерала Анненкова, въ эмировскомъ саду, о которомъ я говорилъ. Это отъ города версты двѣ. Садъ и домъ-дворецъ довольно типичны (см. рис. стр. 5), чтобы описать ихъ. Домъ двухэтажный съ гладкими, безъ всякихъ украшеній, стѣнами, и плоской крышей; то и другое — изъ глины желтоватосѣраго цвѣта. Въ верхнемъ этажѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ окна арабской формы; надъ каждымъ окномъ еще узенькое окошечко съ мелкимъ сѣтчатымъ переплетомъ рамы, сдѣланной изъ цемента и затянутой изнутри прозрачной бумагой. Большія окна имѣютъ двустворчатыя деревянныя, густо и красиво рѣзныя, ставни. Въ нижнемъ этажѣ собственно оконъ нѣтъ, а есть небольшія двери, также двустворчатыя и рѣзныя; онѣ же служатъ и окнами. Съ западной стороны большая глинобитная терраса съ нѣсколькими ступенями на главную аллею сада. Съ юга, ближе къ западной стѣнѣ, что-то въ родѣ веранды, открытое углубленіе съ деревянными колоннами, поднятое надъ землей на нѣсколько ступеней. Внутри дома, по срединѣ — большая зала, высотой въ оба этажа; прежде по срединѣ этой залы былъ большой водоемъ. Кругомъ залы внизу и наверху — маленькія комнаты. Въ верхнемъ этажѣ изъ всѣхъ комнатъ выходятъ въ залу дверки-окна, а съ сѣверной и южной сторонъ сплошныя галлереи, какъ бы хоры, огражденныя красивыми арабскими арками изъ цемента бѣлаго цвѣта (см. рис. стр. 7). Какъ изъ верхнихъ комнатъ, такъ и изъ галлерей видна вся зала, и въ былое время, какъ изъ ложъ, можно было любоваться на купающихся въ бассейнѣ гаремныхъ красавицъ. Комнаты нижняго этажа западной стороны занялъ генералъ, а мы, т. е. часть служащихъ въ управленіи желѣзной дороги и я, помѣстились наверху. Внизу — канцелярія. Въ большой военной палаткѣ, разбитой за домомъ, — писаря.

Садъ — фруктовый. Главная аллея изъ тополей, нѣсколько боковыхъ аллей изъ виноградника, укрѣпленнаго на деревянныхъ жердяхъ и образующаго тѣнистые корри-

Бухарская палатка.

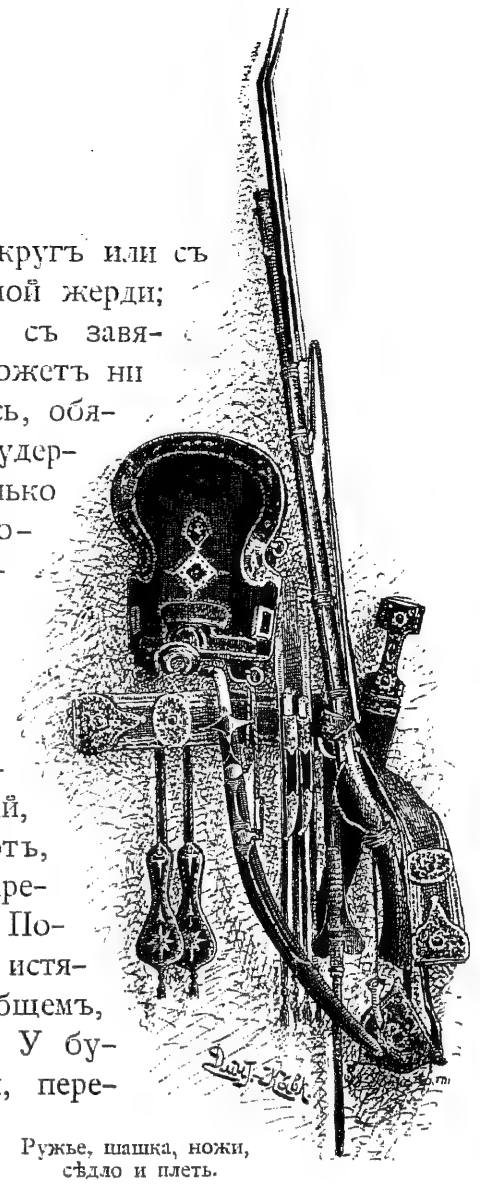
доры. Весь садъ разбитъ арычками (оросительныя канавки) на четыреугольники. Тутъ нѣсколько видовъ персиковъ, урюкъ, инжиръ (винная ягода), шелковичныя деревья или тутъ, миндаль, розы и посѣвы: хлопка, джугуры, люцерны, дыни. Для орошенія этого сада постоянно работаютъ два чигиря. Чигирь — это большое колесо (см. рис. стр. 6) съ укрѣпленными по ободу глиняными сосудами, служащее для подъема воды изъ большаго арыка въ малый, для поливки посѣвовъ и сада. Здѣшній чигирь совершенно одного типа съ древне-египетскимъ водоподъемнымъ колесомъ. Колесо приводится въ дѣйствіе лошадью съ завязанными глазами; на каждый глазъ обыкновенно накладываютъ старую тюбитейку (мужской головной уборъ, колпачекъ) и обвязываютъ какой нибудь тряпкой, — и несчастная лошадь въ такомъ видѣ, припряженная къ



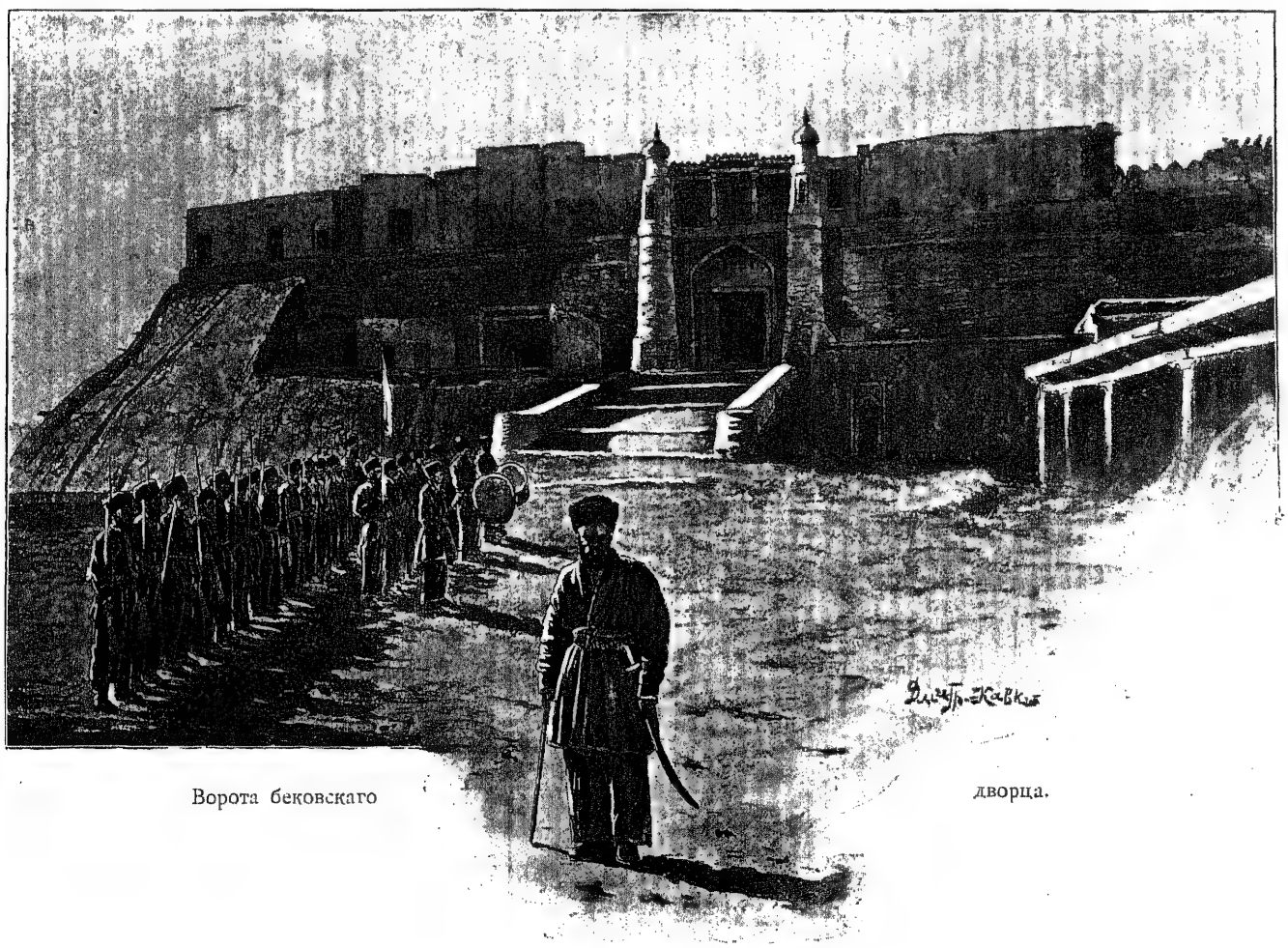
Сартская собака.

оглоблѣ колеса, много часовъ подъ рядъ ходитъ кругомъ, зачастую подъ палящимъ солнцемъ; иногда, впрочемъ, надъ кругомъ дѣлаютъ навѣсъ. Лошадь до такой степени втягивается въ это безотчетное хожденіе вокругъ, что иногда цѣлыми часами движется безъ понуканій какого нибудь мальчишки, приставленнаго къ чигирю и большей частью дремлющаго съ хворостиной въ рукѣ: изрѣдка, спросонья, онъ хлестнетъ разъ-другой эту живую машину и опять погружается въ дремоту подъ плескъ воды и однообразный, унылый скрипъ колеса; а лошадь все топчется, да топчется, воображая, что куда-то далеко-далеко идетъ. Грустно смотрѣть на такое животное, превращенное въ машину и работающее, даже не видя ничего, а въ награду за все это — побои и позволеніе нѣсколько часовъ въ сутки пощипать траву. Обыкновенно эти лошади имѣютъ ужасный видъ. Но еще ужаснѣе видѣть, какъ пріучаютъ лошадь къ такой работѣ: въ саду или на задворкахъ гдѣ нибудь привязываютъ жердь къ дереву, такъ что при-

крѣпленный къ дереву конецъ можетъ свободно вращаться вокругъ или съ помощью веревки, или съ помощью кольца, сдѣланнаго изъ самой жерди; къ другому концу ея вплотную привязываютъ голову лошади съ завязанными глазами; конечно, при такихъ условіяхъ лошадь не можетъ ни увеличить, ни сократить своего разстоянія отъ дерева, и, двигаясь, обязательно дѣлаетъ круги, радіусомъ которыхъ и служитъ жердь, удерживающая животное; привязавъ такимъ образомъ лошадь, нѣсколько человѣкъ бухарцевъ, запасшись длинными и довольно толстыми хворостинами, начинаютъ неистово колотить несчастную тварь; лошадь начинаетъ метаться, дѣлаетъ порывистые прыжки, скачетъ, трясется, постоянно спотыкаясь, ибо ничего не видитъ, наконецъ падаетъ; тутъ начинаются усиленные побои, заставляющіе несчастную жертву вскакивать и метаться по прежнему; но, въ силу привязи, лошадь непремѣнно бѣгаетъ вокругъ дерева съ правильностью циркуля. Я видѣлъ лошадей послѣ такихъ операцій, совершенно избитыхъ и чуть не съ переломленными ногами. И вотъ, когда окончательно убьютъ въ животномъ всю волю, — оно прекрасно служитъ человѣку машиной для орошенія полей и садовъ. Поражаетъ всегда это веселое, ликующее настроеніе у бухарцевъ, истязующихъ такимъ образомъ животное, а между тѣмъ, въ общемъ, этотъ народъ любитъ животныхъ и постоянно возится съ ними. У бухарца зачастую встрѣтите ручнаго джерана (дикая коза), оленя, перепелку, которая у насъ не выноситъ даже деревянной клѣтки, — а онъ ее таскаетъ за пазухой, но опять таки устраиваетъ бои въ родѣ нашихъ пѣтушиныхъ. Многіе русскіе, видя такое истязаніе лошадей, говорятъ, что въ этомъ сказывается вся дикость и неразвитость этого народа. Ахъ, какъ-бы хорошо было на свѣтѣ, если-бы подобныя истязанія прекраща-



Ружье, шашка, ножи, сѣдло и плеть.

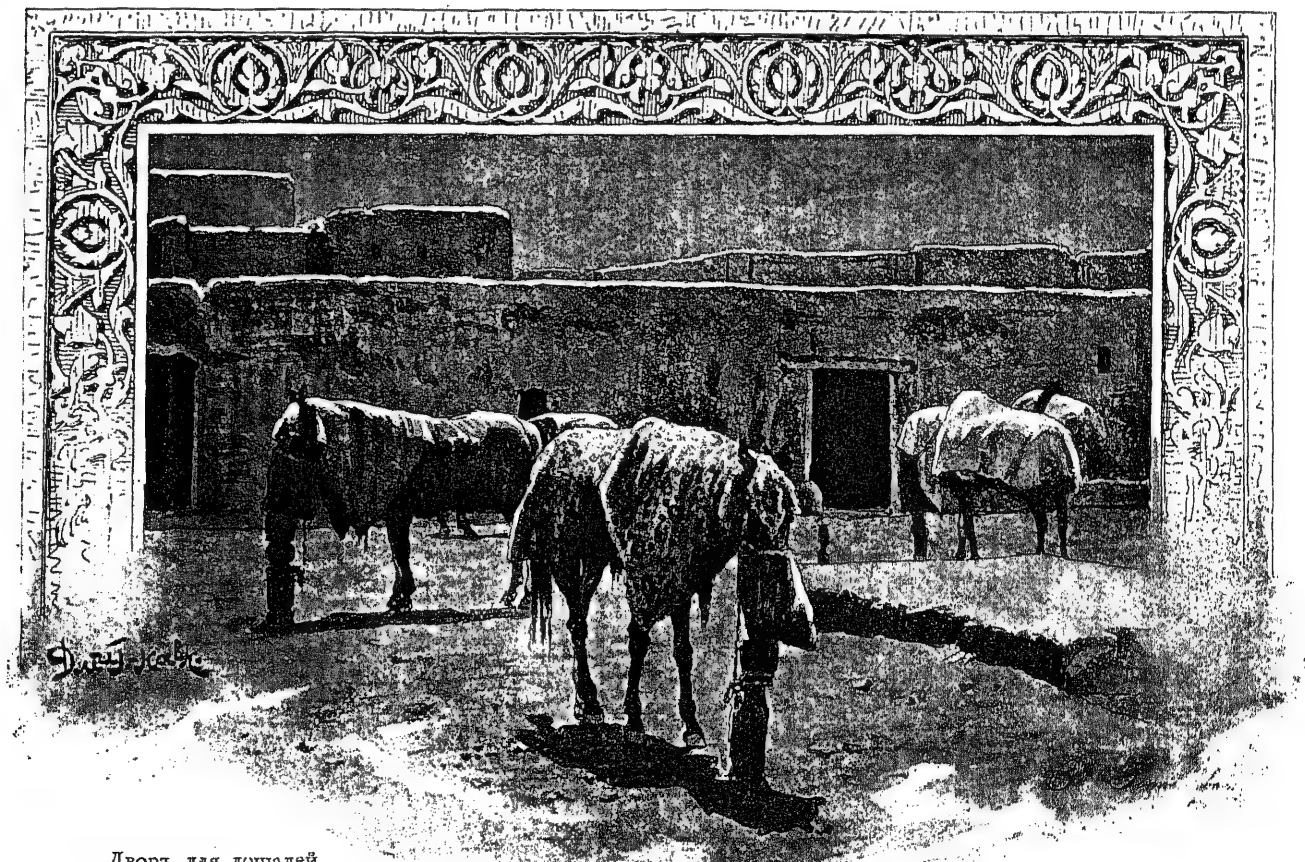


Ворота бековскаго дворца.

Футляръ для походной чашки.

лись за чертою дикихъ людей; но когда вспомнишь нашихъ живодеровъ, сдирающихъ кожу съ живыхъ лошадей, вспомнишь испанцевъ съ ихъ публичными боями быковъ, гдѣ на аренѣ, передъ тысячной массой цивилизованныхъ людей, разъяренные истязаніями быки выпускаютъ рогами кишки лошадей — то невольно думаешь, что не прекращается звѣрское обращеніе съ животными и у людей цивилизованныхъ, что въ этомъ отношеніи они не отличаются отъ дикарей.

Отправляюсь въ городъ. Какъ я уже сказалъ, нашъ садъ отстоитъ отъ него верстахъ въ двухъ; почти весь этотъ путъ идетъ между садами, огородами и посѣвами кишлаковъ, обнесенными невысокими глиняными стѣнами. Прежде чѣмъ вступить въ городъ, я опишу кишлачный домъ. Все, начиная съ забора и кончая крышей дома — глиняное. Каждый домъ, а тѣмъ болѣе зажиточный, это маленькая крѣпостца (кала) (см. рис. стр. 5). По большей части квадратное пространство, занимаемое дворомъ бухарца, обнесено высокими, сажени въ 3 — 4, зубчатыми стѣнами, съуживающимися кверху; по угламъ и на разстояніи саж. 6—8 одна отъ другой у стѣнъ — толстыя полуколонны, тоже суживающіяся кверху и совершенно слитыя со стѣнами; полуколонны заканчиваются въ большинствѣ полушаріемъ съ маленькимъ украшеніемъ наверху, иногда въ видѣ копья. Для болѣе удобнаго стока воды и въ видѣ украшенія, всѣ стѣны снизу до верху имѣютъ жолобообразныя узкія полосы. Въ одной изъ стѣнъ — ворота, часто съ легкимъ намекомъ на порталъ, украшенный плоской рѣзьбой въ глинѣ. Вотъ что главнымъ образомъ вы видите снаружи. Все, что построено внутри стѣнъ, часто совсѣмъ не видно. Такая кала очень напоминаетъ древній Египетъ съ его съуживающимися кверху стѣнами; недостаетъ только египетскаго карниза. Тамъ, за этими стѣнами, домъ, сараи для домашняго скота и иногда садикъ. Остальная земля съ посѣвами, огородами и садами обносится низенькими стѣнами, иногда не выше аршина. Кладка стѣнъ производится слѣдующимъ образомъ: роютъ яму, въ которую вливаютъ изъ ближайшаго арыка воду,



Дворъ для лошадей.

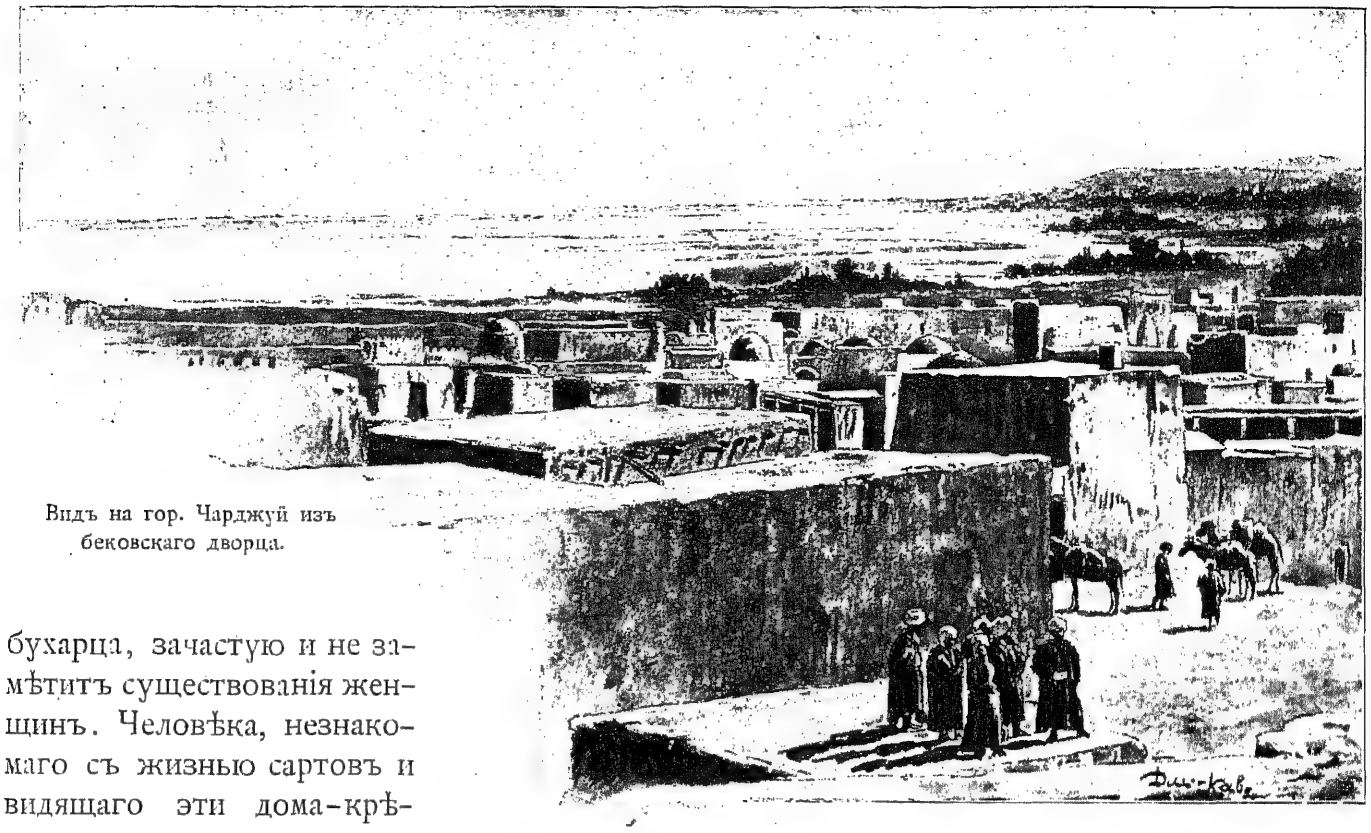
Бухарецъ въ зимнемъ костюмѣ.

Нож на поясъ.

иногда прямо канавкой, дѣлая отводъ, и изъ этой же вырытой земли (глинистый лесъ) мѣсятъ ногами матеріалъ для кладки; взмѣсивши, даютъ землѣ хорошенько провянуть сутки или двое; потомъ опять мѣсятъ и наконецъ на вычерченное двумя линіями пространство, выражающее толщину стѣны (аршинъ-полтора), кладутъ слой тростника или дерева-хворосту, чѣмъ изолируютъ наложенную землю отъ грунтовой, съ тѣмъ чтобы почвенная сырость и соль (которой во многихъ мѣстахъ очень много въ верхнихъ слояхъ почвы) не проходили въ стѣны и не разрушали ихъ. Сверху слоя тростника кладутъ глину; сложивши слой аршинъ-полтора, даютъ ему немного просохнуть и потрескаться; сверху идетъ другой слой и т. д. Каждому слою даютъ просохнуть для того, чтобы трещины стѣны не шли во всю вышину по одной линіи. Кладку стѣнъ производятъ въ одномъ мѣстѣ два человѣка: одинъ подаетъ лопатой, а другой руками укладываетъ. Немного просохшую стѣну сравниваютъ желѣзной лопатой и дѣлаютъ бороздки сверху внизъ. Если работа производится не весною, а лѣтомъ, то работающіе обыкновенно голые исключая таза, который закрытъ высоко подсученными штанами. Домъ внутри всегда дѣлится на двѣ половины: мужскую и женскую. У зажиточныхъ женская половина и дворъ отдѣльны.

Чарджуйскій бекъ

Посторонній посѣтитель, побывавъ въ домѣ



Видъ на гор. Чарджуй изъ бековскаго дворца.

бухарца, зачастую и не замѣтитъ существованія женщинъ. Человѣка, незнакомаго съ жизнью сартовъ и видящаго эти дома-крѣпостцы, чрезвычайно интригуетъ происходящее внутри. Эти громадныя стѣны, закрытыя ворота и ни единаго оконца на улицу — придаютъ какую-то таинственность. Здѣсь и собаки какія-то странныя: громадныя страшныя, но не трогающія прохожаго и не лающія безъ толку. Встрѣтится такой песъ, покосится, прорычитъ и тихо скользнетъ куда нибудь въ тѣнь. Пробираясь къ городу со стороны эмировскаго сада, по очень толстому слою пыли, которая брызжетъ при каждомъ шагѣ, мало видишь движенія, встрѣчъ почти никакихъ. Все однообразныя стѣны съ садами, посыпанными пылью; но вотъ направо открывается незаселенная поляна, въ концѣ которой сразу вырастаетъ крутая гора, заканчивающаяся наверху жильемъ и обнесенная кругомъ зубчатыми, мѣстами разрушающимися, стѣнами съ бойницами. У стѣнъ то гніющія болота съ камышомъ, то кладбища. Одинъ конецъ этой крѣпости какъ бы выпускаетъ изъ себя городъ, потянувшійся и поползшій изъ этой искусственной глинобитной горы; безпорядочно раскинувшись во всѣ стороны, онъ занялъ большое плоское пространство. И затянулось все это пеленой раскаленнаго воздуха, пропитаннаго тяжелымъ запахомъ базарной кухни съ пережженнымъ кунжутнымъ масломъ. Духота, вонь и видъ гніющаго пузырящагося позеленѣлаго болота съ дохлой распученной собакой — вотъ что встрѣчаетъ васъ при входѣ въ городъ. Искусственная гора (см. рис. стр. 9), о которой я упомянулъ, — это крѣпость, въ которой живетъ бекъ (губернаторъ) чарджуйскій.

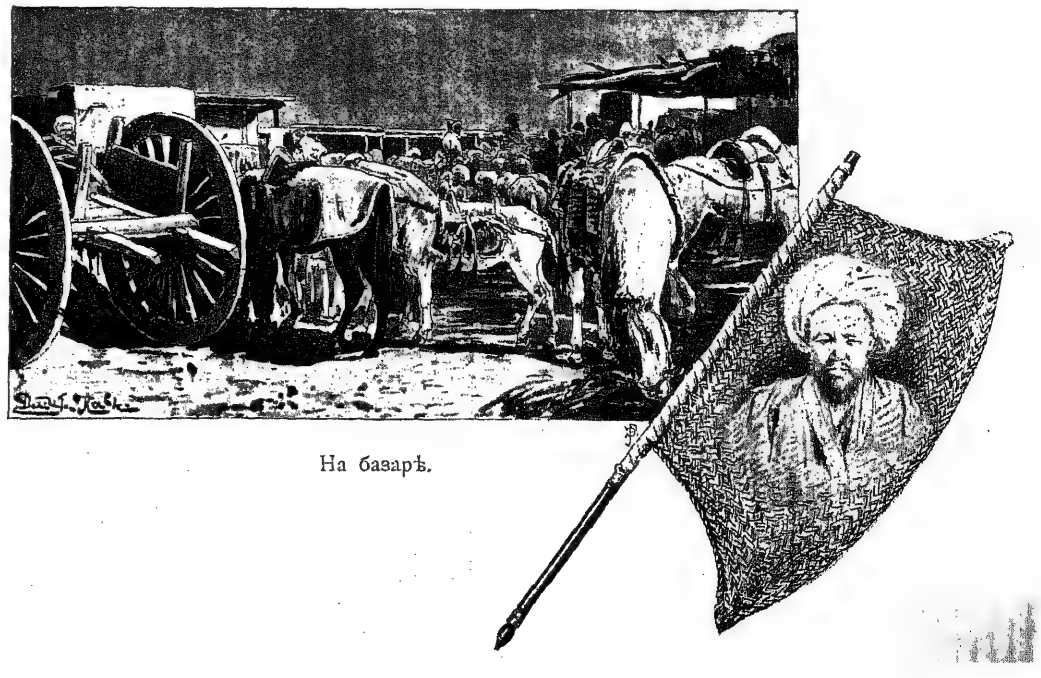
Съ первой же улицы города входящаго охватываетъ торговое оживленіе. Всѣ главныя улицы заняты сплошными рядами всевозможныхъ лавокъ. Эти улицы узки и покрыты дырявыми, изъ различнаго хлама, крышами, подъ которыми довольно прохладно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти полумракъ съ бьющимъ эффектомъ прорвавшагося въ какую нибудь щель золотаго луча солнца. Земля часто поливается изъ кожаныхъ мѣховъ. Благодаря крышамъ и поливкѣ, здѣсь и въ разгаръ знойнаго дня пріятно гулять, разсматривая выставленные въ лавкахъ товары съ дремлющими или пьющими зеленый чай купцами. Въ концѣ главной улицы — ворота цитадели, въ которой

Сартъ съ чилимомъ.

Бухарецъ-аристократъ.

живетъ бекъ. У этихъ воротъ караулъ изъ бухарскихъ солдатъ, которые держатся совсѣмъ не по военному. Въ стѣнахъ этихъ воротъ, въ уровень съ землей, нѣсколько дверокъ-дыръ, изъ которыхъ высовываются иногда руки просящихъ арестантовъ, что сидятъ въ темныхъ ямахъ тюрьмы, въ цѣпяхъ, полуголые. Эта тюрьма — настоящая яма, въ родѣ погреба; свѣтъ туда проникаетъ только изъ входныхъ маленькихъ дверей, ничѣмъ не закрытыхъ. Въ этой темной сырой ямѣ, безъ всякихъ признаковъ какой бы то ни было утвари, валяются на полу скованные, крайне изнуреннаго вида, преступники, просящіе у прохожихъ милостыню. Видъ этой тюрьмы и этихъ несчастныхъ обитателей ея производитъ крайне угнетающее впечатлѣніе. Каждый проходящій почти обязательно долженъ ихъ видѣть. Многіе изъ нихъ уже приговорены къ смертной казни. Страшно тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня одинъ мальчуганъ, лѣтъ пятнадцати, скованный по рукамъ и ногамъ и приговоренный къ снятію съ него молодой буйной головушки. Больно было смотрѣть на это юное лицо съ большими ласковыми глазами, озаренное безконечно грустной улыбкой. Эта предсмертная улыбка полнаго жизни молодаго симпатичнаго существа просто душу раздираетъ. Вся знать города, во главѣ съ бекомъ, привыкла совершенно хладнокровно смотрѣть на подобныя лица, да еще смотрѣть съ величественнымъ презрѣніемъ людей высоко стоящихъ. Смотрятъ и знаютъ, что завтра этотъ юноша закроетъ свои лучистые добрые глаза и будетъ болтаться съ перерѣзаннымъ горломъ на висѣлицѣ базарной площади передъ тысячной толпой...

Въ концѣ арки воротъ виситъ громадный плоскій барабанъ и при немъ колотушка. Это ночной контролеръ неусыпности часоваго. Изъ воротъ дорога идетъ

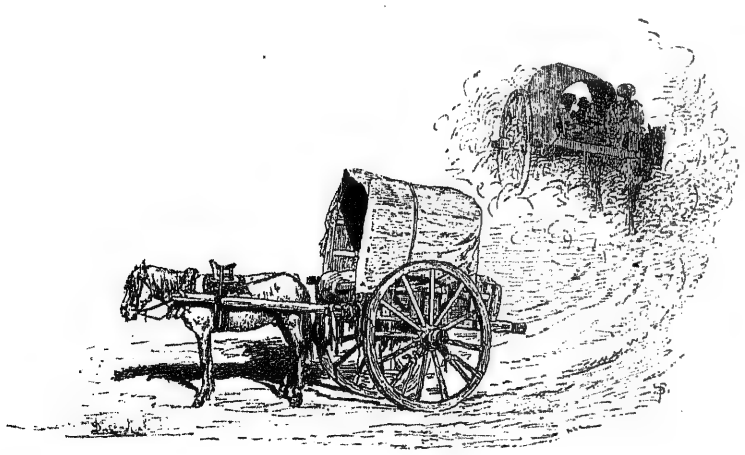


На базарѣ.

Караванъ верблюдовъ.

немного въ гору, по улицѣ тоже съ нѣсколькими лавченками. При послѣднемъ поворотѣ открывается довольно большая площадка, съ правой стороны которой — сараи или навѣсы съ торчащими пушками на зеленыхъ лафетахъ и съ артиллеристомъ-часовымъ съ обнаженной саблей. Сколько комизма въ этихъ пушкахъ, когда посмотришь на нихъ! всѣ онѣ — старая отставная рухлядь съ лафетами, которыхъ нельзя тронуть съ мѣста, чтобы не разсыпать. Пушки эти даже въ декоративномъ смыслѣ плохи.

Съ лѣвой стороны площадки большой, углубленный на высоту обыкновеннаго жилаго дома, дворъ для лошадей (см. рис. стр. 14). Кругомъ двора — помѣщеніе для прислуги и конюшни, которыя и составляютъ стѣны двора, а крыша ихъ — въ уровень съ площадкой. Весь этотъ дворъ уставленъ коновязными столбиками съ привязанными къ нимъ лошадьми, покрытыми попонами изъ войлока; у большинства лошадей закрыты и головы чахлами изъ цвѣтной холщевой матеріи съ отверстіями для глазъ. Лошади весь день стоятъ на солнцѣ. Наконецъ, прямо противъ входа на площадку, подъемъ къ воротамъ бековскаго дома. Это и есть вершина искусственной горы, заканчивающаяся кирпичными стѣнами съ кирпичными же башенками у воротъ. До этого мѣста всѣмъ можно ходить, дальше — жилище бека... (см. рис. стр. 13).



Арба бухарская.

Какъ я уже говорилъ, расположились мы въ эмировскомъ домѣ. Я занялъ одну изъ проходныхъ комнатъ втораго этажа. Мебели — никакой, и первое время пришлось спать на полу. Дни горячіе, ночи душныя. Въ глиняныхъ стѣнахъ масса мелкихъ муравьевъ, а въ открытыя ночью окна летятъ москиты, которые незамѣтно искусываютъ все тѣло, покрывающееся язвами отъ невольнаго расчесыванья. Чрезъ нѣсколько дней я весь горѣлъ отъ невыносимаго зуда. Выписываю изъ Бухары па-

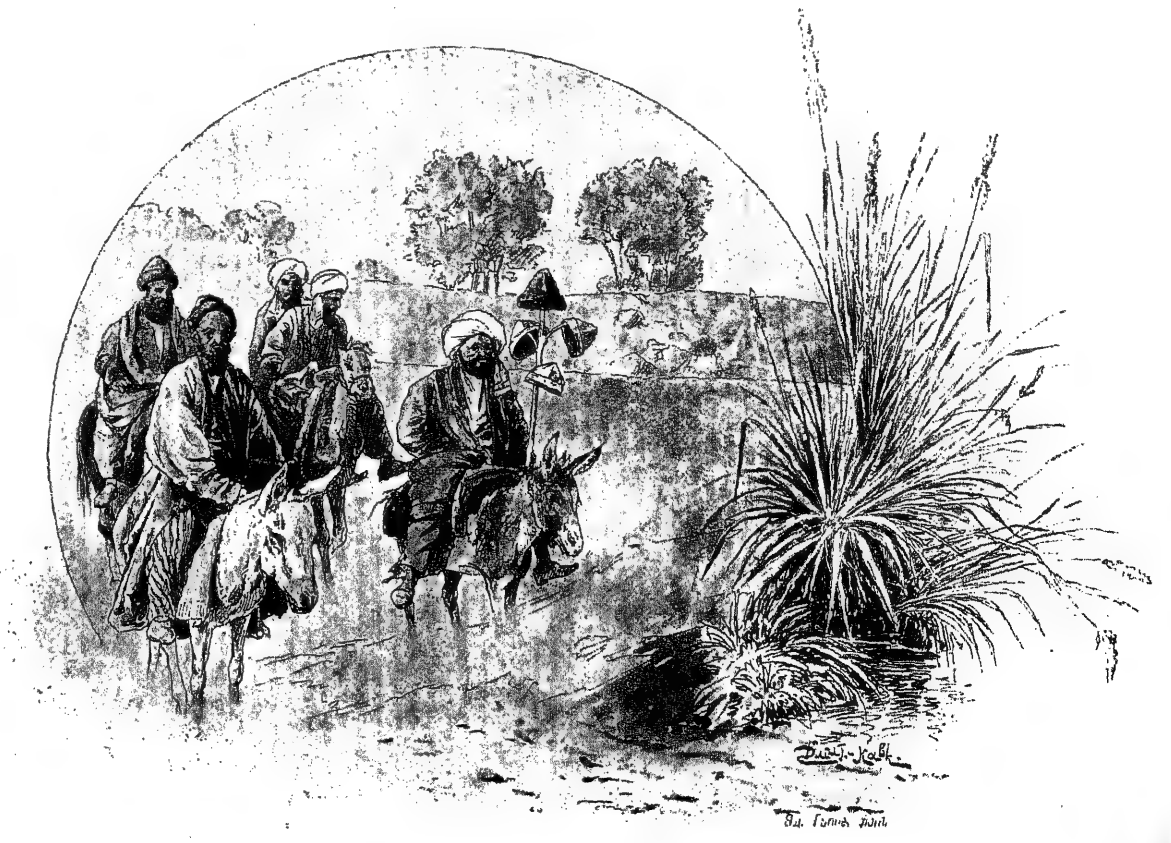
Плеть-цѣпь для осликовъ.

латку, чтобы жить въ саду. Эти душныя ночи съ москитами совершенно обезсиливаютъ человѣка. Въ саду мы устроили на небольшомъ прудѣ крытую изъ тростниковыхъ цыновокъ купальню и нѣсколько разъ въ сутки купаемся, чѣмъ и освѣжаемъ себя на нѣкоторое время. Иногда ночью мучимся, мучимся отъ духоты и москитовъ, вскочимъ всѣ, какъ Богъ создалъ, и шествуемъ изъ нашего дворца въ садъ по густой аллеѣ старыхъ развѣсистыхъ шелковичныхъ деревъ, ярко освѣщенныхъ луной. Шествіе наше всегда имѣетъ цѣлью купальню, откуда, освѣженные, двигаемся опять на съѣденіе москитовъ и муравьевъ.

Сартъ съ топоромъ.

Завтраки и обѣды—всегда общіе, за столомъ генерала. Столъ накрывается въ саду, подъ шелковицами. До завтрака обыкновенно рисую или пишу этюды. Послѣ 12 часовъ наступаетъ палящая жара, и клонитъ всѣхъ ко сну. Чтобы не спать я съ однимъ моимъ знакомымъ отправляюсь въ Чарджуй бродить по базарамъ. Въ эти жаркія прогулки я подробно осматриваю вещи въ лавкахъ, покупаю, что характерно, наблюдаю уличную жизнь и, возвратившись къ себѣ въ садъ совсѣмъ въ изнеможеніи отъ жары, пью чай. Потомъ, когда жара немного спадетъ, иду писать этюды или брожу по сосѣднимъ ауламъ и полямъ, гдѣ приходится наблюдать совсѣмъ другую жизнь, чѣмъ въ Чарджуѣ. Здѣсь приходится видѣть сарта, занятаго исключительно землей съ ея тяжелой обработкой.

Конецъ моимъ ночнымъ мученіямъ: получилъ палатку и разбиваю ее въ саду, къ несчастью, только не въ тѣни: удобнаго мѣста съ большою тѣнью не нашлось. Палатка очень красивая, четвероугольная, въ 4 кв. аршина, снаружи холщевая, яркозеленаго цвѣта, внутри адрясъ (полушелковая цвѣтистая бухарская матерія, изъ которой шьютъ халаты) и очень типичныя вышивки изъ вырѣзныхъ орнаментовъ. Ярко, цвѣтисто и характерно. Двое дверей даютъ легкій сквознячокъ. Сарты удивительно быстро устанавливаютъ свои палатки: черезъ 15—20 минутъ палатка готова; полъ застланъ цыновками и сверху цвѣтистой кошмой; у одной изъ стѣнокъ бухарская кровать: довольно низенькая, на четырехъ точеныхъ столбикахъ-ножкахъ, густо переплетенная крученными изъ дерева веревками, поверхъ которыхъ — кошма, покры-



На базаръ.

Сартянка.

тая простыней; получается прекрасное ложе. Столъ, сундукъ и чемоданъ дополняютъ обстановку. Для походнаго жилья очень уютно и красиво. Черезъ полчаса можно двинуться въ путь со своимъ домомъ. Палатка прекрасно складывается для вьюка.

Для того, чтобы свободно все осматривать и зарисовывать въ городѣ, нужно сдѣлать визитъ беку и просить разрѣшенія. Чиновнику бека, который находится при генералѣ, я сказалъ о своемъ желаніи, и онъ на другой день сообщилъ мнѣ, что бекъ ожидаетъ меня въ 10 часовъ утра. Въ коляскѣ, запряженной русской тройкой, съ переводчикомъ на козлахъ и съ помянутымъ чиновникомъ верхомъ впереди, для почета и расчистки пути, я довольно торжественно двинулся къ беку. Улицы города до того узки, что ѣхать можно только шагомъ, и пристяжныя лошади откинутыми головами — совсѣмъ въ лавкахъ. Встрѣчные, если они на арбѣ или съ нагруженнымъ верблюдомъ, должны или сворачивать куда нибудь въ переулокъ, или же, выбравъ какое нибудь углубленіе въ улицѣ, невѣроятно втиснуться въ него. На площадкѣ, гдѣ стоятъ пушки у входныхъ воротъ я вышелъ изъ экипажа, встрѣченный нѣсколькими чинами двора бека, которые и повели меня дальше. Сначала пришлось идти по какому-то крытому двору-коридору, загибающемуся подъ прямымъ угломъ; по стѣнамъ его развѣшано оружіе: длинныя фитильныя ружья съ подставками-рогатинами, копья и топорики. Изъ этого полутемнаго коридора, полъ котораго поднимается въ гору, мы вошли на небольшой квадратный дворикъ, хорошо вымощенный плитами и окруженный стѣнами жилаго помѣщенія бека. Все это залито яркими лучами солнца. Воздухъ чистый, такъ какъ этотъ дворикъ — на самой вершинѣ горы. Поднявшись по нѣсколькимъ ступенькамъ въ одну изъ дверей, я очутился въ прохладной длинной комнатѣ съ нѣсколькими окнами, при-

Сартъ.

Типъ бухарскаго купца.

Пахарь.

крытыми ставнями. Полъ весь устланъ ковромъ. По срединѣ комнаты во всю длину — столъ, накрытый бѣлой скатертью и густо уставленный тарелками съ различными сластями: это дастарханъ для гостя. У стола два кресла довольно топорной работы, раскрашенныя яркозеленой краской и обитыя бухарскимъ цвѣтистымъ бархатомъ. Минуты черезъ двѣ изъ боковой двери вышелъ бекъ; любезно пожавъ мнѣ руку, онъ пригласилъ ко столу на одно изъ креселъ, а на другомъ помѣстился самъ; между нами — переводчикъ.

Бекъ — средняго роста, смуглый брюнетъ съ довольно правильными чертами лица и очень симпатичными черными глазами съ выраженіемъ восточной лѣни и усталости; довольно круглое лицо его обрамлено небольшой красивой бородой; одѣтъ онъ былъ не въ національный костюмъ, а въ мундиръ: это нѣчто среднее между халатомъ и кафтаномъ изъ темнолиловаго бархата; грудь и полы вышиты золотомъ, крупнымъ узоромъ, и обшиты галуномъ; на груди двѣ бухарскихъ звѣзды и на шеѣ русскій орденъ. Опоясанъ онъ былъ широкимъ бухарскимъ поясомъ съ большими пряжками изъ золота и бирюзы; на поясѣ кривая сабля съ богатымъ наборомъ, а съ другой стороны два изящныхъ по формѣ мѣшечка для пуль, вышитые золотомъ. На ногахъ бархатные штаны, отороченные внизу шелковой тесьмой съ небольшими съ боковъ кисточками, и лаковые на высокихъ каблукахъ бухарскіе сапоги. Голову покрывала богатая чалма изъ индійской матеріи, узорчатая, съ преобладающимъ зеленымъ цвѣтомъ (рис. стр. 17).

Продавецъ «бардаковъ и чилимовъ».

Бесѣда наша началась съ обмѣна любезностями, съ пожеланія другъ другу здоровья. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ бекъ высказалъ свое удивленіе русскимъ за проведеніе къ нимъ желѣзной дороги и сильно сомнѣвался, чтобы удалось намъ построить желѣзнодорожный мостъ черезъ Аму-Дарью. «Впрочемъ», замѣтилъ онъ: «русскіе все могутъ, что захотятъ». Я просилъ позволенія осматривать все въ городѣ и, что найду нужнымъ, зарисовывать, и получилъ на это любезное разрѣшеніе, кромѣ женскаго помѣщенія дворца бека и тюрьмы съ арестантами. Во все время разговора мы пили чай и ѣли сласти. При прощаніи бекъ просилъ бывать почаще, говоря, что ему очень пріятно будетъ видѣться и разговаривать со мною, и что онъ вообще очень любитъ русскихъ и всегда желаетъ сдѣлать имъ что нибудь пріятное.

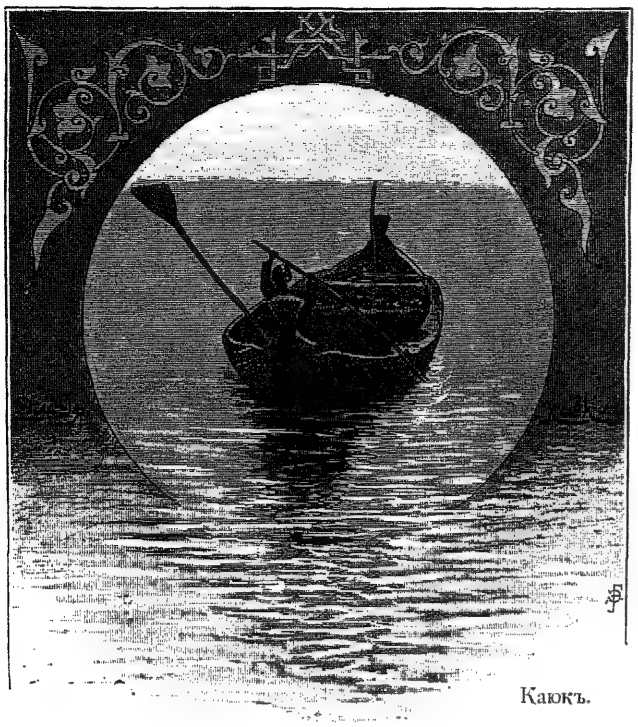
Отъ воротъ дворца бека открывается общая панорама города: однообраз-

ныя голыя стѣны и плоскія крыши. Немного еще разнообразятъ купола мечетей, да и тѣ изъ глины. Въ Чарджуѣ мечети совсѣмъ не затѣйливы по архитектурѣ. Вдали, на горизонтѣ видна Аму-Дарья (рис. стр. 18).

Чѣмъ больше всматриваешься въ бухарцевъ (у которыхъ преобладающее племя — сарты), тѣмъ больше видишь однообразія въ ихъ типѣ, костюмѣ и обстановкѣ. Костюмъ ихъ разнообразится только цвѣтами и рисункомъ матерій. Лѣтній костюмъ бухарца: на головѣ тюбитейка, поверхъ которой чалма, мастерски и красиво обвернутая. У простонародья съ лѣвой стороны конецъ чалмы выпускается четверти на полторы и въ большинствѣ случаевъ украшенъ цвѣтными полосками. У средняго и высшаго общества этотъ конецъ загнутъ кверху и заправленъ между тюбитейкой и чалмой; во время же молитвы его опускаютъ внизъ. Преобладающая чалма — бѣлая; она при здѣшнемъ освѣщеніи и смуглыхъ лицахъ очень живописна. Рубаха безъ ворота съ довольно большимъ вырѣзомъ, въ который свободно проходитъ голова, слѣдовательно шея вся открыта. Поверхъ рубахи халатъ свободнаго широкаго покроя съ длинными широкими, сильно съуживающимися книзу, рукавами. Въ большинствѣ случаевъ на бухарцѣ надѣто два-три халата, а иногда и больше. Часто первый подпоясанъ мягкимъ, изъ тонкой матеріи, широкимъ поясомъ, а верхній свободно распущенъ. Халаты по большей части очень цвѣтисты и съ крупнымъ рисункомъ матеріи. Преобладающая матерія — адрясъ; это полушелковая ткань своего производства. Также много идетъ на халаты русскаго яркаго ситца. У высшаго общества халаты парчевые, дешевые — русской парчи и цѣнные — индійской, а также и бархатные, вышитые золотомъ; эти самые красивые. Обувь довольна разнообразна; преобладаютъ ичиги, родъ кожанаго чулка, и сверху каошъ, въ родѣ нашихъ калошъ. Эта обувь совершенно такая же, какъ у нашихъ волжскихъ татаръ. Потомъ есть нѣсколько видовъ сапогъ, начиная съ обыкновенныхъ, черной кожи, съ высокими каблуками, и кончая сапогами изъ свѣтлой кожи, съ очень высокими коническими каблуками; низъ каблука почти острый, съ небольшимъ закругленіемъ. Такіе сапоги одѣваются преимущественно для верховой ѣзды. Зимой, кромѣ описаннаго костюма, надѣвается шуба изъ бараньей или козьей кожи, великолѣпно выдѣланной; верхняя сторона шубы — замша, почти всегда яркожелтаго цвѣта, кругомъ по краю — вышивка шелкомъ пальца въ два шириной. Покрой

Каюкчи

Черепъ дикаго кабана.



Каюкъ.

шубы такой же, какъ и халата. На головѣ зимою носятъ поверхъ тюбитейки теплую шапку, почти конической формы съ немного закругленнымъ верхомъ отороченную пальца въ три шириною мѣхомъ или мелкимъ барашкомъ. Подкладка въ большинствѣ — барашковая. Верхъ преобладаетъ изъ синяго сукна, но есть и изъ пестраго бархата, и изъ мелкаго сѣраго барашка. Такія шапки когда-то носили наши цари и бояре (рис. стр. 15).

Вооруженіе бухарца въ настоящее время весьма не сложно: шашка общаго среднеазіатскаго типа, ножи и ружье. Ножи двухъ родовъ: одни небольшіе, носятся съ боку на поясѣ и укрѣплены на широкомъ замшевомъ ремнѣ, который немного отступя отъ основанія, разрѣзанъ на нѣсколько узкихъ ремешковъ, опускающихся ниже колѣна; эти ремешки отчасти служатъ украшеніемъ, а также имѣютъ и практическое значеніе на охотѣ, напримѣръ, къ нимъ привязываютъ дичь, на нихъ же часто носится рогъ серны, которымъ развязываютъ узлы веревокъ. Ножи висятъ на такомъ ремнѣ въ довольно примитивныхъ кожаныхъ ножнахъ. У богатыхъ бухарцевъ эти ножи бываютъ изящной и богатой отдѣлки, съ прекрасными булатными клинками и съ серебряными, золотыми и бирюзовыми ножнами; эти ножи укрѣпляются на шелковой тесьмѣ такого же рисунка, какъ и замшевый ремень, только съ кисточками на концахъ, и эта тесьма съ однимъ или двумя ножами вѣшается на богатый поясъ изъ широкой шелковой же тесьмы съ отдѣлкой изъ благородныхъ металловъ или бирюзы (рис. стр. 17). Есть еще поясъ, къ которому, вмѣсто ножей, прикрѣплены на узенькихъ тесемкахъ двѣ маленькія изящной формы сумочки для пуль. Часто попадаются пояса, вышитые шерстью по канвѣ въ крестикъ (совершенно какъ наши вышивки гарусомъ). Еще есть большой ножъ въ родѣ кинжала, который носится впереди, за поясомъ изъ мягкой матеріи, обматывающимъ нѣсколько разъ талію, но эти ножи носитъ по большей части только высшее общество; рукоятки ихъ часто осыпаны драгоцѣнными камнями. Ружье у бухарцевъ, также какъ и у всѣхъ туркменъ средней Азіи, фитильное, съ рогатками-подставками (рис. стр. 13).

Сартская плеть.

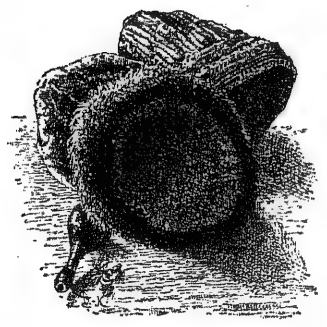
Ѣздятъ бухарцы на осликахъ, лошадяхъ и въ арбахъ; далекіе же переѣзды, и въ особенности съ тяжестями, совершаютъ

Байга.

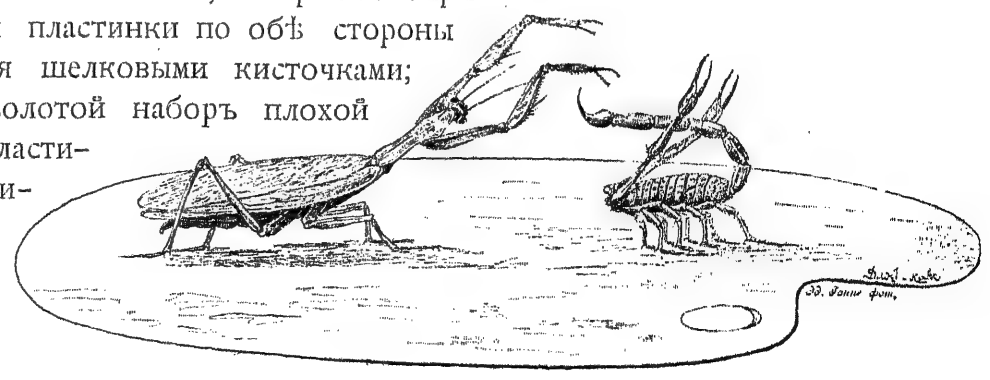
Каюкчи.

на одногорбыхъ верблюдахъ. На ослахъ ѣздитъ только простонародье: для средняго класса ѣзда на ослѣ считается неприличной и чуть не позорной,—а между тѣмъ бухарскій осликъ имѣетъ быструю иноходь, и ѣхать на немъ очень спокойно; онъ понятливъ, послушенъ и довольно поворотливъ, не имѣетъ за собой исторической дурной славы упрямства. Здѣсь ѣздятъ на нихъ безъ уздечки; управляютъ же ими маленькой заостренной палочкой, похлопывая по шеѣ съ правой стороны—для поворота влѣво и съ лѣвой—для поворота вправо; чтобы подогнать животное, острымъ концомъ палочки, держа ее вертикально, ударяютъ по загривку или же по задней части спины ослика. Другой инструментъ, замѣняющій поводъ и плеть — это небольшая, въ $1\frac{1}{2}$–2 четверти, палка, къ одному изъ концовъ который прикрѣплена небольшая довольно грубой работы желѣзная цѣпь (рис. стр. 21). Привязываютъ ослика всегда за нижнюю часть ноги.

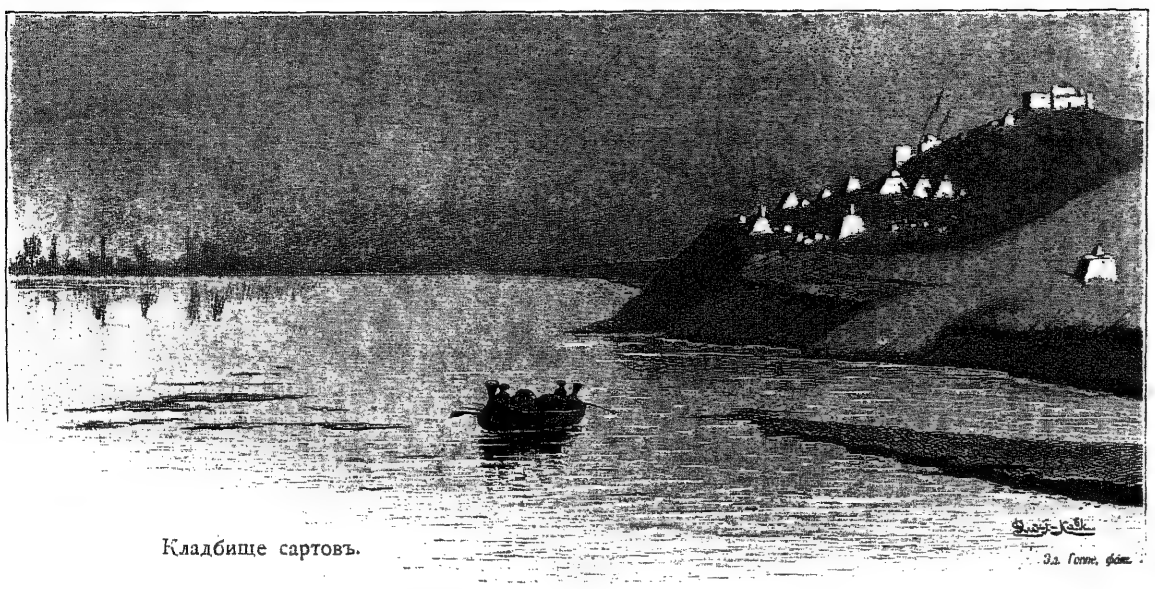
Преобладающая порода лошадей у бухарцевъ не отличается никакими особенными достоинствами. Она средняго роста, некрасива, зла и съ слабыми ногами. Но есть порода, такъ называемая карабаиръ, помѣсь бухарской лощади съ текинской; эта лошадь — крупная и очень красивая, съ почти арабскимъ профилемъ, но немного тяжела и не вынослива. Это парадная лошадь. Бухарецъ странно относится къ своей лошади: то онъ ее рядитъ въ бархатъ, золото и дорогіе камни, то моритъ на солнцѣ, безобразно привязывая на короткій поводъ или за ногу; а у мужика-бухарца одна и та же лошадь — то подъ сѣдломъ наѣздника, то подъ вьючнымъ сѣдломъ тащитъ на себѣ цѣлую гору всякихъ пожитковъ или товаръ торговца. Сѣдлаютъ всегда скверно, такъ что очень рѣдко можно встрѣтить лошадь не съ избитой спиной; совершенно въ типѣ бухарской лошади: на спинѣ шерсть бѣлыми пятнами (зажившія раны). Я видѣлъ много цѣнныхъ лошадей знатныхъ особъ, и тоже съ бѣлыми пятнами на спинѣ. У бухарцевъ очень нарядная и часто цѣнная, но плохая по существу сбруя для лошадей; уздечка вся отдѣлана серебромъ или золотомъ и бирюзой; за ушами на шеѣ лежитъ почти въ ладонь величиной пластинка, покрытая бирюзой чешуйчатой вправки, отъ этой пластинки по обѣ стороны шеи висятъ ремни, оканчивающіеся шелковыми кисточками; но весь этотъ серебряный или золотой наборъ плохой работы, изъ тонкихъ тисненыхъ пластинокъ; желѣзныя части, какъ, напри-



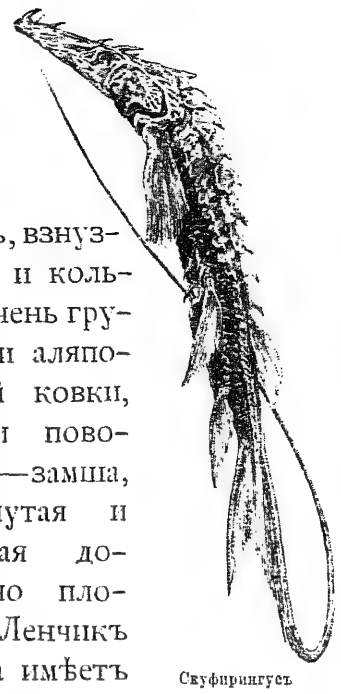
Сартовская зимняя шапка.



Бой скорпіона съ богомоломъ.



Кладбище сартовъ.

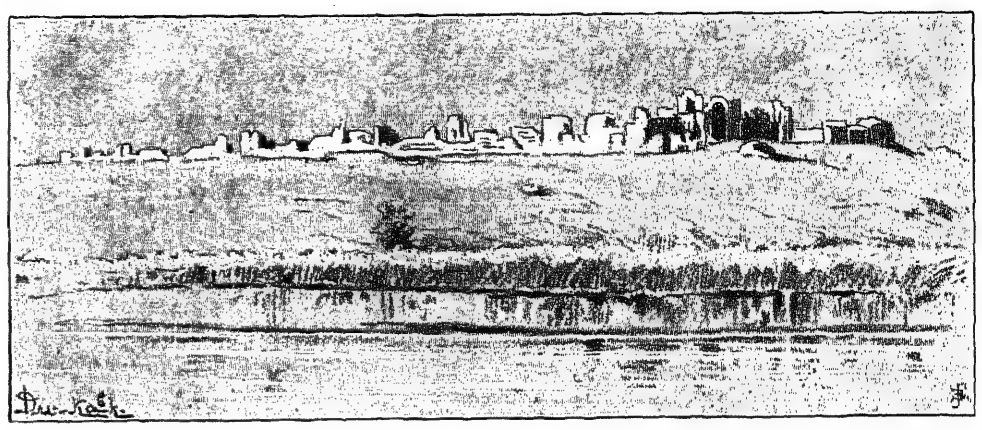


Скуфирингусъ

мѣръ, взнуздокъ и кольца, очень грубой и аляповатой ковки, ремни поводовъ—замша, свернутая и сшитая довольно плохо. Ленчикъ сѣдла имѣетъ хорошую, удобную для сѣдока форму, съ высокой круглой передней лукой, заканчивающейся раздвоенной шишкой; задняя часть ленчика немного загибается кверху, плавно закругляясь по краямъ (рис. стр. 13). Ленчики всегда цвѣтисто раскрашиваются и кроются лакомъ, а часто и инкрустируются костью; но этотъ нарядный и довольно красивый ленчикъ совсѣмъ не виденъ, закрываясь чепракомъ, наложеннымъ поверхъ и завязаннымъ на переднемъ лукѣ. Чепракъ у бухарца (богатаго) преимущественно темномалиноваго бархата, шитый золотомъ съ блестками; онъ прикрываетъ почти всю лошадь. Стремена укрѣплены неудобно, черезчуръ выдвинуты впередъ и подвязаны коротко, вслѣдствіе чего всадникъ держится на лошади некрасиво. Вообще бухарецъ верхомъ, да еще скачущій, когда халатъ сзади надувается пузыремъ, некрасивъ; но этотъ народъ все же хорошіе наѣздники, смѣло и крѣпко сидящіе

У тугая.

въ сѣдлѣ. У большинства лошади съ разбитыми передними ногами, вслѣдствіе чего тѣ часто «патыкаютъ», какъ говорилъ одинъ джигитъ, т. е. спотыкаются. Обыкновенная пища лощадей—люцерна (родъ клевера) вмѣсто сѣна, такъ какъ травы нѣтъ, и ячмень вмѣсто овса, котораго здѣсь также нѣтъ.

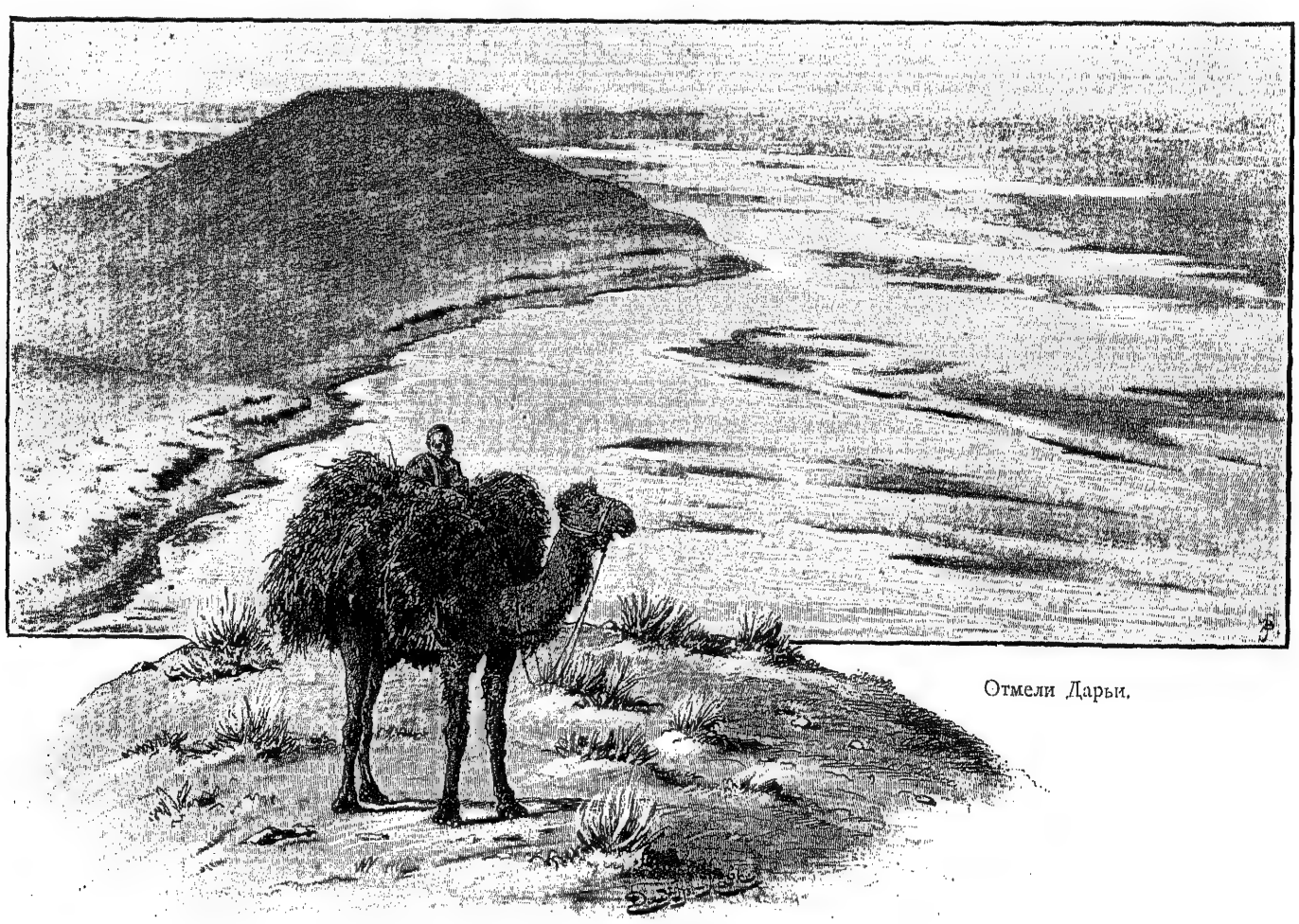


Дея-Хатынъ-кала.

Сартъ-музыкантъ.

Арба—экипажъ первобытнаго устройства, на двухъ громадныхъ колесахъ, съ широкимъ ходомъ — употребляется для перевозки тяжестей на небольшія разстоянія между заселенными частями края. Лѣтомъ арбы, въ которыхъ разъѣзжаютъ преимущественно зажиточныя женщины, имѣютъ верхъ изъ высокихъ тонкихъ дугъ, покрытыхъ кошмой или холстомъ; везетъ арбу всегда одна лошадь, на которой въ большинствѣ случаевъ кучеръ сидитъ верхомъ на сѣделкѣ вь видѣ ленчика сѣдла, а ноги ставитъ на толстыя оглобли. Здѣсь вполнѣ ясенъ смыслъ высокихъ колесъ съ широкимъ ходомъ, когда въ началѣ зимы отъ продолжительныхъ дождей дороги становятся невозможными для экипажей съ нашими колесами. Попадаются такія дороги, что только и возможно ѣздить на 3-хъ аршинныхъ въ діаметрѣ колесахъ; широкій же ходъ даетъ возможность арбѣ ѣхать, безъ риска перевернуться, по косогорамъ и ямамъ (рис. стр. 20).

Самое важное значеніе въ странѣ имѣетъ верблюдъ, какъ перевозочный двигатель, какъ «корабль пустынь», черезъ которыя на большія пространства приходится перевозить тяжести; только это животное и можетъ находиться здѣсь болѣе или менѣе въ нормальномъ состояніи — животное, питающееся тѣмъ, чѣмъ не можетъ питаться никакое другое; верблюдъ легко переноситъ жары и песчаныя бури и дѣлаетъ громадные переходы, съ очень солидными вьюками, по песчаному морю; здѣшнія пустыни во время бури дѣй-



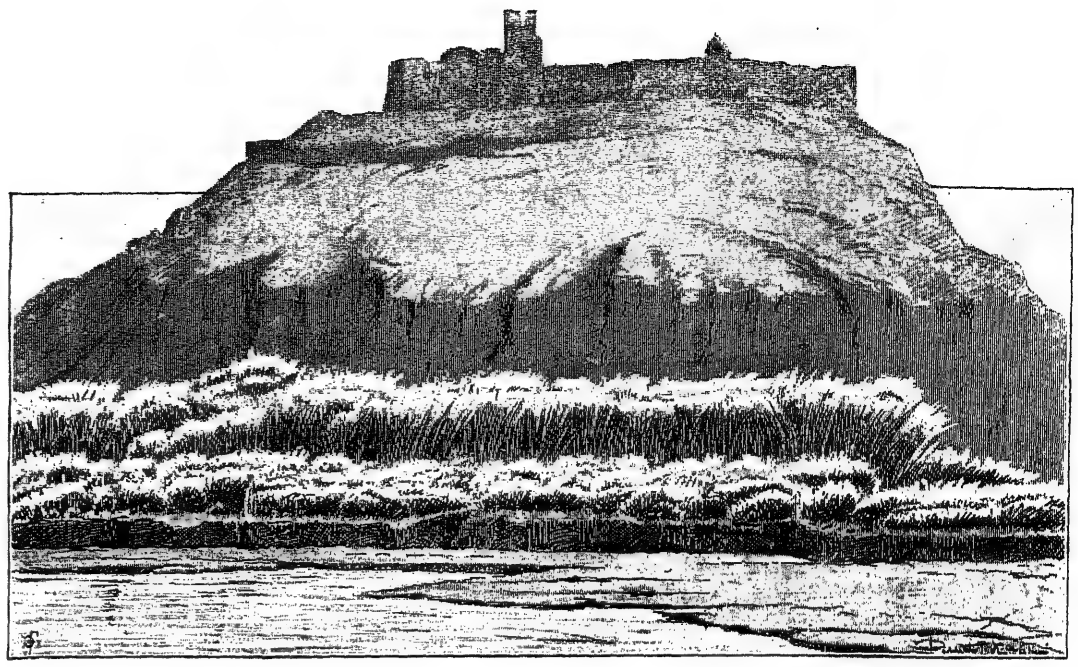
Отмели Дарьи.

Хивинецъ-музыкантъ

ствительно очень напоминаютъ волнующееся море — разница только та, что море прохладно, песокъ же горячь; въ морѣ воздухъ чистый, въ пустынѣ наполненъ раскаленнымъ пескомъ; тамъ можно утонуть, здѣсь можно быть засыпаннымъ; тамъ погибшаго съѣдятъ акулы, здѣсь шакалы... Въ морѣ укачиваетъ непривычныхъ людей только во время вѣтра; здѣсь же на «кораблѣ пустыни» укачиваетъ и въ тихую погоду, и слабые, не привычные люди и здѣсь испытываютъ морскую болѣзнь. Верблюдъ во время хода очень сильно качаетъ, и нужно быть крѣпкимъ и привычнымъ, чтобы не испытывать морскихъ ощущеній и страшной усталости отъ этого размашистаго хода «корабля«. Здѣсь въ бухарскихъ владѣніяхъ, у верблюдовъ уздечки изъ шерстяныхъ цвѣтныхъ тесемокъ, со стоящею кистью между ушами и съ грубыми желѣзными кольцами по бокамъ головы, такъ плотно прилегающими къ ней, что часто на этихъ мѣстахъ бываютъ язвы. Вьючныя сѣдла плохія и кладутся на одногорбую спину верблюда весьма небрежно, такъ что послѣ большаго перехода спина животнаго бываетъ зачастую съ обнаженнымъ мясомъ. Съ рабочаго верблюда сѣдло почти никогда не сходитъ; во время пастбища, ночью во время сна, сѣдло остается на горбѣ. Верблюды въ пути обыкновенно идутъ гуськомъ, привязанные волосяными веревками аршинъ въ пять къ задней части сѣдла своего передняго сосѣда; такимъ образомъ караванъ растягивается на большое разстояніе (рис. стр. 20). Очень часто вожакъ каравана, находящійся впереди, ѣдетъ на осликѣ, сѣменящемъ своими тонкими ножонками и какъ бы тянущимъ за собой всю эту вереницу громадныхъ животныхъ съ горами-вьюками на спинахъ. Глядя на такіе караваны, я всегда вспоминалъ маленькій буксирный пароходикъ, тянущій нѣсколько громадныхъ барокъ гуськомъ.

На большой дорогѣ, ведущей въ Чарджуй, во время

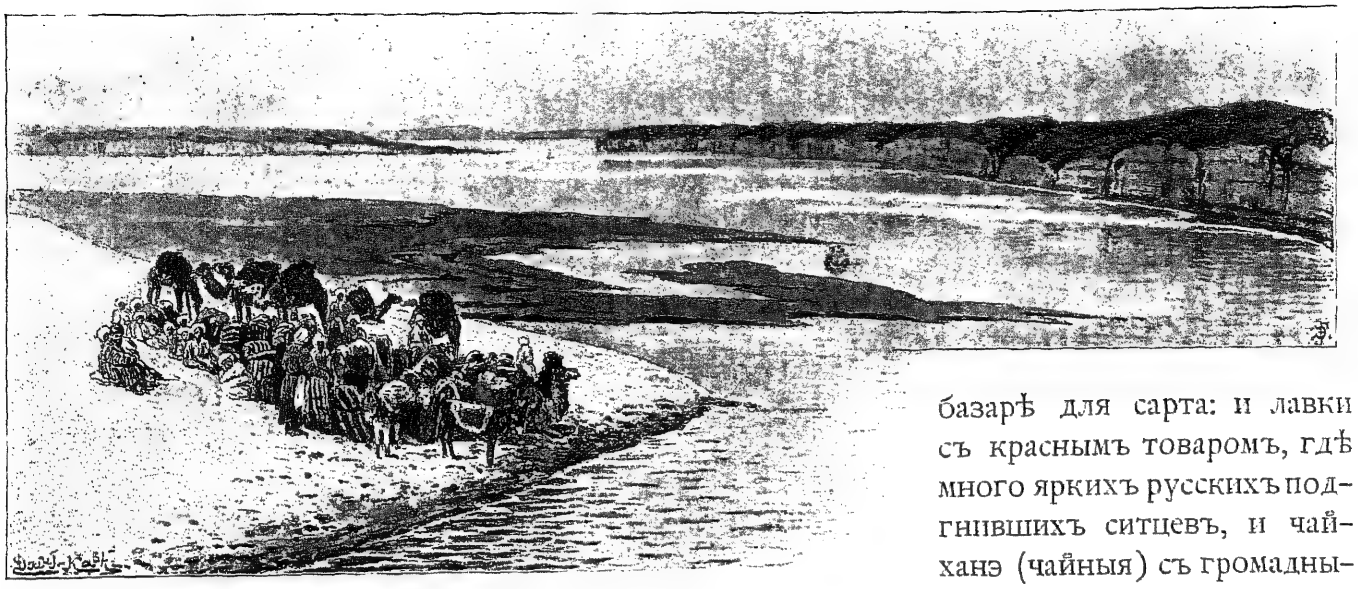
Въ тихую погоду.



Кысъ-кала.

базарныхъ дней утромъ вереницами тянутся конные и пѣшіе путники изъ дальнихъ и близкихъ ауловъ. Зорька; какъ будто прохладно; довольно узкая пыльная дорога съ открытаго поля, поросшаго чѣмъ-то среднимъ между бурьяномъ и тощей полусожженной травой, съ бѣлыми отъ выступившей соли плѣшинами, уходитъ въ даль садовъ кишлаковъ; первый планъ весь изрытъ и заваленъ глыбами свѣтло-сѣрой земли, образующей валы арыка, у котораго мѣстами растетъ граціозными группами высокій тростникъ, тихо покачиваясь своими красивыми кистями. Въ воздухѣ легкій туманъ, но не нашъ туманъ, сырой и сизый, а туманъ сухой, теплый, желтоватый: это не испареніе воды, а плавающая въ воздухѣ пыль. Даль затянута не синевой, а какой-то коричневатой окраской. Вотъ показалась густая пыль; слышится отдаленный говоръ, топотъ; изъ приближающейся подвижной пыли выдѣляется группа всадниковъ; первымъ идутъ два ослика, бѣлый и сѣрый, съ сартами на спинахъ; у одного изъ нихъ палка въ рукахъ, на сучкахъ которой надѣты шапки для продажи (рис. стр. 21). Сзади три конника, но на двухъ лошадяхъ: здѣсь очень часто можно встрѣтить двухъ всадниковъ на одной лошади. Вся эта группа буквально тонетъ въ пыли. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше движенія по дорогѣ. Потянулись и арбы, и верблюды, и женщины, и дѣти; пошли стада барановъ съ громадными курдюками; поднялся цѣлый содомъ, окутанный густой пеленою пыли. Жарко; все окрашивается яркими горячими тонами; движеніе все усиливается. Время близится къ 12 час., базаръ начался. Теперь по улицамъ города уже трудно ходить: все запружено людьми, верблюдами, лошадьми, арбами и ослами; все движется, горланитъ; постоянно слышатся крики «пошлъ» (берегись) (рис. стр. 19). Вдругъ весь этотъ общій гамъ заглушается однимъ неистовымъ завываніемъ съ словами дерзко выразительнаго тона — это приблизился бродячій дервишъ, просящій у правовѣрныхъ подаянія во имя Магомета. Здѣсь не особенно щедро подаютъ имъ, несмотря на то, что просьба выражается такъ сильно и дерзко, что кажется, отказавшему грозятъ побои отъ этого бродяги во имя пророка. Чего-чего нѣтъ на этомъ

Противъ теченія.



У перевоза.

базарѣ для сарта: и лавки съ краснымъ товаромъ, гдѣ много яркихъ русскихъ подгнившихъ ситцевъ, и чайханэ (чайныя) съ громадными русскими самоварами и чайниками съ зеленымъ чаемъ и рядъ лавокъ-мастерскихъ съ мѣдной посудою, и горы глиняныхъ «бардаковъ» (кувшины) библейскихъ формъ и колоссальныхъ размѣровъ, и цѣлая площадка, засыпанная обувью всѣхъ фасоновъ; и обжорныя лавки съ пельменями, похлебками и жареной рыбой и мясомъ, разливающими запахъ кунжутнаго масла на нѣсколько верстъ, и лавчонки съ мороженымъ, приготовляемымъ изъ мелко изрубленнаго льда, облитаго медомъ, на тарелочкѣ изъ желтой мѣди, и сахарные кренделькн, и прянички, разносимые на громадномъ мѣдномъ блюдѣ, и цѣлыя груды свѣтлаго крупно изрубленнаго персидскаго табаку для «чилима» (родъ кальяна) и горки красиваго темнозеленаго цвѣта табаку въ порошкѣ для рта, и цѣлый рядъ лавокъ съ ножами всѣхъ величинъ; и лавки съ поясами, чалмами, платками, сережками, кисетами, бусами, амулетами, тюбитейками, шапками, ичигами, вѣерами и т. п. мелочью. А вотъ непріятно поражаетъ васъ оборванный субъектъ, держащій передъ своимъ лицомъ ладони рукъ своихъ и что-то мычащій — это прокаженный нищій, лицо котораго — остатки подобія образа человѣческаго. Замѣтно какое-то усиленное движеніе въ толпѣ, и всѣ направляются спѣша въ одну сторону. Всѣ стремятся къ окраинѣ базара, къ площадкѣ, гдѣ стоятъ столбы съ перекладиной. Казнить будутъ кого-то.

Сартянка.

Русскія деньги здѣсь свободно ходятъ, кромѣ нашей бѣлой двадцатипятирублевки. У бахарцевъ въ обращеніи двѣ монеты: серебряная «тынга» грубой чеканки, но прекраснаго серебра, равняющаяся по среднему курсу нашимъ 25 копѣйкамъ, и мѣдная желтая «пулъ», еще худшей чеканки, страшно дешевая, что-то на нашъ гривенникъ — 24 монеты (рис. стр. 20). И вотъ сартъ-бѣднякъ за 3—5 такихъ монетъ бываетъ сытъ, а то и полакомится, напримѣръ, мороженымъ.

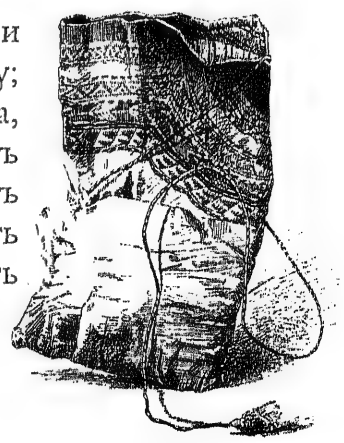
Киргизскій аулъ.

Островъ Арачи-Бауа.

Есть еще золотая монета, но въ обращеніи ея совсѣмъ не видно.

Возвратившись съ базара, я у палатки своей встрѣтилъ бековскаго чиновника, котораго мы прозвали «джераномъ» (быстрый; такъ называется здѣшняя дикая коза) за его быстроту и вездѣсущіе. Этотъ ласковый узбекъ, немного говорящій по русски, передалъ мнѣ приглашеніе отъ бека на парадную лихую забаву «байгу». На другой день утромъ, во главѣ съ генераломъ, мы двинулись верхомъ къ беку, а оттуда съ бекомъ и многочисленной его свитой въ блестящихъ костюмахъ — за городъ. Когда мы выѣхали на главную улицу, и я оглянулся назадъ, то увидѣлъ дивную сказочную картину: насколько хваталъ глазъ, улица была переполнена всадниками въ блестящихъ халатахъ изъ парчи, бархата и шелка самыхъ яркихъ цвѣтовъ; лошади тоже въ бархатѣ и золотѣ; все это блещетъ, освѣщенное яркимъ жгучимъ солнцемъ. Не вѣрится какъ-то, что все это видишь въ современной жизни, а не на сценѣ... Выѣхали за городъ на большое ровное поле съ разбитой нарядной палаткой на возвышеніи. Эта открытая, съ наметами, палатка пріютила насъ въ своей тѣни отъ горячаго солнца. Все поле покрыто тысячами съѣхавшихся бухарцевъ. По знаку бека, громадная толпа конниковъ быстро, какъ-то нервно подлетѣла къ палаткѣ. Въ это время былъ брошенъ черный зарѣзанный козелъ. Въ одинъ мигъ всѣ бросились, какъ бѣшеные, на этого козла; руки людей смѣшались съ ногами лошадей; потомъ быстро всѣ вскинулись кверху; изъ массы вылетѣлъ одинъ, держа козла въ высоко поднятой рукѣ, и всѣ ринулись вихремъ за быстро лавирующимъ всадникомъ съ козломъ, какъ борзые за лисицей (рис. стр. 27). Тучей какой-то мчалась вся эта масса, не давая обладателю козла приблизиться къ палаткѣ и стараясь отнять у него добычу; стегая лошадей и другъ друга, всѣ мчатся то въ одну, то въ другую сторону. Кто-то вырвалъ козла и уронилъ его; всѣ опять бросаются внизъ головой, опять

Бухарскій киргизъ.

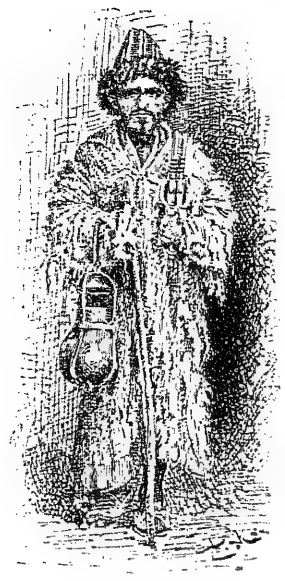


Кисетъ для чая.

Дунглу-Клю-Тау.

козелъ на верху, и всѣ летятъ за нимъ, держа нагайки въ зубахъ, чтобы удобнѣе было схватить козла руками. Вотъ одинъ удалецъ, ловкимъ и быстрымъ поворотомъ, сбилъ толпу и, вылетѣвъ впередъ, мчится прямо къ палаткѣ; защелкали плети, и всѣ густою массой бросились за нимъ; но удалецъ успѣлъ доскакать первымъ и бросилъ къ ногамъ бека истрепаннаго козла. Въ этотъ моментъ вся туча всадниковъ такъ налетѣла на палатку, что охранители порядка, вооруженные палками, еле могли остановить разгоряченныхъ, безпощадно лупя палками по лошадямъ и людямъ. Отличившійся получилъ изъ рукъ бека халатъ (цѣнностью въ 7 — 10 р.) въ награду и, прижавъ руки къ животу, отступалъ задомъ, весь сіяя счастіемъ. Удивляешься потомъ, какъ у всѣхъ остались головы цѣлы, и какъ ни одинъ изъ всадниковъ не упалъ съ лошади. Вотъ здѣсь, на байгѣ, видишь, какіе хорошіе наѣздники бухарцы и какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо переносятъ нагайку и палку. У всѣхъ живыя веселыя лица, глаза горятъ, какъ будто никто и не былъ побитымъ; только кое-гдѣ по полю валяются чалмы.

Бродя по улицамъ и видя обработку земли, невольно проникаешься уваженіемъ къ трудолюбію сарта. Здѣшняя, поражающая всѣхъ плодородіемъ, почва требуетъ много упорнаго труда и много умѣнья и хлопотъ для орошенія полей: вѣдь дождей здѣсь лѣтомъ совсѣмъ не бываетъ, и всю ростительность нужно искусственно оросить, иначе она будетъ выжжена солнцемъ, какъ пожаромъ. Земля вспахивается плугомъ, запряженнымъ парою здѣшнихъ, съ горбами, быковъ. Послѣ вспашки засѣваютъ зерно, боронятъ поле доскою съ большими гвоздями, потомъ борону поворачиваютъ вверхъ гвоздями, рабочій становится на доску, и поле сглаживаютъ, стараясь всю площадь сдѣлать совершенно горизонтальной (рис. стр. 25). Каждый четвероугольникъ посѣва окапываютъ канавой и дѣлаютъ земляной бордюръ-валикъ. Чтобы оросить поле, пускаютъ въ канаву изъ большаго арыка воду, поднятую чигиремъ; дѣлаютъ пробоину въ валикѣ — и вода заливаетъ весь четвероугольникъ на четверть аршина глубины; тогда пробоину закладываютъ и вода нѣсколько дней всасывается въ почву. Въ это время часто налетаютъ цѣлыми стаями кулички и бродятъ по полямъ, охотясь на червей. Такія заливанія полей дѣлаются нѣ-



Дервишъ.

сколько разъ въ лѣто по очереди. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для орошенія полей есть особенные выборные наблюдатели, слѣдящіе за правильнымъ распредѣленіемъ воды; эта обязанность требуетъ большой сообразительности и вниманія, тѣмъ болѣе, что къ концу лѣта въ нѣкоторыхъ арыкахъ остается очень мало воды вслѣдствіе убыли ея въ Аму-Дарьѣ — сердцѣ арыковъ; пользоваться водою приходится тогда съ большою расчетливостью. Удобряютъ поля наноснымъ иломъ арыковъ. Видя здѣшнюю обработку земли, вспоминалъ я наши земли южной Россіи и сѣвернаго Кавказа, эти черноземы, орошаемые нѣсколько разъ въ лѣто благодатными дождями-ливнями, — и такія земли часто бросаются переселенцами, идущими въ далекіе невѣдомые края, на невѣдомыя земли, и нерѣдко потомъ поворачивающими назадъ, послѣ неудачи на новыхъ мѣстахъ... Здѣсь ни одно дерево, ни одинъ кустикъ не можетъ расти безъ искусственнаго орошенія: проведена вода—пышная растительность; нѣтъ—пустыня. Смотришь на эти чудные сады, на эти сочныя поля и плантаціи, и беретъ грустное раздумье, когда представишь себѣ, что стоитъ гдѣ нибудь далеко-далеко забить питающій арыкъ или отвести какую нибудь рѣчку — и все погибло: все выгоритъ и превратится въ пустыню.

Вслѣдствіе искусственнаго арычнаго орошенія, всѣ культурныя мѣста этого края не имѣютъ пейзажныхъ мотивовъ; они во всѣхъ направленіяхъ изрыты арыками съ большими валами земли и, конечно множествомъ мостовъ и мостиковъ самаго первобытнаго устройства. Такъ, напримѣръ, отъ Чарджуя до Аму - Дарьи — десять верстъ, и на этой десятиверстной прямой дорогѣ —тридцать пять переѣздныхъ мостовъ. Устройство этихъ мостовъ самое простое: нѣсколько бревенъ кладутся черезъ арыкъ, заваливаются какимъ нибудь растительнымъ хламомъ, а сверху все это засыпается землей.

Со второй половины сентября здѣсь настаютъ холодныя ночи, воздухъ дѣлается чище, небо синѣе. По ночамъ въ палаткѣ приходится дрогнуть. Почти каждую ночь

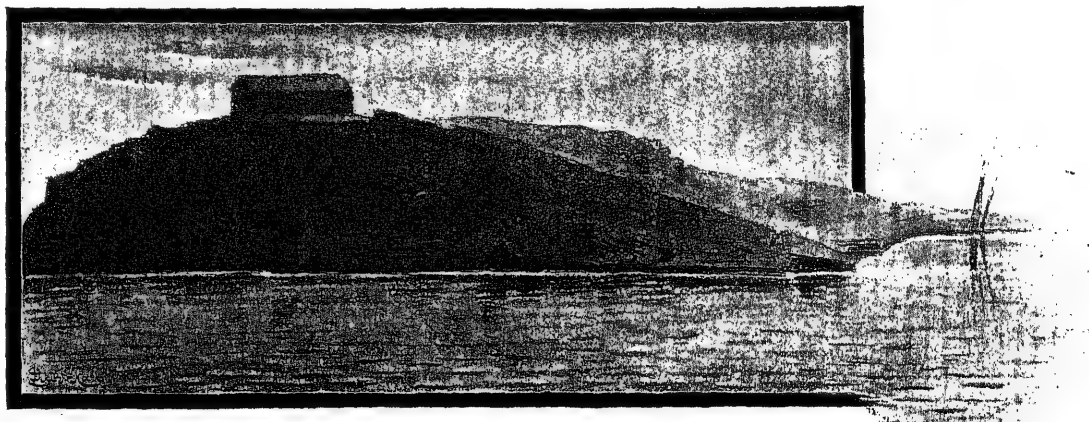
Хивинскій министръ.

Генералъ М. Н. Анненковъ.

я ловлю нѣсколько тарантуловъ на стѣнкахъ палатки; поймалъ также скорпіона на стѣнѣ столовой генерала, во время обѣда. Я устраиваю забавные бои: скорпіона съ тарантуломъ и тарантула съ богомоломъ магометанскимъ (рис. стр. 28). Въ первомъ случаѣ всегда выходилъ побѣдителемъ скорпіонъ, а во второмъ богомолъ ловко распарывалъ своими клешнями животъ тарантула. Послѣднимъ былъ бой скорпіона съ богомоломъ; оба бойца дѣйствовали чрезвычайно осторожно и ловко; оба дѣлали быстрые и неожиданные прыжки, кончавшіеся короткой схваткой; наконецъ скорпіону удалось поразить противника своимъ смертельнымъ копьемъ: онъ сдѣлалъ ему почти незамѣтную рану, отъ которой богомолъ сейчасъ же свалился и въ сильныхъ конвульсіяхъ, чрезъ 20 минутъ издохъ. Скорпіонъ, поразивъ врага, все время стоялъ въ сторонѣ, наблюдая за его предсмертными судорогами, и больше уже не трогалъ его. Но вообще въ Чарджуйскомъ округѣ очень мало насѣкомыхъ и земноводныхъ. За все время я только разъ нашелъ снятую во время линянія шкурку змѣи въ три аршина длины.

На Аму-Дарьѣ кипитъ работа: строятъ казармы, дома и подвозятъ свайный лѣсъ для моста; лѣсъ идетъ изъ Россіи чрезъ Каспійское море и по закаспійской желѣзной дорогѣ. Довольно часто являются путешественники-иностранцы, преимущественно французы. Изъ русскихъ за послѣднее время былъ г. Нечаевъ-Мальцевъ со своими двумя сестрами и племянникомъ г. Демидовымъ Санъ-Донато. Бекъ устраивалъ имъ «тамашу» (пирушку)...

Темная звѣздная ночь. Въ саду, въ богатой живописной палаткѣ, разбитой на большой «супа» (глинобитное или кирпичное возвышеніе) и застланной коврами, помѣстились гости — зрители; а внизу большой длинный паласъ, въ концѣ котораго — мангалъ (жаровня для горячихъ углей) передъ сидящими музыкантами съ бубнами и дудками. На паласѣ бачи. Освѣщается все фонарями. Нѣсколько ударовъ въ бубенъ, подогрѣтый на мангалѣ, заставляетъ встать бачей и кокетливо совсѣмъ по-женски оправиться. Бачи выстроились въ рядъ. Бубны, дудки и голоса бубенщиковъ затянули, заныли что-то протяжное и бачи тихо, плавно пошли, разводя руками и покачивая головами; впереди, изгибаясь, вертится халатникъ съ пукомъ восковыхъ свѣчей, стараясь какъ можно эфектнѣе освѣтить пляшущихъ. Постепенно, согласуясь съ оркестромъ, движенія бачей все ускоряются, головы вертятся сильнѣе, переходятъ въ пляску-бѣгъ, съ небольшими порывистыми прыжками. Моментально всѣ присѣдаютъ и крутятся, дѣлая большіе круги, кру-

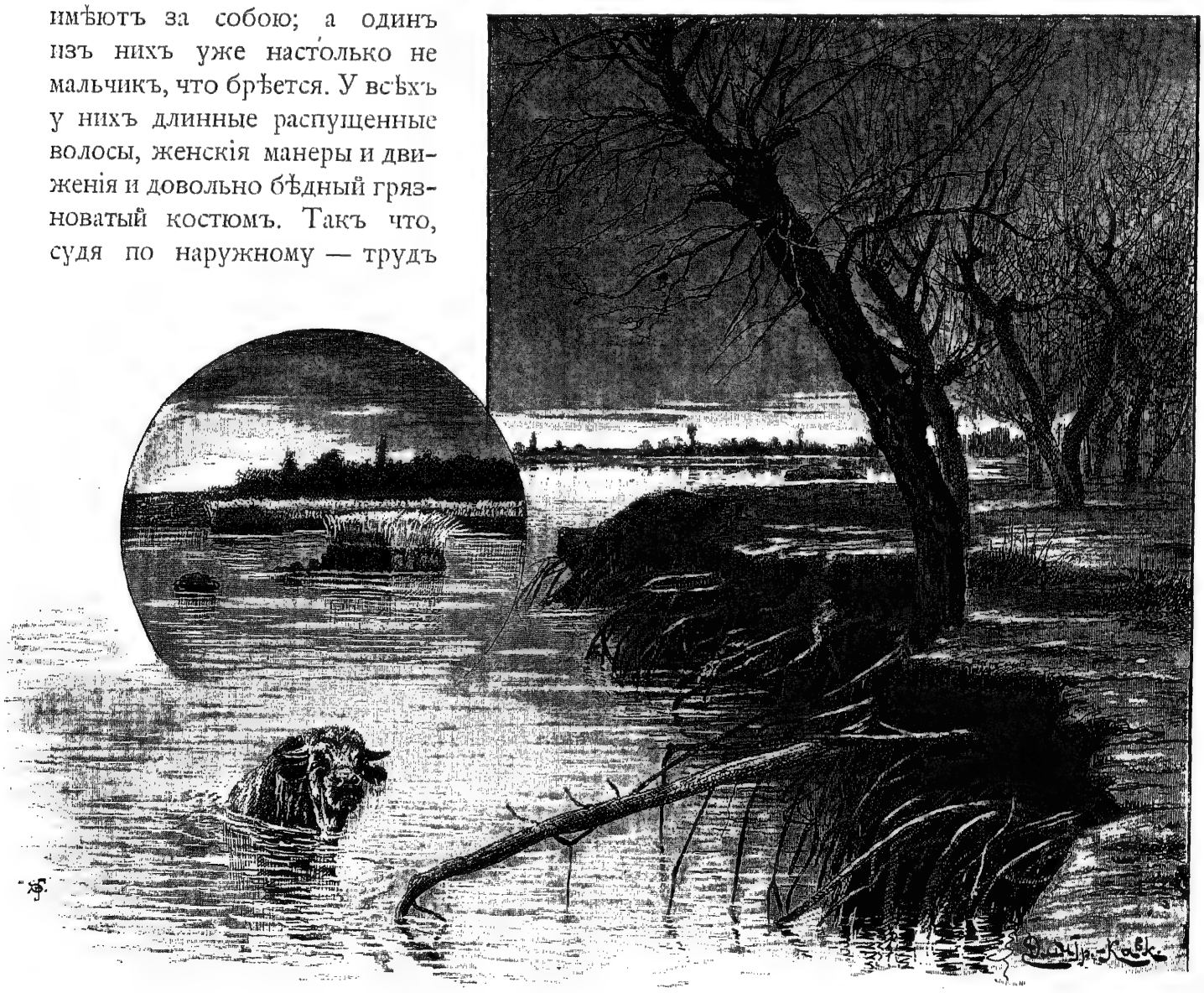


Тьёмоюнъ Тау.

тятся долго, неистово; потомъ также сразу всѣ останавливаются. Бубны въ это время страшно колотятся и музыканты орутъ съ такимъ азартомъ, какъ будто случилась величайшая бѣда. Немного отдохнувъ, бачи начинаютъ кривляться, прищелкивая поднятыми кверху руками и дѣлая какіе-то невѣроятные вывихи шеей и сально-кокетливыя движенія глазами... Пляшутъ они такъ долго и неутомимо, что даже надоѣдаетъ смотрѣть. Красивыхъ движеній нѣтъ; босыя ноги некрасивы и грязны (рис. стр. 39).

Слово бача — значитъ мальчикъ; но здѣсь этимъ словомъ называются мальчики плясуны-потѣшники и удовлетворители мерзкихъ страстей признаннаго общественнаго разврата здѣсь и скрытаго и не признаннаго въ Европѣ. Вообще здѣсь бачи какъ-бы замѣняютъ нашихъ продажныхъ дѣвицъ и нашихъ поюще-пляшущихъ цыганокъ.

Какъ только гдѣ праздникъ — пирушка — «тамаша», тамъ непремѣнно кривляются бачи и далеко раздается гулъ бубна. На базарѣ, въ чайханэ (чайная) — бачи, за которыми посѣтители-гости ухаживаютъ, угощаютъ ихъ чаемъ. Проходя мимо чайханэ мнѣ нѣсколько разъ приходилось видѣть противныя сцены кокетничающихъ бачей въ объятіяхъ селадоновъ-сартовъ или тупострастныхъ персовъ и это на воздухѣ передъ чайханэ, гдѣ снуетъ масса народа. Это — публичные общественные бачи. А у каждаго порядочнаго барина есть свой домашній бача, а то и нѣсколько. А прежде, въ старину такіе домашніе бачи высокопоставленныхъ лицъ были въ большомъ почетѣ и выходили въ большіе люди. Конечно, въ бачи попадаютъ красивые мальчики; но чарджуйскіе общественные бачи и этого не имѣютъ за собою; а одинъ изъ нихъ уже настолько не мальчикъ, что брѣется. У всѣхъ у нихъ длинные распущенные волосы, женскія манеры и движенія и довольно бѣдный грязноватый костюмъ. Такъ что, судя по наружному — трудъ



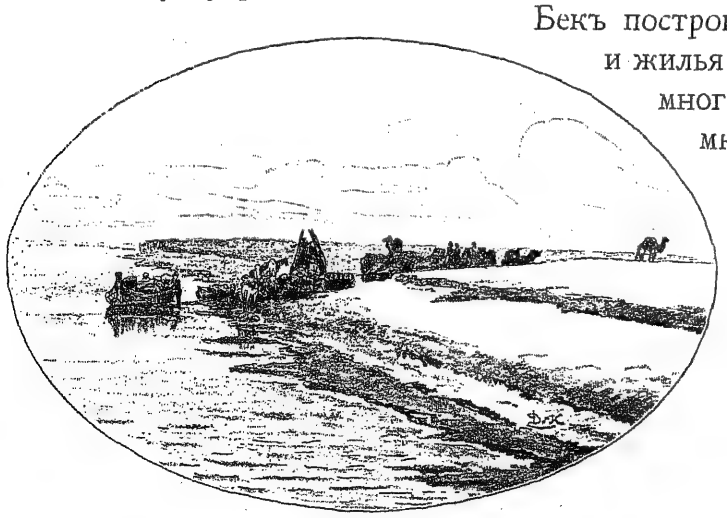
Аму-Дарья — разрушительница.

ихъ оплачивается не Богъ вѣсть какъ. Послѣднее время въ числѣ ихъ появился новый бача, совсѣмъ еще ребенокъ и очень хорошенькій, вызывающій своимъ серьезнымъ личикомъ скорбь у посторонняго зрителя.

«Бачи».

Въ первыхъ числахъ октября мы покинули Чарджуй и переселились на Аму-Дарью. Въ первый разъ я былъ на Аму-Дарьѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, и здѣсь было совсѣмъ пусто, а теперь поселокъ русскій. Повыстроили дома изъ сырого кирпича: управленіе желѣзной дороги съ комнатами для служащихъ, казармы желѣзнодорожнаго батальона, военное собраніе, нѣсколько частныхъ домиковъ. Смѣсь страшная: тутъ и чистенькіе бѣленькіе домики и кибитки, и палатки, и шалаши. Есть и церковь полупоходная. Жизнь ключемъ бьетъ, и откуда люда православнаго набралось столько! Тутъ и мужички, и купцы, и чиновники, и даже дамы. Совсѣмъ россійскій городокъ по обществу; но только ужь очень жизнь кипучая, не россійская. И на Дарьѣ (рѣка) какъ оживилось: снуютъ два маленькихъ паровыхъ катера, лодки, каюки, стоятъ копры, и ухаютъ сваи. На берегу навалены горы тюковъ съ хлопкомъ, шалаши съ дынями, которыя здѣсь поразительной сладости и вкуса. Недалеко отъ берега ресторанчикъ-шалашъ; нѣсколько лавокъ русскихъ, армянъ и туземцевъ. По другую сторону полотна желѣзной дороги—звонкіе стуки молотковъ по желѣзной бронѣ: это строятъ пароходы. Сказочно быстро выросъ отпрыскъ Россіи на бухарской землѣ. Здѣсь уже жизнь русская, хотя и полупоходная.

Буквально каждый день вырастаетъ что нибудь — то домикъ, то лавка, то базарчикъ. Туземцы кучками ходятъ и, пораженные могучимъ ростомъ расширяющагося съ невѣроятной быстротой русскаго городка, покачиваютъ головами, призывая Аллаха и все больше и больше убѣждаясь, что русскіе дѣйствительно все могутъ, что захотятъ, и что денегъ у русскихъ — счета нѣтъ. И поэтому для русскихъ все туземное становится дороже и дороже. Бываютъ часто такіе курьезы: узнавъ цѣну продающейся вещи, хочешь купить; но торговецъ раздумалъ, спохватился и уже назначаетъ чуть не вдвое дороже цѣну и упрямо стоитъ на своемъ; уходишь—а онъ все же таки не отдаетъ по первой цѣнѣ.



Перевозъ на Аму-Дарьѣ.

Бекъ построилъ большой гостиный дворъ съ массой лавокъ и жилья для торговцевъ. Частныя лица понастроили тоже много лавокъ, и все это занято, все торгуетъ. Здѣсь много торговцевъ, пріѣхавшихъ съ Кавказа: персовъ и армянъ. Теперь уже все необходимое русское можно здѣсь купить. Устроились базарные дни. Явились свиньи, и пасетъ ихъ сартъ-мусульманинъ. Открылась колбасная и булочная-кондитерская съ питьемъ кофе.

Пильщики-сарты.

Жизнь лихорадочно дѣятельная, по степенно входитъ въ нормальную колею. Люди все болѣе и болѣе устраиваются, насколько возможно, съ комфортомъ; начинаются признаки общественной жизни во главѣ съ военнымъ клубомъ, въ которомъ уже устраиваются вечера съ танцами. Гремитъ военный оркестръ, парады, ученья, визиты, ужины, карты. Появляются извощики съ колясками и дышловой упряжкой; кавалькады съ амазонками, романы... И все же таки все это стушевывается передъ главной цѣлью здѣшней жизни - перекинуться мостомъ на ту сторону Аму и потянуть рельсовый путь дальше на Бухару и Самаркандъ; построить поскорѣе пароходы и поплыть внизъ по Дарьѣ къ Хивѣ, гдѣ нашъ русскій Петро-Александровскъ, и вверхъ къ границѣ Афгана, гдѣ въ бухарскомъ Карки наши русскія войска. Теперь здѣсь двѣ лихорадки: одна туземная, больная, сваливающая, обезсиливающая людей, и другая — русская, жизненная, энергичная, движущая впередъ, подъемлющая духъ людей. Вожакомъ всей жизни — здѣшній генералъ Анненковъ: онъ вездѣ поспѣваетъ, вездѣ подгоняетъ, все затѣваетъ и каждую затѣю съ невѣроятной быстротой доводитъ до конца. Устаютъ исполнители, но не устаетъ онъ, иниціаторъ.

Передъ окончаніемъ постройки пароходовъ нужно изслѣдовать Аму-Дарью; съ этой цѣлью посылается отставной морской офицеръ г. Кольцовъ съ командой солдатъ, для точныхъ промѣровъ отъ Чарджуя до Петро-Александровска.

Хивинецъ.

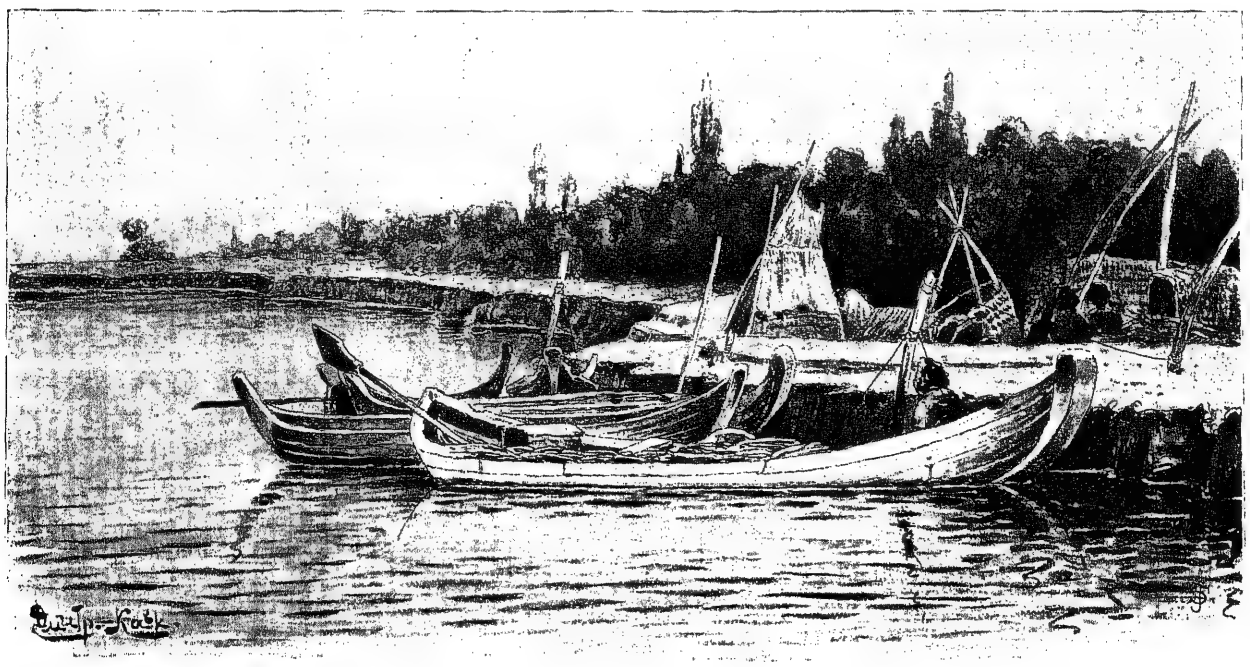
ПО АМУ-ДАРЬѢ.

Хивинское весло.

ду и я съ командой. Начались быстрые сборы: нанятъ каюкъ хивинскій (туземная лодка, доходящая до размѣровъ нашихъ барокъ, только уже и съ низкими бортами, сколоченная изъ толстыхъ полубрусьевъ съ высоко поднятыми носомъ и кормой въ видѣ утинаго носа) посуточно, за три рубля въ сутки. Г. Кольцовъ рѣшилъ поставить на каюкъ рубку съ какого то стараго парохода; для людей устроили шалашъ изъ бревенъ и брезентовъ; сложена кирпичная печь по срединѣ каюка; купили командѣ и себѣ бухарскія козьи шубы, очень легонькія, длинныя, съ отлично выдѣланной желтой замшевой поверхностью, и заплатили по 7 р. за шубу. На каюкъ взята масса бакеновъ, шестовъ, плавучихъ крестовъ, тросъ, якоря и т. п. необходимыхъ для плаванія и промѣровъ вещей. Взяты также желѣзная лодка 8-мивесельная и очень маленькій и легкій на ходу челнокъ уральскій. При командѣ солдатъ, состоящей изъ десяти человѣкъ, три опытныхъ дарьинскихъ уральца и плотникъ, русскій мужичекъ. Остальная публика — шесть каюкчей-хивинцевъ.

24 октября все было готово къ отплытію. Генералъ Анненковъ осмотрѣлъ команду подъ ружьемъ, съ батальоннымъ командиромъ полковникомъ Андреевымъ въ строю, и, сказавъ напутственное слово, — попрощался; мнѣ онъ выразилъ надежду увидѣться недѣли черезъ двѣ-три; и дѣйствительно, мы и всѣ другіе были увѣрены, что возвратимся недѣли черезъ три. Предполагалось вскорѣ послѣ нашего отплытія отправить одинъ изъ строившихся пароходовъ въ Петро-Александровскъ, и на немъ-то мы и думали возвратиться назадъ въ Чарджуй.

Порѣшили ночевать на каюкѣ и рано утромъ отплыть; а погода все хуже и хуже:



Пристань близъ Петро-Александровска.

Размытое кладбище.

холодно, вѣтрено и туманно отъ поднявшихся песковъ; къ вечеру холодъ усилился, и сѣверный вѣтеръ окрѣпъ. Ночью сильно продрогли. Утромъ одѣлись всѣ въ желтыя шубы и, благословясь, двинулись. Холодъ такой, что карандаша въ рукахъ держать нельзя. Каюкчи — въ сильномъ безпокойствѣ, говорятъ, что вѣтеръ «яманъ», и что двигаться впередъ небезопасно. Плывемъ по теченію съ помощью шестовъ, придерживаясь берега. Очень сильная мгла: солнце имѣетъ видъ перламутроваго круга, совершенно безъ лучей. На каюкѣ у насъ ужасная тѣснота отъ массы бревенъ и досокъ для вѣшекъ. Каюкчи такъ близко держатся берега, что при очень быстромъ теченіи мы нѣсколько разъ потерлись объ высокій обвалившійся берегъ, рискуя смять рубку. Песочный туманъ настолько усилился, что нѣтъ никакой возможности двигаться впередъ. Мгла желтѣетъ все больше и больше, и къ 4-мъ часамъ весь воздухъ былъ совершенно желтъ. Наконецъ поднялась буря съ пронизывающимъ холодомъ.

Слѣдующее утро — 2^0 мороза. Мгла стала расходиться, показалось голубое небо; но солнца не видно отъ скопившагося на горизонтѣ тумана. Въ рубкѣ невозможно холодно, ея тонкія досчатыя со стеклами стѣнки промерзли насквозь и покрылись изнутри инеемъ. Проплыли мы только шесть верстъ. Порѣшили — на лодкѣ съ гребцами отправиться назадъ въ Чарджуй (нашъ русскій поселокъ назвали тоже Чарджуемъ) за покупкой еще нѣкоторыхъ теплыхъ вещей и мангаловъ, а каюкъ съ остальными людьми укрѣпили у берега. Плыли при очень рѣзкомъ вѣтрѣ и промерзли страшно, несмотря на веселью работу. Оказывается, что козьи шубы не очень-то грѣютъ, сильно пропуская вѣтеръ. Закупивши все необходимое, между прочимъ, и нѣсколько ковровъ, въ 3 часа поплыли обратно на каюкъ. Обили нашу каюту-рубку коврами, и теперь стало значительно теплѣе.

27-го — чудный разсвѣтъ. Совершенная тишина. Рѣка какъ зеркало. Чистое лазурное небо. Святое утро! Издалека слышится свистокъ — нашъ чарджуйскій локомотивъ.

Впереди откуда-то слышенъ лай собачій: значитъ, аулъ не далеко. Холодно, морозно; поставили въ каюту мангалъ съ горячими углями, поотогрѣлись; досадно, что рисовать невозможно. Плывемъ все у низкихъ однообразныхъ скучныхъ береговъ. Какъ только отчаливаемъ, такъ Кольцовъ съ нѣсколькими солдатиками садятся въ лодку, забравъ вѣхи и бакены, и отправляются выискивать и промѣрять удобные проходы для будущаго пути парохода. Я же остаюсь на каюкѣ съ остальными людьми и двигаюсь впередъ, останавливаясь въ условленный часъ у берега для обѣда и ночевки. Кольцовъ потомъ подъѣзжаетъ, почти всегда страшно измученный безпрерывной работой промѣровъ и зачерчиваніемъ карты Аму-Дарьи. Такъ что мы сходились только во время непродолжительнаго обѣда да послѣ заката солнца, на ночную стоянку. Я устроился на крышѣ рубки, откуда все хорошо видно впередъ, и сходилъ внизъ, только когда пріѣзжали неутомимые промѣрщики. Одинъ изъ салдатиковъ служитъ намъ и командѣ поваромъ, умѣя готовить щи съ говядиной и поджарить кусокъ мяса; эти щи всегда казались замѣчательно вкусными. Каюкчи же имѣли свою собственную печь изъ глины въ концѣ каюка и тамъ стряпали себѣ незатѣйливый обѣдъ и пекли чуреки (большія тонкія лепешки изъ тѣста).

Такъ потянулась однообразная жизнь при пустынномъ затишьѣ на берегахъ. Долго потомъ изъ мглы не было видно далей. У лѣваго берега широкой полосой, густо сбитыми кусками, плыветъ пѣна, образовавшаяся отъ частыхъ обваловъ подмываемыхъ береговъ. Ширь необъятная. Очень много мелей. Часто встрѣчаются пролеты гусей, утокъ, лебедей, аистовъ. Расчистился немного туманъ — и вотъ мелькаетъ довольно высокій гористый песчаный берегъ, заканчивающійся интереснымъ сартскимъ кладбищемъ изъ глинобитныхъ усѣченныхъ пирамидокъ, на верхней грани которыхъ стоитъ еще маленькая пирамидка. (Рис. стр. 29).

На слѣдующій день, продолжая все тотъ же туманный путь, мы наткнулись на мель и засѣли. Вода клокочетъ около каюка, стараясь перевернуть его; каюкчи вошли въ воду, отыскивая мѣсто, куда удобнѣе сталкивать каюкъ; начинается усиленная работа шестами, и наконецъ, черезъ полтора часа, мы снялись. Плыть приходится, постоянно дѣлая зигзаги по рѣкѣ отъ одного берега къ другому и все на шестахъ; изрѣдка только, по срединѣ рѣки, каюкчи бе-

Наша стоянка. Постановка кибитокъ.

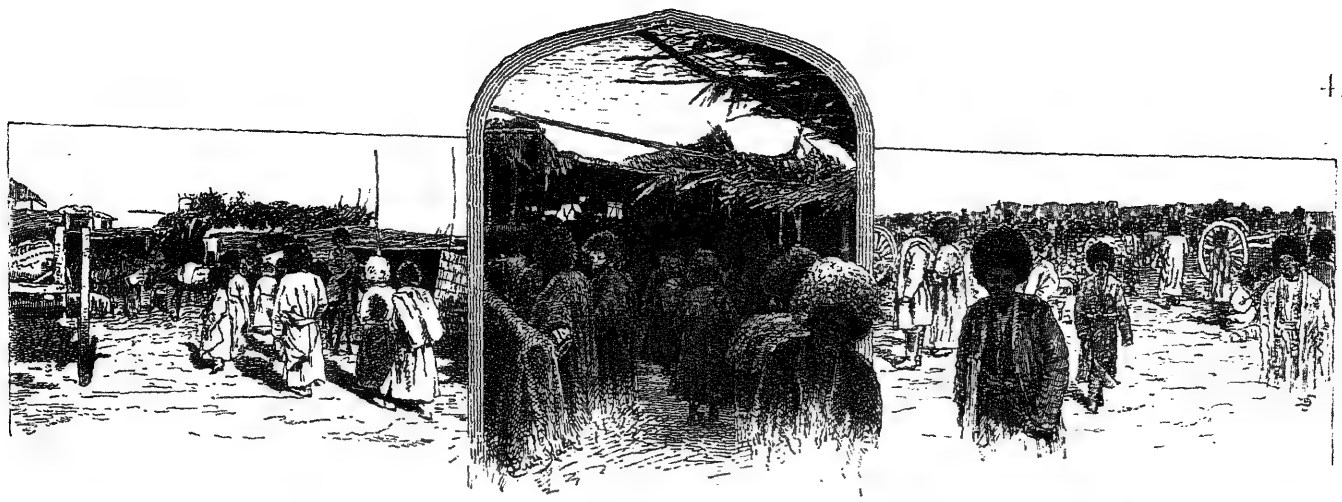
пуап.

рутся за весла, работая ими чрезвычайно медленно; вообще они рѣдко прибѣгаютъ къ своимъ древнѣйшаго типа весламъ. Рѣдко приходится долго идти по срединѣ рѣки, которая отличается чрезвычайно прихотливымъ фарватеромъ, трудно распознаваемымъ по характеру струящейся воды, а въ особенности во время вѣтра. Вотъ почему и не любятъ каюкчи плыть въ вѣтеръ; но нѣкоторые изъ нихъ поразительно хорошо распознаютъ мели, скрытыя подъ водой, и ловко обходятъ ихъ, особенно въ тихую погоду.

Правый берегъ постепенно переходитъ въ нагорный. Вотъ и горы Чапакъ-Тау и

Султанъ Аралановъ.

Хашъ-Тау. Перевозъ. (Рис. стр. 33). У воды, на песчаномъ откосѣ, куча людей, верблюдовъ и осликовъ ожидаетъ возвращенія съ другаго берега каюка, чтобы переѣхать на немъ. Пески подошли къ самой водѣ и, подмываемые Дарьей, постоянно сыплются въ нее; но здѣсь сильное теченіе, и весь поглощенный песокъ уносится въ другія мѣста, образуя громадныя мели. Я поднялся на вершину горы Хашъ-Тау, откуда открывается поразительный видъ на Аму-Дарью и ужасная картина песковъ, пожирающихъ оазисъ. Попадаются слѣды давно уничтоженныхъ людскихъ обиталищъ; вся гора усыпана осколками глиняной поливной посуды красивыхъ бирюзовыхъ цвѣтовъ, изразца и т. п. черепковъ — памятниковъ когда-то жившихъ здѣсь людей, выгнанныхъ грозно наступавшими песками, ко-



На базарныхъ улицахъ Шуруханъ.

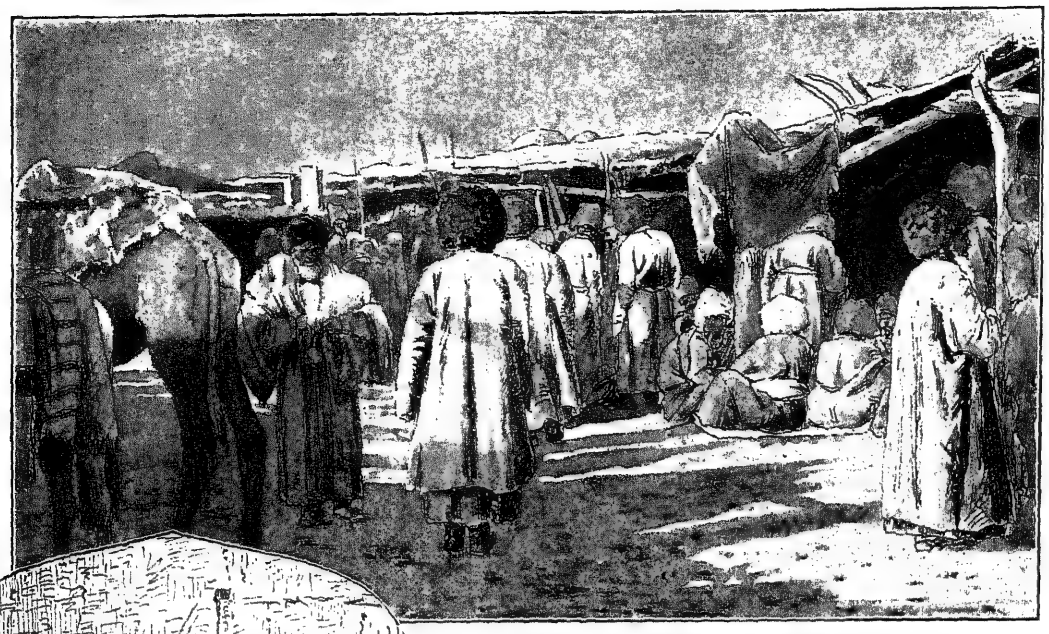
торые не терпятъ никакой жизни на своемъ пути. Какъ жаль, что мгла все не проходитъ — изъ-за нея многаго не видно. Работать нельзя. Холодъ и тоска. Къ счастію, солдатики наши прекрасно поютъ хоромъ молитвы и пѣсни. Здѣсь, въ чужой пустынѣ, въ особенности дорога русская пѣсня. Послѣ ужина всегда поется стройнымъ хоромъ «Отче нашъ» и «Спаси, Господи, люди твоя».

Тянутся песчаныя горы, понемногу удаляясь отъ берега. Стало теплѣе и тише; но зато мгла усилилась. Между песками и рѣкой полоска оазиса съ изрѣдко попадающимися домами сартовъ. Вечеретъ. Остановились на ночевку. Захотѣлось намъ полакомиться курицей; отправились въ ближайшую саклю за покупкой. Переговорили съ хозяиномъ-сартомъ, который вручилъ уральцу курицу, потребовавъ за нее 30 коп.; только что хотѣли идти, какъ вылетѣла какая-то старая вѣдьма съ страшнымъ визгомъ и руганью и хватается за курицу, выказывая рѣшительное намѣреніе вырвать ее изъ рукъ гяура; поднялся ужасный шумъ: кричитъ старуха, кричитъ сартъ, кричитъ курица; доходитъ чуть не до рукопашной свалки: наконецъ уралецъ остался побѣдителемъ, съ полузадушенной курицей, и мы уходимъ.

На слѣдующее утро Кольцовъ поплылъ назадъ — провѣрить вчерашнія свои работы, а я пошелъ по берегу отыскивать мѣсто для этюда. Написавъ этюдъ-набросокъ и возвращаясь назадъ, я набрелъ на громадную отмель, совершенно сухую, покрытую какою-то корою пепельнаго цвѣта. Такъ какъ матерый берегъ въ этомъ мѣстѣ дугою отходитъ отъ рѣки, то я, чтобы сократить путь, пошелъ черезъ отмель. Но вскорѣ ноги мои начали вязнуть, почва заколыхалась, я назадъ — еще хуже; что ни шагъ, то все больше вязну; наконецъ сразу по поясъ погрузился въ жидковатый илъ; чувствую, что еще рѣзкое движеніе — и весь я уйду. Не движусь: ужасъ охватилъ меня. Наши далеко; вѣтеръ дуетъ отъ нихъ: крика не услышатъ. Неужели могила? Пробую пошевелиться—тянетъ все больше внизъ. Я легъ и началъ тихонько, впиваясь руками въ обманчивую почву, вытягивать себя; такимъ образомъ понемногу мнѣ удалось извлечь себя изъ засасывающей грязи, и до берега доползъ на рукахъ по колеблющемуся илу, не рискуя опять стать на ноги. Благодареніе Бога, я спасенъ; спасенъ и мой этюдъ. Къ полудню я возвратился на каюкъ, весь въ грязи, съ двумя этюдами и прекраснымъ апетитомъ къ готовому уже обѣду.

Прошли сто верстъ. Оба берега гористы. Вслѣдствіе накопившейся у Кольцова работы, по черченію карты, рѣшили въ этотъ день не плыть дальше и съ 10 часовъ утра стали у берега, невдалекѣ отъ Ульджинскаго перевоза.

Вскорѣ послѣ насъ, тутъ же присталъ каюкъ, нагруженный водкой, на которомъ плылъ, какъ случайный пассажиръ, капитанъ генеральнаго штаба, направлявшійся изъ Ташкента въ Петроалександровскъ. Пообѣдавъ въ сообществѣ проѣзжаго капитана, я отправился на гору писать этюдъ разбросанныхъ мелей Дарьи. (Рис. стр. 30). Сегодня почти ясно, и видны дали. Вообще погода начинаетъ все больше и больше разъясняться. Опять



Базаръ въ Шуруханахъ.

Хивинецъ.

гористые берега смѣняются плоскими, и къ самой водѣ подходятъ пески. Вотъ у самаго берега замѣчательно правильные барханы, разбросанные на нѣсколько аршинъ другъ отъ друга.

На ночевку пристали къ лѣсистому берегу. Еще вчера у насъ вышла вся мясная провизія, а, несмотря на то, что мы встрѣчали стада овецъ, купить ничего не могли, благодаря замѣчательной честности пастуховъ, которые ни за что не соглашались продать барана; поселковъ же мы не встрѣчали. Къ счастію, у команды было еще немного телятины, и мы взяли ее въ долгъ.

Сегодня я замѣтилъ странное перешептыванье между уральцами. Вижу, что у нихъ что-то случилось или же что нибудь затѣвается. Началъ распрашивать — и въ концѣ концовъ удалось добиться до причины ихъ секретничанья. Вчера вечеромъ, во время стоянки, когда мы напрасно старались купить барана у пастуховъ, уральцы, видя уходящее въ гору стадо, отправились за нимъ и съ чисто хищнической ловкостью выхватили изъ него барашка, отойдя немного въ сторону, зарѣзали его, быстро сняли шкурку, зарыли въ песокъ и возвратились на каюкъ, когда уже стемнѣло, съ разрѣзаннымъ на куски барашкомъ.

— Зачѣмъ же шкурку-то снимали на мѣстѣ? спрашиваю ихъ.

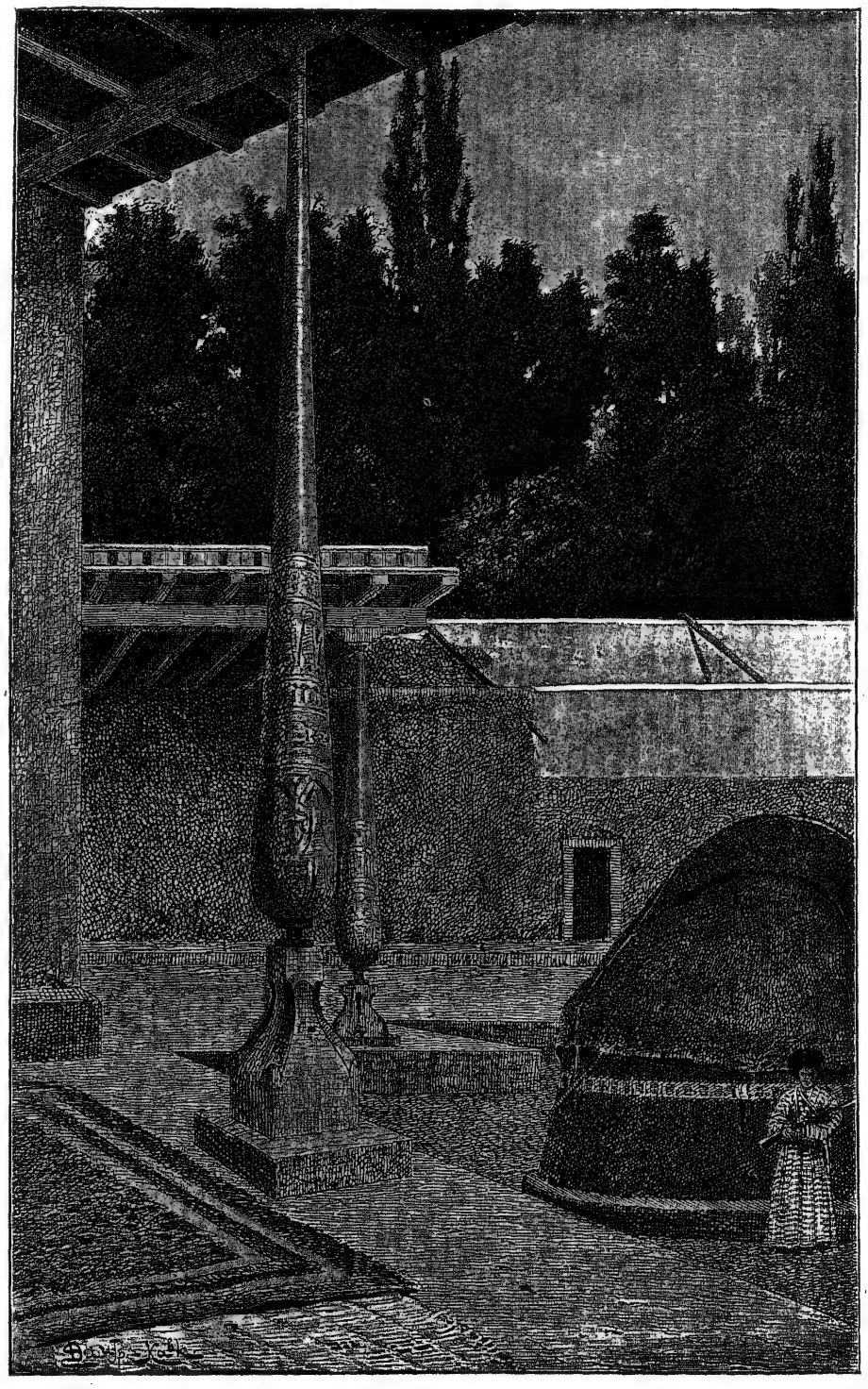
— А если бы пастухи хватились и пришли къ намъ, а у насъ свѣжая шкурка — ужь тогда бы не отвертѣлись мы; а теперь никакихъ слѣдовъ.

И какъ трудно было доказать имъ, что они учинили преступленіе, воровство. Стоятъ на своемъ, что пастухъ самъ виноватъ—потому не хотѣлъ продать.

1-е ноября. Сегодня, при довольно сильномъ холодномъ вѣтрѣ, опять довольно долго сидѣли на мели. Къ 4 часамъ пристали къ лѣсистому берегу — Тугаю. Тугайные, т. е. лѣсистые берега Аму-Дарьи, это не матёрые берега, а наносные, образовавшіеся отъ наноснаго песку съ иломъ, чрезвычайно плодороднымъ. Наносилась къ берегу отмель, быстрая струя рѣки отходила къ другому берегу, и на этой лѣсовой полосѣ появлялась въ скоромъ времени растительность, а чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ образовывались дебри изъ деревьевъ, колючихъ кустарниковъ и нѣсколькихъ видовъ тростника и камыша. Теперь это густой лѣсъ, тянущійся у берега, иногда въ нѣсколько верстъ шириной. Тугаи эти въ нѣсколькихъ мѣстахъ густо населены дичью: дикими кабанами, оле-

нями, дикими козами и фазанами. Часто это непроходимыя трущобы. Животнымъ здѣсь привольно. Деревья большею частью небольшія, корявыя, переплетенныя мелкими растеніями и высокими стройными тростниками. (Рис. стр. 29).

Сегодня рано пристали къ берегу. Провизія вся вышла,—послали людей въ аулъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега за бараномъ, а я съ уральцемъ и солдатикомъ пошли на охоту на кабановъ. День жаркій; идти намъ пришлось по дебрямъ непролазнаго тугая. Пошли мы въ сторону отъ рѣки и, пройдя версты двѣ, направились параллельно Дарьѣ. Шли съ 12 ч. утра до заката солнца, увлекаемые множествомъ слѣдовъ дичи, но ничего не попадалось; къ вечеру стали часто попадаться фазаны, засѣвшіе уже на деревья и при нашемъ приближеніи съ шумомъ срывавшіеся въ кусты и тростникъ; въ одномъ мѣстѣ фазаны во множествѣ перепархивали съ дерева на дерево. Встрѣтили туркмена, который сообщилъ намъ, что невдалекѣ отъ насъ есть заросшая тростниками лужица, около которой цѣлыми стадами бродятъ кабаны; направились туда, и когда дошли до указаннаго мѣста—совсѣмъ уже стемнѣло. Около лужицы дѣйствительно все было вытоптано кабанами, и невдалекѣ, подъ большимъ колючимъ кустарникомъ, оказалась отличная бесѣдка для засады. Порѣшили, что одинъ изъ насъ засядетъ въ эту бесѣдку, другой — пройдя съ версту къ рѣкѣ, а третій,—пройдя версты двѣ отъ втораго. Для перваго, самого удобнаго мѣста, порѣшили оставить солдатика; но онъ долго не соглашался, боясь оставаться одинъ; наконецъ убѣдили — залегъ. Уговорились, что часа черезъ три онъ пойдетъ по указанному направленію и соединится съ нами; я съ уральцемъ пошли дальше. Залегъ уралецъ, а я направился на свое мѣсто, напавъ на почти высох-



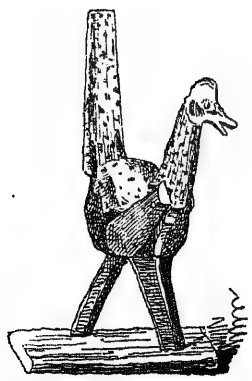
Дворъ богатаго хивинца.

шій арыкъ, весь изслѣженный кабанами. Пройдя версты двѣ по дну арыка, я тоже засѣлъ.

Стало совершенно темно; чистое звѣздное небо; въ воздухѣ совершенная тишина; кругомъ — ни звука, даже насѣкомыхъ не слышно. Темнота усилилась до того, что въ двухъ-трехъ шагахъ ничего не видно; о прицѣлѣ и говорить нечего: звѣря можно только услышать, а не увидѣть; стрѣлять можно въ упоръ. Вообще всѣ мы въ своихъ засадахъ очутились вполнѣ въ положеніи людей, могущихъ разсчитывать только

Хивинецъ.

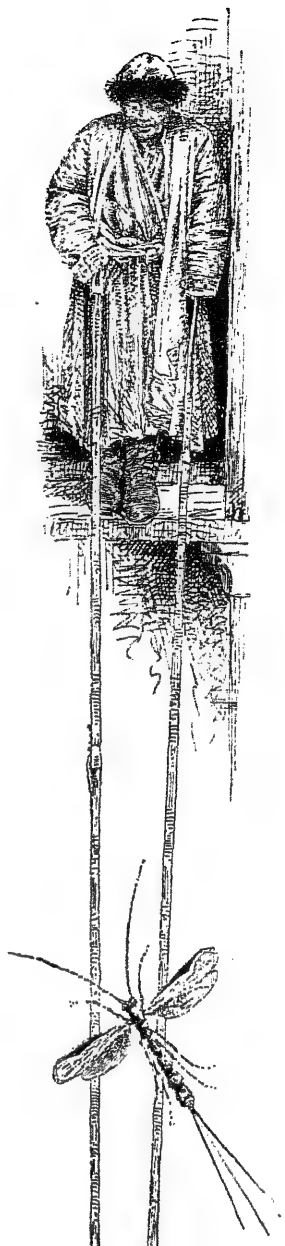
на случайность — на авось. Такъ просидѣлъ я съ часъ; наконецъ слышу вдали легкій трескъ тростника; звуки все приближаются, трескъ усиливается; что-то претъ, безцеремонно расчищая дорогу. Сердце забилось отъ полной неизвѣстности, что будетъ: предпринять ничего невозможно — ни наступательнаго, ни оборонительнаго. Сижу я въ глубокомъ рву; наверху густой кустарникъ въ перемежку съ тростниками, и ничего не видно. Это нѣчто, съ трескомъ прокладывающее себѣ путь, кажись, уже близко; но вдругъ гдѣ-то далеко-далеко какой-то странный протяжный лай, что-то среднее между лаемъ собаки и шакала; ближайшіе звуки сразу затихли, а тотъ далекій унылый лай полился все дальше и дальше и какъ бы растаялъ въ воздухѣ. Настала опять мертвая



Дѣтская игрушка.

Сартъ.

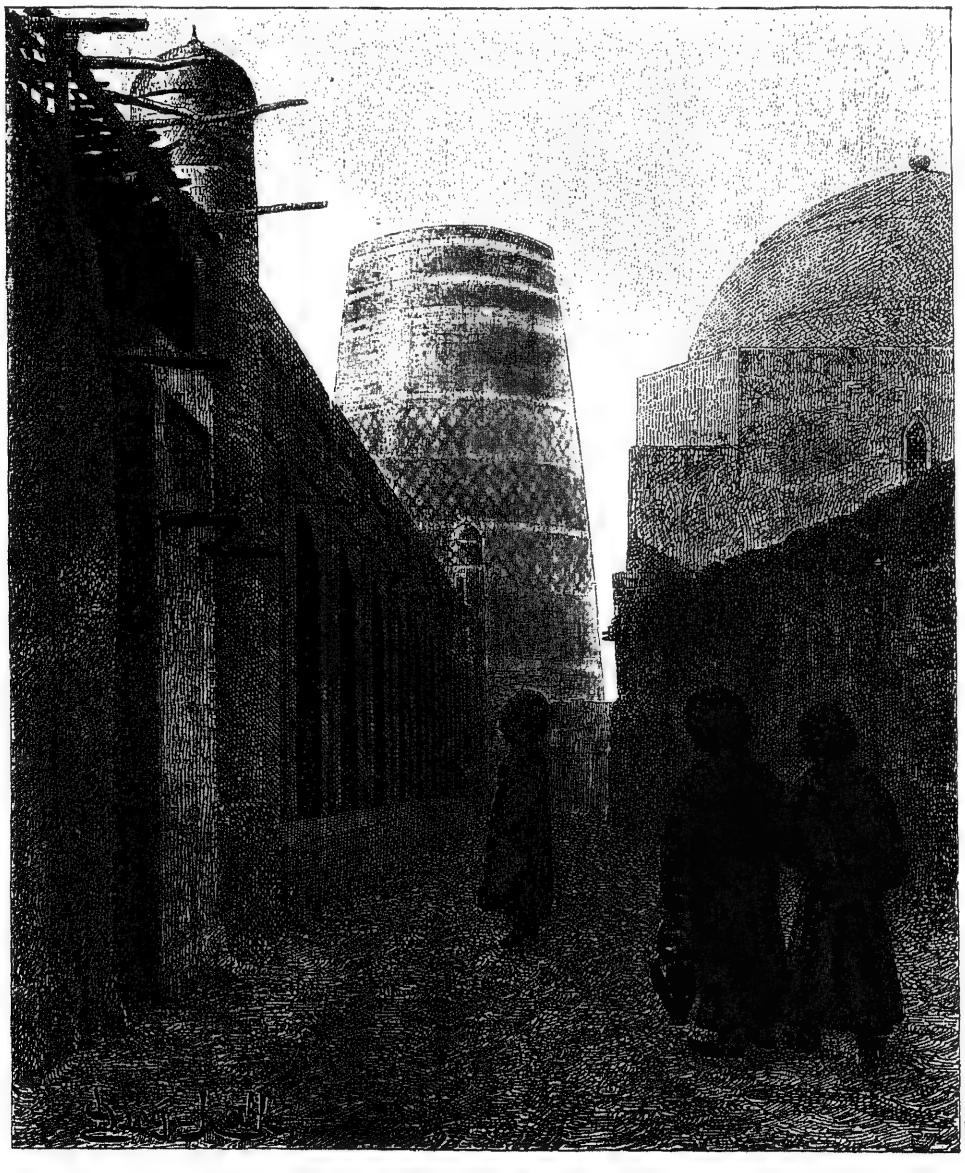
тишина. Долго я прислушивался, не шевелясь: нѣтъ, все замерло. Зажегъ спичку, посмотрѣлъ на часы — оказалось, что я уже два часа сижу на мѣстѣ. Зло начало разбирать, что столько времени потеряно даромъ. Уралецъ и солдатъ не идутъ; выстрѣла нигдѣ не было слышно; значитъ и они въ такомъ же положеніи. Подождалъ я еще съ полчаса, закурилъ и двинулся тихонько по дну арыка, по направленію къ Дарьѣ. Потянуло прохладой, и черезъ часъ пути я услышалъ журчанье воды. Вышелъ я на песчаный плоскій берегъ: продрогъ таки порядкомъ, собралъ кое-какой мусоръ и развелъ костеръ. Немного обогрѣвшись, я выстрѣлилъ, чтобы привлечь вниманіе моихъ спутниковъ; выстрѣлъ надолго и далеко раскатился по чистому тихому воздуху. Отвѣта нѣтъ. Долго и здѣсь пришлось мнѣ ждать, разнообразя свою томящую скуку собираніемъ горючаго матеріала, который ужь началъ сильно истощаться; а хотѣлось поддерживать костеръ и для тепла, и какъ маякъ, къ которому должны придти мои соохотники; да и веселѣе съ огнемъ, не такъ утомительно скучно идетъ время. Еще выстрѣлъ, другой, третій—нѣтъ отвѣта. Я уже началъ отчаиваться, предполагать, что мои спутники сбились съ пути и не могутъ добраться до меня, рѣшиться уйти къ нашей стоянкѣ — боялся, ибо тогда уже навѣрное они будутъ искать меня цѣлую ночь и Богъ вѣсть куда забредутъ, а потомъ придется же ихъ отыскивать, и съ большимъ трудомъ. Чувствуя страшную усталость и голодъ, я прилегъ у костра, не выпуская ружья изъ рукъ. Слышу какъ будто говоръ, начинаю прислушиваться — и, дѣйствительно, голоса говорящихъ людей; но такъ еще далеко, что невозможно разслышать, на какомъ языкѣ говорятъ. Кричу: «кто идетъ»? — говоръ стихаетъ. Тихо, ни звука. Черезъ нѣкоторое время опять говоръ, уже ближе; дѣлаю окликъ — опять отвѣта нѣтъ; кричу, что буду стрѣлять — нѣтъ отвѣта; дѣлаю выстрѣлъ вверхъ, послѣ выстрѣла крикъ: «ваше б-діе, это я!» и черезъ нѣсколько минутъ изъ темноты выдвигаются двѣ фигуры: мой солдатикъ и туркменъ. — «Это что за звѣрь!» спрашиваю — «А это, ваше б-діе, туркменъ вотъ, у котораго есть живой дикій поросенокъ; онъ его продаетъ за рубль. Такъ вотъ не купите ли? порядочный поросенокъ».— «Да какже ты, братецъ, столкнулся съ этимъ туркменомъ!» — «А онъ, ваше б-діе, пришелъ ко мнѣ въ засаду и показывалъ поросенка»... Ну, думаю, хорошая засада была; они тамъ бесѣдовали да покуривали, какіе ужь тутъ кабаны! Даю рубль и велю принести поросенка. Туркменъ что-то лопочетъ и рубля не беретъ. Бился-бился я — ничего не понять! Встряхнулъ немножко туркмена, и тогда онъ объяснилъ болѣе толково, что теперь онъ раздумалъ насчетъ цѣны и хочетъ за поросенка два рубля. Меня взорвало; я легкимъ движеніемъ руки заставилъ жаднаго туркмена нырнуть въ темноту, и онъ исчезъ. Вскорѣ явился и уралецъ съ пустыми руками и просилъ позволенія остаться въ засадѣ до утра; но я на отрѣзъ отказалъ, и мы двинулись вверхъ по рѣкѣ, къ нашему каюку. Близко къ водѣ держаться нельзя, потому что какъ разъ въ этихъ мѣстахъ Дарья рветъ берегъ, и то и дѣло слышны сильные обвалы, удалиться же отъ воды—легко можно сбиться



Точильщикъ-сартъ

съ пути. Весь берегъ поросъ какими то колючими кустарниками и тростникомъ, и все это перепутано еще колючей травой, такъ что путь былъ чрезвычайно затруднителенъ. Долго пришлось намъ пробиваться «путемъ тернистымъ». Уралецъ окончательно выбился изъ силъ (ему лѣтъ 50) и при малѣйшей неровности почвы падалъ; страшно было за него, что онъ свалится совсѣмъ. Мучились мы нѣсколько часовъ, изодрали себѣ платье и поискололи ноги выше колѣнъ. Мы такъ долго шли, что начали сомнѣваться, не прошли ли нашъ каюкъ. Наконецъ блеснулъ огонекъ, послышались голоса. Дошли, но усталые, оборванные, въ крови, мы еле говорить могли. Да и понятна наша страшная усталость: вѣдь у всѣхъ насъ съ утра, что называется, маковой росинки во рту не было. Кольцовъ съ остальными людьми сильно безпокоился за нашу участь и не спалъ, ожидая насъ съ горячей пищей. Ну, зато же мы и поѣли и заснули!

На слѣдующее утро, проплывъ верстъ двадцать, слышимъ — визжитъ гдѣ-то на берегу поросенокъ. Всматриваясь въ ту сторону, откуда слышался визгъ, видимъ: стоитъ на берегу туркменъ, въ поднятой вверхъ рукѣ держитъ поросенка и машетъ, чтобы приблизились къ нему, кричитъ, что сегодня продастъ «дунгусъ» (свинья) за двѣ тенги (50 к.). Отправляемъ двухъ уральцевъ на челнокѣ, чтобы купили; черезъ нѣкоторое время они возвращаются и говорятъ, что теперь поросенокъ опять стоитъ 2 рубля. Тогда мы приказываемъ отправиться уральцамъ еще разъ, предложить двѣ тенги, и если не будетъ отдавать, то подстрѣлить поросенка и возвратиться. Чрезъ нѣсколько времени дѣйствительно слышимъ выстрѣлъ, и наши возвратились съ поросенкомъ, разсказывая, что когда подстрѣлили, то туркменъ соглашался отдать даже за одну тенгу.



Главная улица города Хивы.

День сегодня замѣчательно красивый и теплый. Рубка наша нагрѣлась до 25° внутри. Тянется ровный, довольно высокій, каменистый берегъ, на верху котораго безконечная песчаная степь съ рѣдкими пучками сухой травы. По другому, правому берегу — сыпучіе пески. Необычайно красивая голубизна воздуха и воды. Въ три часа причалили къ лѣвому берегу, недалеко отъ резиденціи бека Кабаклы (мал. городокъ).

Хивинскій баринъ.

Откуда-то изъ за-насыпи арыка появился, необычайно высокаго роста, съ какой-то демонической физіономіей, киргизъ и заявилъ, что онъ завѣдуетъ пасущимся здѣсь табуномъ транспортныхъ желѣзнодорожныхъ лошадей; онъ сейчасъ же куда то нырнулъ и исчезъ; минутъ черезъ пять появился опять, но уже съ георгіевскимъ крестомъ на халатѣ. На вопросъ, за что и когда онъ получилъ крестъ, киргизъ, страшно гримасничая и жестикулируя руками, отказался сообщить, говоря, что объ этомъ я могу узнать отъ его султана Арасланова, хорошаго моего знакомаго и чрезвычайно интереснаго, бывалаго и умнаго человѣка, о которомъ я поговорю потомъ. Мы пригласили киргиза пить чай, и я любовался на это замѣчательно экспрессивное и невѣроятно подвижное лицо, а также на его чрезвычайно выразительные жесты. А потомъ всѣ мы были поражены, столько выпилъ онъ чаю! Онъ пилъ быстро, непрерывно часа два, съ жадностью глотая чай и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже какъ бы съ жадностью болтая всякій вздоръ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, любящаго много поговорить и, за отсутствіемъ людей, давно неговорившаго.

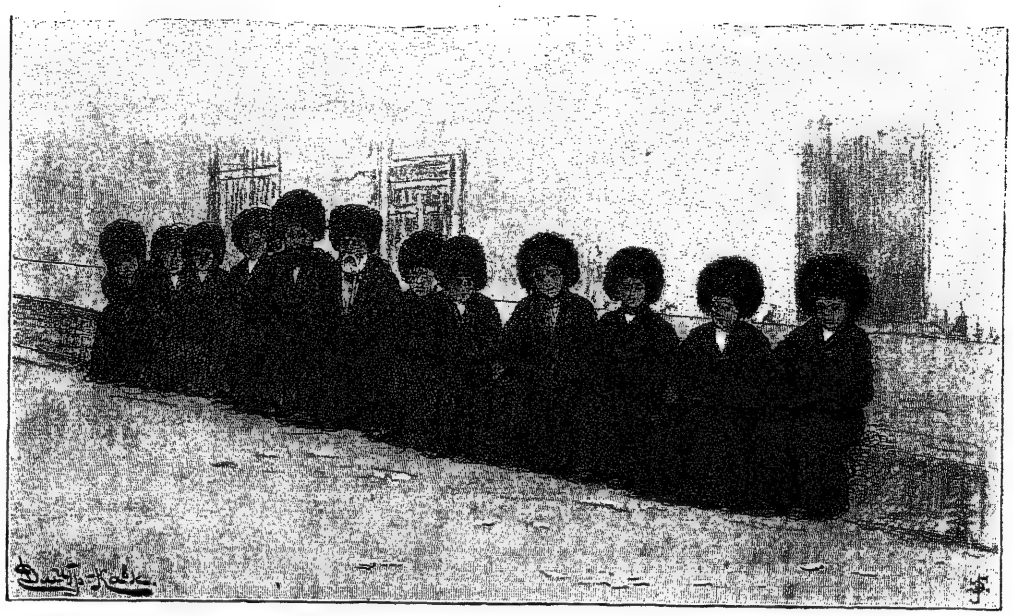
На слѣдующее утро я переѣхалъ .въ челнокѣ на другой берегъ писать этюдъ, а Кольцовъ уѣхалъ съ визитомъ къ беку. Въ какомъ чудномъ затишьѣ очутился я! рѣдкій на Аму-Дарьѣ уголокъ, съ ласкающими глазъ покойными берегами и отмелями. Вода въ затонахъ не шелохнется, и по всему заливчику, какъ-бы охранители этой тишины, стоятъ бѣлыя цапли, какъ мраморныя неподвижныя изваянія. Возвращаясь черезъ

два часа назадъ, былъ встрѣченъ на берегу бекомъ съ его свитой, въ охотничьихъ костюмахъ, на коняхъ и съ соколами. Обмѣнялись привѣтствіями, и бекъ подарилъ нѣсколько фазановъ, забитыхъ соколами, когда онъ ѣхалъ къ Кольцову съ отвѣтнымъ визитомъ. Неподалеку отъ нашей стоянки интересный лѣсъ: деревья въ перемежку съ тростниками, доходящими до 12 арш. вышины.

Ясно, тихо и довольно тепло. Лѣсъ постепенно рѣдѣетъ и наконецъ, переходя въ кустарники, какъ бы уходитъ въ пески, потянувшіеся скучными монотонными линіями по обоимъ берегамъ рѣки. Съ половины дня подулъ вѣтеръ, поднявшій пески, и опять мы очутились въ непроницаемой мглѣ песочнаго тумана, покрывающаго всѣ предметы бѣловатымъ слоемъ. Люди всѣ сѣдые. По берегамъ все развалины прошлой жизни. Вотъ какъ сразу вырастаетъ гора съ остатками большой когда-то крѣпости Кысъ-Кала (рис. стр. 32). Пропали пески, и по лѣвому берегу потянулся лѣсокъ, а по правому — горы въ перемежку съ песками.

На слѣдующее утро, приблизясь къ развалинамъ праваго берега — Кала-Дея-Хатынъ (рис. стр. 30), измѣрили силу теченія въ этомъ мѣстѣ Дарьи: 5 футовъ въ секунду. Сегодня (5 ноября) стихло, разъяснилось, и довольно сильно пригрѣваетъ солнышко, такъ что къ 3 часамъ въ рубкѣ было 30^0 тепла. Пройдя гору лѣваго берега Мулла-Пуазенъ-Тау, Дарья какъ бы отдыхаетъ и, тихо катя свои мутныя воды, даритъ раздолье для хода судовъ. Фарватеръ здѣсь хорошъ. Берега совершенно необитаемы, и за весь день хода намъ попался только одинъ кочевой киргизскій аулъ въ 15 кибитокъ (рис. стр. 33). За сильно выдающимся высокой скалой мысомъ Атъ-Хора чаще стали попадаться аулы киргизъ съ довольно большими стадами овецъ. У Тау-Чусуртлю, около большаго киргизскаго аула, мы остановились пообѣдать. Все населеніе аула высыпало къ намъ и, радушно болтая, обступило насъ съ разспросами. Женщины держались въ сторонѣ, на вершинѣ холма, неподалеку отъ кибитокъ.

Курганъ.



Ученики и два учителя хивинско-русской школы.

Недолго наслаждались мы хорошей погодой: въ ночь поднялась и забушевала съ сѣвера холодная буря, и мы порядкомъ померзли, такъ какъ нельзя было разводить костровъ. Съ 10 часовъ утра порывы вѣтра стали тише, и мы могли двинуться дальше. На часто попадающихся мелях, у береговъ, разгуливаютъ фазаны. Очень холодно; нельзя работать, и, къ довершенію, полное истощеніе табаку и водки; когда-то теперь удастся достать этихъ почти необходимыхъ продуктовъ, безъ которыхъ томленіе и холодъ — въ особенности при теперешней погодѣ, когда до костей пронизываетъ и трясетъ отъ холода, какъ въ лихорадкѣ — совсѣмъ измучатъ путешественника. Къ ночи мы всѣ окоченѣли; но и тутъ нашелся выручающій нектаръ — чай: пока пили — тепло. Такъ холодно, темно и безотрадно, что мы въ 7 часовъ вечера легли спать. Проснулись утромъ совсѣмъ окоченѣлые; ночью былъ морозъ. Погода совершенно разъяснилась. Сегодня чрезвычайно пріятная встрѣча—съ казенной желѣзной баржей, которую ведетъ г. П—ръ изъ Петро-Александровска въ Чарджуй. Молодой, здоровый и чрезвычайно любезный, г. П—ръ пригласилъ насъ къ себѣ на баржу, угостилъ на славу прекраснымъ шашлыкомъ, изготовленнымъ его поваромъ-солдатикомъ, и подарилъ ½ фунта хорошаго табаку. Живемъ! Взяли съ баржи къ себѣ на каюкъ: компасъ, колоколъ, пороху, веревокъ, фонарей и т. п.; я получилъ въ подарокъ пучекъ прекрасныхъ иголъ дикобраза (хивинскаго).

Потянулись тѣ же берега: то небольшія горы, то тугаи, то пески и мели. Попалось нѣсколько хивинскихъ каюковъ, нагруженныхъ углемъ. Холодно и вѣтрено, и насъ нанесло на мель; пришлось довольно долго промучиться. Каюкчи сильно работали, спустившись въ студеную воду; посинѣли бѣдные, но ни насморковъ, ни кашлей—ничего: очень закаленный народъ эти каюкчи: ѣдятъ плохую пищу, мерзнутъ въ лохмотьяхъ, по временамъ каторжная работа, а спятъ совсѣмъ какъ звѣри, гдѣ и на чемъ попало. Ихъ не сломишь ни водой, ни вѣтромъ, ни морозомъ. У хорошаго костра они возстановляютъ всѣ силы и забываютъ всѣ невзгоды. Послѣ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ для здоровья переходовъ каюкчи у большаго костра веселы и беззаботно болтливы.

Въ одномъ мѣстѣ я сильно ушелъ впередъ отъ Кольцова, и уже стемнѣло, когда я присталъ къ берегу. Развели костеръ-маякъ. Совсѣмъ темно; потомъ взошла луна, а Кольцова съ командой все нѣтъ. Ночь тихая, ясная, лунная — чарующая красота. Кругомъ ни звука. Жду безпокойно. Сижу на обрывистомъ берегу и, охваченный поэзіей ночи и шепотомъ струящейся Дарьи, вспоминаю о далекой Россіи, — и чудятся мнѣ гдѣ то далеко-далеко какъ бы звуки родной пѣни. Да, почудилось... Но вотъ опять еще яснѣе слышу я пѣсню; волною воздуха приноситъ ее то ближе и яснѣе, то дальше и чуть слышно, и таютъ звуки, улетая. И вотъ ясно слышу я чудное пѣніе хоромъ ужь

какъ будто близко. Яснѣе, яснѣе плыветъ хоръ стройный, русскій. Мотивъ — «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», и все быстрѣе и быстрѣе летятъ могучіе звуки, и широко разносится пѣсня въ этомъ необъятномъ просторѣ дикой пустынной Азіи. Прилетѣли наши молодцы съ пѣснею. Запоздали съ промѣрами, темнота застала, сѣли на мель, переломали половину веселъ, наконецъ кое-какъ выбрались, перекрестились и пустились внизъ— искать, гдѣ каюкъ сталъ на ночевку; увидѣли огонекъ на берегу и, ни слова не говоря, какъ бы очарованные, сразу всѣ стройно запѣли пѣсню о матушкѣ Волгѣ.

Обаятельная ночь! Я никогда въ жизни ни въ одномъ концертѣ, ни въ одной оперѣ не получалъ такого высокаго эстетическаго наслажденія, какъ въ эту ночь на дикихъ берегахъ Аму-Дарьи отъ простой русской пѣсни, спѣтой десяткомъ измученныхъ солдатъ. Было когда-то большое наслажденіе отъ этой же широкой пѣсни на самой Волгѣ, также въ лунную ночь: пѣли бурлаки; но тамъ, на Волгѣ не тянуло душу въ даль. А тутъ, на Аму-Дарьѣ, очарованный этой пѣснью, болѣзненно тоскливо рвешься душой за тысячи верстъ, на далекую-далекую родину, гдѣ, кажется, ты любишь всѣхъ безконечно, и всѣ любятъ тебя; гдѣ плыветъ тихая, мирная жизнь, гдѣ подъ тѣнью прохладныхъ рощъ, на нивахъ, на зеленыхъ лугахъ не кипятъ такъ дикія страсти... Да, сильна была эта пѣсня въ эту тихую лунную ночь на Аму-Дарьѣ! За одну такую ночь можно вынести нѣсколько мѣсяцевъ тяжелаго путешествія.

Потянулись безконечно однообразно и время, и берега. Если и видишь признаки жизни людской, то все это прошлое, все развалины, и иногда развалины грандіозныхъ построекъ. Ясно, что прежде и Дарья была не здѣсь, да не было здѣсь и песчаной пустыни. Вѣдь не могли же громадные храмы съ городами быть погруженными въ пески, какъ теперь эти развалины умершаго величія когда то жившихъ здѣсь людей. А теперь въ этихъ мѣстахъ только изрѣдка попадаются кочевники - киргизы съ десятками кибитокъ, которые сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Все разнообразіе пути только въ томъ и заключалось, что боролись съ Дарьей: съ мелями и теченіемъ. Вотъ на правомъ берегу — Дашъ-Кала и граница бухарскихъ владѣній съ бывшими хивинскими. Здѣсь стоитъ бухарскій гарнизонъ. Высадились и пошли въ маленькое полуразрушенное укрѣпленіе. Мѣстность — голая, песчаная, самая безотрадная пустыня; кругомъ на много десятковъ верстъ ничего, кромѣ песковъ. Жизнь гарнизона хуже

Пѣвецъ-секретарь Дивана-беги.

всякихъ ссыльныхъ: постройки плохія, лошади плохія; вездѣ продуваетъ; ни травинки, ни кустика. Воины большею частью старые, плохо одѣтые. Попросилъ я показать мнѣ оружіе: ружья — ужасный сбродъ, начиная отъ русскаго кремневаго и кончая бухарскими фитильными, связанными веревочками вмѣсто гаекъ; но одно фитильное бухарское ружье (до сихъ поръ въ употребленіи у охотниковъ-бухарцевъ) очень хорошо, нарядно и въ полной исправности. Прошу продать — ни за что; владѣлецъ разсказываетъ цѣлую исторію этого цѣннаго ружья, говоря, что онъ, молъ, не продастъ его ни за какія деньги. Упрашивалъ, упрашивалъ я — нѣтъ, не отдаетъ. Такъ и ушелъ я къ себѣ на каюкъ; но вскорѣ пришла мнѣ въ голову неожиданная мысль, и я опять пошелъ къ бухарцу: «жаль, говорю, что не отдаешь ружья, а я бы повезъ его въ тотъ городъ, гдѣ русскій царь живетъ, и всѣмъ показывалъ бы это чудное ружье». Бухарецъ мой встрепенулся и говоритъ: — «возьми, если такъ»; далъ мнѣ и пуль къ этому ружью (чрезвычайно маленькія), и мѣрку для пороха изъ лебединой кости, и я завладѣлъ этимъ старымъ самопаломъ съ чинаровой ложей и прекраснымъ стволомъ за 20 р.

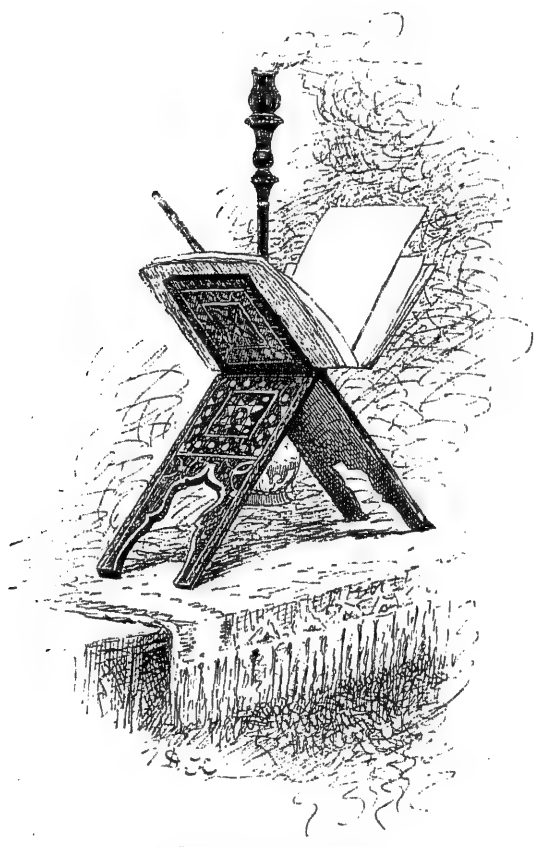
Хивинецъ въ охотничьемъ костюмѣ.

Недалеко отъ этого мѣста — три очень оригинальныхъ горы въ видѣ совершенно правильныхъ пирамидъ — Учъ-Агачъ. Теперь уже конецъ бухарской чалмѣ — она не встрѣчается, смѣнившись большой бараньей съ длинной шерстью шапкой хивинца и болѣе суровымъ и воинственнымъ типомъ когда-то боеваго туркмена, вмѣсто наряднаго и мягкаго по нраву хозяина и торговца бухарца. Далѣе идетъ очень высокій лѣвый берегъ; въ одномъ мѣстѣ его набросана большая куча камней, на которой воткнуто нѣсколько палокъ и значковъ — это въ память чтимаго здѣсь святаго героя Али; называется она Дуль-Дуль-Атлаганъ. Въ этомъ мѣстѣ и правый берегъ скалистъ, и Дарья здѣсь очень узка и глубока — до 77 футовъ глубиною. По преданію, Али въ этомъ мѣстѣ перескочилъ на лошади съ одного берега на другой. Очень оригинальна скала Тьёмюнъ-Тау (рис. стр. 37), на верху которой лежитъ громадная каменная глыба чрезвычайно правильной формы, какъ бы искусственный памятникъ или жертвенникъ.

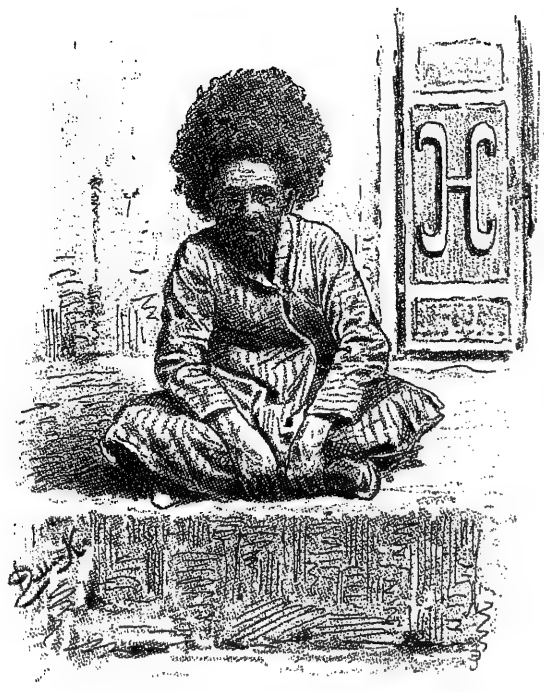
Приближаемся къ какому-то парку съ тянущейся полосой лѣса на заднемъ планѣ, но съ дымками изъ трубъ — значитъ, жилыя мѣста. Это городъ Питнякъ съ его священнымъ островомъ съ паркомъ — Арачи-Баua (рис. стр. 34). Прибыли мы сюда вечеромъ и остановились на ночевку; да и провизія вышла вся — надо купить. На другой день утромъ я съ двумя людьми отправился въ городъ, который отстоитъ отъ берега рѣки верстахъ въ 5-ти. Городокъ небольшой, но съ хорошими постройками и весь въ садахъ. Каждый домъ отдѣленъ отъ другаго садомъ. Во всѣхъ направленіяхъ арыки съ довольно исправными мостами. Торговая базарная площадь съ небольшимъ числомъ лавокъ невелика.

День былъ не базарный, и потому большинство лавокъ заперто. Изъ мясныхъ лавокъ открыта была только одна, гдѣ я и закупилъ говядину по 5 коп. за фунтъ; куры продавались по 1 руб. за пару, баранъ 6 руб.; вообще, благодаря тому, что день не базарный, цѣны на все большія, такъ что я ничего не купилъ, кромѣ говядины, муки и соли. Встрѣтилъ я здѣсь оригинальную маслобойню съ весьма незатѣйливымъ первобытнымъ механизмомъ — ступой, которая приводится въ движеніе верблюдомъ съ завязанными глазами.

Въ теплую ясную погоду мы подплыли къ красивому скалистому берегу съ оживленнымъ спускомъ къ водѣ. Здѣсь—пристань, а на верху—Дунглю-Клю-Тау, могила святаго, очень чтимое мѣсто, по обыкновенію, украшенное шестами съ тряпками и значками (рис. стр. 35). Неподалеку отъ этого мѣста видны какія-то постройки въ родѣ постоялаго двора и складочныхъ сараевъ.



Стойка для книгъ и чилимъ.

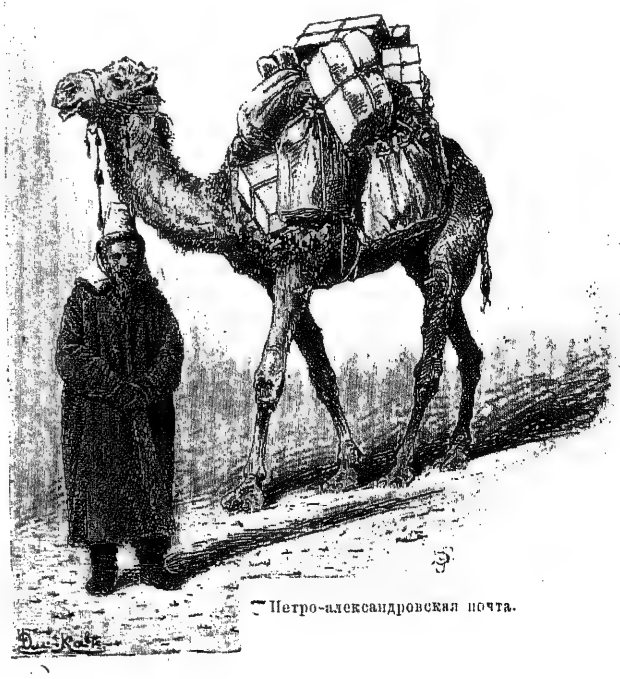


У ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКА.

Наконецъ-то, утромъ,—16 ноября, мы подходимъ къ бывшему русскому укрѣпленію, а нынѣ городку Петро-Александровску. Послѣ высокаго лѣваго берега Дунглу-Клю, кончились береговыя высоты Аму-Дарьи. Теперь потянулись совершенно плоскіе скучные берега,—но зато меньше пустыни, больше растительности и относительно больше культуры. Итакъ, мы съ 25 октября по 16 ноября проплыли разстояніе всего въ 600 верстъ по теченію.

«Ну», говорятъ каюкчи, «вотъ и Петро-Александровскъ». Передъ нами тянутся параллельно берегу хивинскіе кишлаки съ садами (рис. стр. 60), и повидимому никакихъ признаковъ чего бы то ни было русскаго; но вотъ вдали слышатся звуки русскаго барабана... Я ушелъ на каюкѣ впередъ и пристalъ у пристани, съ нѣсколькими небольшими каюками, подождать Кольцова. Смотрю — въ сторонѣ стоитъ большой каюкъ и къ нему направляются нѣсколько человѣкъ въ сѣрыхъ, солдатскаго сукна, казакинахъ, съ патронами на груди, съ офицеромъ во главѣ и съ массою собакъ всевозможныхъ породъ, крупныхъ и мелкихъ. Это, какъ я узналъ отъ офицера, охотничья команда мѣстнаго баталіона отправляется охотиться на кабановъ и оленей. Вскорѣ подплылъ и Кольцовъ, и мы двинулись дальше, выискивая лучшее мѣсто для будущей пристани парохода и для нашей стоянки. Наконецъ установились, и Кольцовъ съ солдатикомъ поѣхалъ въ городъ — представиться начальнику аму-дарьинскаго отдѣла. Вечеромъ онъ возвратился, закупивъ различной провизіи, вина и табаку. Вскорѣ пріѣхалъ и начальникъ аму-дарьинскаго отдѣла, тогда полковникъ, нынѣ генералъ-маіоръ Разгоновъ. Познакомились, и я былъ радушно приглашенъ на завтракъ слѣдующаго дня. Осмотрѣли еще берегъ, нашли болѣе удобное мѣсто и передвинулись на нѣкоторое разстояніе, ниже по теченію. Во время этого передвиженія, уже позднимъ вечеромъ, мы проплыли мимо интереснаго древняго кладбища съ мечетью и могилой святаго, окончательно разрушеннаго размывомъ Аму-Дарьи (рис. стр. 42). Теперь мечеть стоитъ у самой воды и въ разрѣзѣ — половину отхватила Дарья; въ оборванномъ берегу видны могилы съ бѣлѣющими черепами и скелетами. Останки святаго хивинцы успѣли перевезти въ г. Хиву.

Петро-Александровскъ отстоитъ отъ Аму-Дарьи верстъ на 4 — 5 и отдѣляется отъ берега довольно густымъ поселкомъ хивинцевъ. Весь этотъ поселокъ тянется полосой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воды, по берегу, и своими садами совершенно заслоняетъ городъ. Поѣхали въ городъ на дрогахъ единственнаго мѣстнаго извозчика, который взялъ съ насъ, за 4 версты, въ одинъ конецъ 1 р. 40 к. Полковникъ



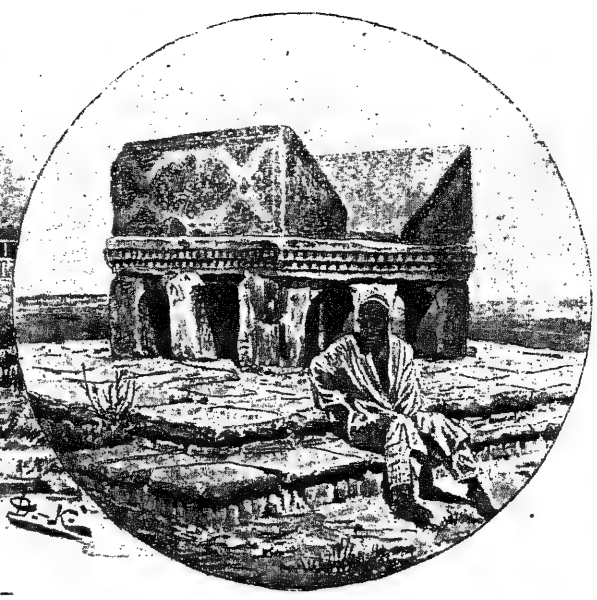
Петро-александровская почта.

Разгоновъ очень любезно и съ полнымъ русскимъ радушіемъ принялъ насъ и познакомилъ со своей чрезвычайно симпатичной семьей. Предлагалъ переѣхать намъ въ военное собраніе; но намъ неудобно было воспользоваться этимъ любезнымъ предложеніемъ, и мы порѣшили, въ ожиданіи скораго прибытія парохода изъ Чарджуя, остаться на берегу Дарьи и просили прислать намъ 2 — 3 кибитки. Послѣ завтрака,—за которымъ, между прочимъ, меня поразилъ поданный мѣстный виноградъ, очень ароматный, вкус-

Хивинскій ученый (мулла).

ный и необычайно крупный, величиною въ сливу, какого я не встрѣчалъ до сихъ поръ,—пошли осматривать городъ. Городокъ чрезвычайно чистенькій, правильно распланированный, съ бѣлыми опрятными домиками, у большинства которыхъ снаружи войлочные ставни, защищающіе лѣтомъ отъ палящаго солнца. Много зелени, съ торчащими пирамидальными тополями. Помѣщеніе начальника отдѣла—въ бывшей крѣпости, стѣны которой уже во многихъ мѣстахъ разрушаются, самый домъ — хивинская постройка съ добавочными приспособленіями для русскаго жилья. Большой хорошій садъ съ аллеями изъ тополей. Городъ представляется совершенно необитаемымъ, потому что почти никого

Медрессе Биби-Ханимъ.



Пьедесталъ для большаго корана.

не встрѣчаешь на улицахъ. Поразительная пустота — словно выѣхали всѣ или попрятались. Побродивши по городу пѣшкомъ, мы отправились на мѣсто нашей стоянки. Въ этотъ день солдатиковъ своихъ отпустили мы въ городъ до вечера. Началась пріятная переборка съ каюка на берегъ. Хивинцы ставятъ кибитки; собственно работой постановки занялись двѣ хивинки, а мужчины больше смотрѣли да распоряжались на словахъ. Поставили двѣ кибитки для команды и одну для насъ, внутри которой установили и нашу рубку съ каюка; устроили шалашъ для кухни. Обнесли кругомъ наши владѣнія канатомъ, установили мачту для флага. Вообще устроились недурно (рис. стр. 43). Въ городѣ, конечно, всѣ узнали о пріѣхавшихъ, какъ о предвѣстникахъ скораго прибытія перваго парохода изъ Чарджуя. Эта вѣсть была большою радостью для всѣхъ обитателей Петро-Александровска, отрѣзанныхъ отъ всего міра и не имѣющихъ никакого сообщенія съ Чарджуемъ, т. е. съ желѣзной дорогой. Нѣтъ ни почтоваго, ни телеграфнаго сообщенія. Петро-Александровскъ сообщается съ Россіей почтой черезъ Казалинскъ, которая привозится на верблюдѣ, обвѣшанномъ сумками съ письмами и тючками съ посылками (рис. стр. 57). Этого верблюда-почту съ киргизомъ городъ ждетъ всегда съ величайшимъ нетерпѣніемъ и радостью. А теперь вдругъ узнаютъ, что будетъ ходить военный пароходъ отъ линіи желѣзной дороги. Можно себѣ представить — какая радость. Сегодня пріѣхали къ намъ въ

Бухарцы.

У Петро-Александровска.

двухъ экипажахъ городскіе обыватели: завѣдующіе провіантскимъ магазиномъ съ дочерью и мѣстный пивоваръ и мукомолъ съ женою, да еще верхомъ какой-то юноша. Послѣ первыхъ обычныхъ распросовъ начали жаловаться, какъ въ 84 году Аму-Дарья пошалила у нихъ, отмывъ большой кусокъ берега, шириной съ версту, гдѣ были прекрасные сады съ домами русскихъ и туземцевъ и съ пивоваренным заводомъ, и гдѣ былъ лагерь мѣстнаго батальона. Все это было быстро сорвано и уничтожено безслѣдно. Пріѣхалъ и К. О. Разгоновъ и пригласилъ меня на завтра въ мѣстное управленіе, гдѣ будетъ много типичнаго туземнаго населенія. Такъ что у насъ сегодня почти весь день гости. На другой день поднялась непогодь; все небо затянуло темными тучами и моросилъ мелкій дождь. Холодно! Отправился къ К. О. Разгонову, который получилъ изъ Чарджуя вѣсть (отъ пріѣхавшаго верхового джигита), что пароходъ долженъ быть сегодня — завтра здѣсь. Былъ въ управленіи, гдѣ сегодня пріемный день начальника края. Вся улица, гдѣ управленіе, буквально запружена лошадьми и людьми; это все пріѣхали съ жалобами, за совѣтами и вызванные отвѣтчики и свидѣтели. Здѣсь представители многихъ народностей, населяющихъ этотъ край, начиная отъ преобладающихъ типовъ туркмена-хивинца и киргиза и кончая арабомъ. К. О. Разгоновъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и тактомъ держитъ себя съ туземцами и съ большимъ вниманіемъ относится къ нуждамъ этихъ полудикихъ людей. Видно, что этотъ человѣкъ постарался хорошо ознакомиться съ характеромъ ввѣреннаго ему народа и интересуется дальнѣйшимъ изученіемъ этихъ людей и входитъ въ мельчайшія подробности ихъ, иногда крайне сложныхъ и запутанныхъ, дѣлъ. Преобладающія тяжебныя дѣла туземцевъ — брачныя; главнымъ образомъ изъ-за уплаты калыма — плата за невѣсту деньгами, скотомъ и вещами, въ большинствѣ случаевъ по частямъ — въ различные сроки. Здѣсь дѣвушка цѣнное существо въ матеріальномъ отношеніи и поэтому существо, вызывающее массу недоразумѣній и спорныхъ, до суда доходящихъ, дѣлъ. К. О. установилъ правила, по которымъ каждый туземецъ, входящій въ присутствіе управленія и являющійся передъ начальникомъ края, долженъ снимать головный уборъ, а женщины открывать лицо. Какіе чудные голоса и какой пріятный говоръ у здѣшнихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Интересна была здѣсь одна влюбленная парочка жениха и невѣсты. На невѣсту была подана жалоба якобы ея прежнимъ женихомъ, который говорилъ, что онъ уплатилъ часть колыма за нее, а теперь она выходитъ замужъ за другого. Позвали обвиняемую; она тихо и съ достоинствомъ вошла и открыла молодое, чрезвычайно миловидное, даже красивое, лицо и стала съ опущенными глазами; вмѣстѣ съ нею вошелъ и рядомъ сталъ ея женихъ, тоже молодой парень; онъ держится робко, близко къ своей невѣстѣ, чуть не хватается за полу ея халатика. Дѣвушкѣ сообщили о жалобѣ на нее и указали на жалобщика. Она тихо подняла свои большіе добрые глаза, посмотрѣла долгимъ взглядомъ прямо

Бухарскій точильщикъ ножей.

въ лицо обвиняющаго, потомъ также тихо осмотрѣла его фигуру съ ногъ до головы и, обращаясь къ начальнику и смотря задумчивымъ взоромъ куда-то вдаль, сказала: «я этого человѣка вижу въ первый разъ и никогда нигдѣ не встрѣчала». И сказала это такимъ красивымъ и недопускающимъ опроверженія тономъ, что, кажется, дальше по этому дѣлу и разговаривать было нечего. А между тѣмъ обвинитель говоритъ, что онъ далъ за нее колымъ ея дядѣ и съ ея согласія, и что у него есть свидѣтели этой сдѣлки. Она еще разъ точно такимъ-же тономъ заявила, что этотъ человѣкъ совершенно ей неизвѣстенъ и очень скромно попросила позволенія удалиться. Вышла она съ большимъ достоинствомъ и очень тихо, увлекая за собою и своего глуповато-влюбленнаго жениха. Эта дѣвушка говорила чрезвычайно красивымъ, пѣвучимъ, чарующимъ голосомъ. Вотъ, если бы такъ говорили на нашихъ сценахъ актрисы! Какое сильное впечатлѣніе онѣ производили бы на массу.

Богомолъ.

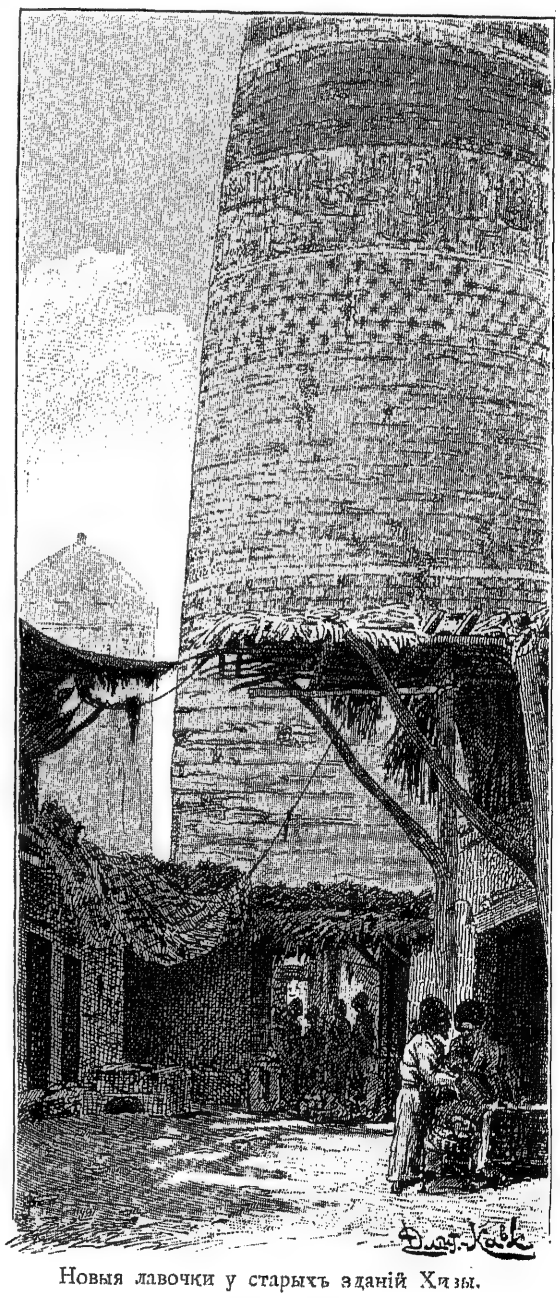
Опять переѣздъ на новое мѣсто; говорятъ, что еще удобнѣе будетъ для парохода. Передвинулись на полверсты. Во время разборки кибитокъ явились 9 уральскихъ конныхъ казаковъ съ бравымъ урядникомъ, который отрапортовалъ, что они присланы начальникомъ края для охраны нашей стоянки и будутъ состоять при насъ. Къ вечеру опять установили кибитки на новомъ мѣстѣ и еще одну прибавили для казаковъ. Погода скверная, холодная. Получили приглашеніе въ военное собраніе, гдѣ сегодня музыкальный вечеръ; но я отклонилъ это приглашеніе и остался дома. Кольцовъ тоже не хотѣлъ одинъ ѣхать.

Сегодня базарный день въ городѣ, и я бродилъ по большому съѣхавшемуся базару. Большія толпы туземцевъ и бойкая торговля русскими и хивинскими продуктами. Купилъ нѣсколько ковровъ и костюмовъ. Пріѣхавши домой, засталъ толпу горожанъ, которые все приходятъ разспрашивать о прибытіи парохода. Пріѣхалъ пивоваръ г. С—въ, о которомъ я уже упоминалъ, и уговорилъ ѣхать къ нему въ городъ. Очень радушные люди эти С—вы. Вечеромъ прискакалъ нашъ казакъ съ вѣстью, что пріѣхалъ къ намъ изъ Чарджуя султанъ Аралановъ. Распрощавшись съ милыми и гостепріимными хозяевами, я сейчасъ же поѣхалъ домой. Султанъ, направляясь куда-то въ хивинскія владѣнія внизъ по Дарьѣ, остановился у насъ переночевать и сообщилъ намъ грустныя вѣсти: пароходъ дѣйствительно вышелъ въ Петро-Александровскъ, но по неизвѣстнымъ причинамъ вернулся назадъ въ Чарджуй и когда пойдетъ опять — неизвѣстно.

Желѣзный человѣкъ этотъ султанъ Аралановъ (рис. стр. 44). Средняго роста, коренастый, на кривоватыхъ ногахъ, съ большою головой чисто киргизскаго типа: скуластый, съ узко прорѣзанными глазами, смотрящими умно-лукаво, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродушно, съ рѣденькими усами и бородой съ просѣдью. Бритая голова вся въ крупныхъ складкахъ, какъ у бегемота. Во всемъ проглядываетъ несокрушимая сила и завидное здоровье. Этому человѣку лѣтъ подъ 60, но онъ переноситъ всѣ физическія невзгоды съ легкостью здороваго 25-лѣтняго мужчины. Замѣчательный знатокъ Средней Азіи, онъ когда-то, во

Бухарскіе музыканты.

времена нашихъ боевыхъ походовъ, хивинскихъ и текинскихъ, бродилъ вездѣ между тѣми и другими народностями, а также и между русскими, какъ большая нравственно-боевая сила, которую большинство уважало и боялось. Будучи человѣкомъ, за голову котораго была назначена большая денежная премія, онъ самъ безстрашно явился къ тѣмъ, которые покупали его голову, и предложилъ такіе боевые проекты и выполненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ лично противъ непріятеля, что его помиловали, воспользовавшись съ успѣхомъ его цѣнными услугами — наградили, какъ личность вполнѣ достойную и полезную. Все это не разъ я слышалъ отъ людей, близко знавшихъ султана. Теперь онъ чрезвычайно практично и ловко ведетъ нѣкоторыя дѣла, соприкасающіяся съ постройкой закаспійской желѣзной дороги, по порученію начальства. Этотъ человѣкъ до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ европейскому комфорту: построили ему маленькій домикъ въ Чарджуѣ, на берегу Аму-Дарьи, чтобы дать возможность вести болѣе сносную жизнь, чѣмъ въ кибиткѣ. Перебрался онъ въ домикъ, прожилъ въ немъ нѣсколько дней и, жалуясь, что ему какъ-то не по себѣ и болитъ голова, перебрался опять въ свою кибитку, у дверей которой всегда стоитъ высокое старинное копье—знакъ достоинства султана. Этотъ султанъ-полковникъ, съ орденомъ Владиміра на груди, всегда одѣтъ въ самый простой народный хивинскій халатъ и киргизскую низенькую барашковую шапку. Султанъ смѣлый и опытный охотникъ, убившій на своемъ вѣку одиннадцать тигровъ. Теперь онъ ѣдетъ куда-то въ низовье Дарьи, въ хивинскія владѣнія, гдѣ у него есть кусокъ земли съ имуществомъ, хотя родина его Оренбургъ, гдѣ у него большая земля и большая семья. Вотъ и теперь нужно видѣть, какъ ѣдетъ этотъ пожилой человѣкъ, маленькій каюкъ, въ которомъ помѣщаются два каюкчи и султанъ, устроившій себѣ какое-то гнѣздо, въ которомъ онъ можетъ только прямо сидѣть: впереди нѣсколько соколовъ на подставкахъ-жердочкахъ и сзади гнѣздо съ борзыми щенятами — и каюкъ переполненъ, больше въ немъ ничего помѣстить нельзя. И вотъ онъ, сидя въ такомъ гнѣздѣ, прокатилъ 600 верстъ. Пріятно смотрѣть на такого крѣпкаго и выносливаго человѣка. Переночевавъ у насъ въ кибиткѣ, онъ пробылъ съ нами до 11 часовъ утра и, пообѣдавъ, полетѣлъ по теченію Дарьи. Спросилъ я у султана про того киргиза — съ Георгіемъ, котораго встрѣтилъ у Кабаклы. Когда былъ бой подъ Хивою, сообщилъ султанъ, то въ одной изъ самыхъ жаркихъ схватокъ султанъ, стоя у дерева, увидѣлъ, что на одного юнкера налетѣло нѣсколько хивинцевъ такими орлами, что юнкеру невозможно



Новыя лавочки у старыхъ зданій Хивы.

Во дворѣ Бухары.

отбиться и что нужно моментально броситься къ нему на помощь. Султану страшно стало; тогда онъ крикнулъ своему киргизу, чтобы тотъ выручилъ юнкера. Киргизъ какъ бѣшеный, бросился въ бой, выхватилъ уже сильно раненаго юнкера, располосовалъ своей шашкой нѣсколькихъ хивинцевъ и свалился въ безсиліи, истекая кровью отъ нѣсколькихъ ранъ. Подоспѣвшіе солдаты выручили и его. Вотъ за это-то полное самопожертвованіе въ бою и получилъ киргизъ георгіевскій крестъ, который и носитъ онъ съ гордостью на своей изсохшей груди.

Тянутся томительно-однообразные дни въ неопредѣленномъ ожиданіи парохода. Наконецъ наше положеніе становится невыносимымъ и мы съ Кольцовымъ рѣшили ѣхать въ Чарджуй на лошадяхъ. На слѣдующій день, навьючивъ вещи въ ожиданіи лошадей, получаемъ вѣсть отъ пріѣхавшаго уральца изъ Чарджуя, что пароходъ выходитъ. Мнѣ посовѣтывали остаться съ солдатами ждать парохода, а Кольцовъ поѣхалъ на-легкѣ, на встрѣчу пароходу, взявъ съ собой рулеваго, двѣ вьючныхъ лошади и джигита. И такъ я остался одинъ съ командой ждать у моря погоды. Опять уговариваютъ перебраться въ военное собраніе. Но я рѣшилъ остаться въ кибиткѣ. Мнѣ даже пріятно было какъ-то остаться одному. Велѣлъ плотнику смастерить шкалу для наблюденія повышеній и пониженій воды въ Дарьѣ. Распаковалъ опять свои вещи. Насталъ холодный морозный вечеръ; поужиналъ и послѣ ужина команды велѣлъ солдатикамъ пѣть. Прослушавъ нѣсколько пѣсенъ, отправился бродить по берегу. Ночь ясная, но очень холодная. Потянулись опять прежніе, долгіе дни ожиданій. Ночные холода заставляютъ сильно зябнуть въ кибиткѣ. Но вотъ наступаетъ ясный, тихій, теплый денекъ. Кругомъ полная тишина. Изрѣдка доносятся изъ Петро-Александровска то пѣсни, то музыка солдатъ. Какъ хорошо въ такомъ мѣстѣ и въ такое время жить своимъ внутреннимъ міромъ, безъ постороннихъ чужихъ людей. Изрѣдка только пройдетъ по берегу хивинецъ; послышится гдѣ-то далеко, далеко скрипучій крикъ осла, мычанье коровы, пѣтухъ пропоетъ, но все это далеко гдѣ-то въ аулахъ, все это не касается меня. Вотъ и жизнь возродилась: тащатъ хивинцы каюкъ противъ теченія. Рисую, пишу. Иногда ко мнѣ пріѣзжаетъ адъютантъ начальника аму-дарьинскаго отдѣла — Ходжа-Мирбадалевъ — симпатичный человѣкъ, съ которымъ пріятно побесѣдовать.

Ѣздилъ въ хивинскій гор. Шуруханы, принадлежащій русскимъ и отстоящій отъ Петро-Александровска на 7 верстъ. Пространство отъ города до города — пески, непосредственно начинающіеся у Петро-Александровска. Дорога колесная, но очень тяжелая. День былъ базарный и было на что посмотрѣть. Городъ достаточно большой, характерный, съ довольно хорошими глиняными постройками и съ большимъ хивинскимъ базаромъ, напоминающимъ чарджуйскій базаръ (рис. стр. 45 и 46). Бухарца ни одного, а, значитъ, и ни одной бѣлой чалмы; такъ что крытыя части базара смотрятъ довольно строго, чтобы не ска-

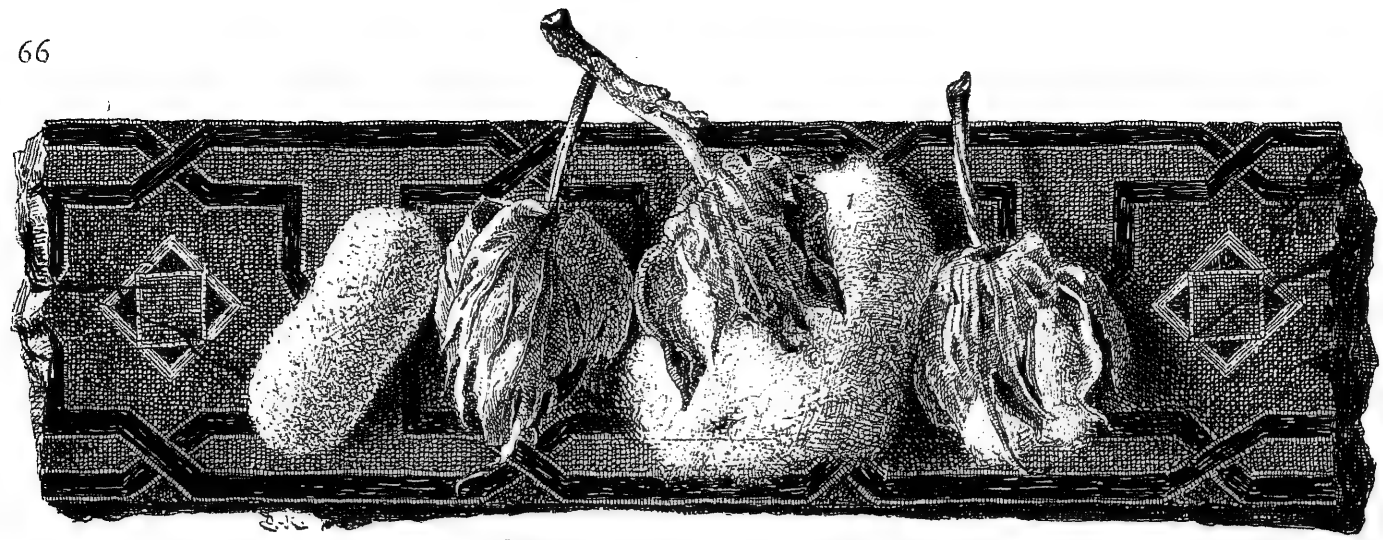
ВЪ ХИВУ.

ѣтъ, не дождаться намъ, вѣрно, парохода. Думаю передъ отъѣздомъ отсюда съѣздить въ Хиву, которая отъ моей стоянки въ 70 — 80 верстахъ. Г. Мирбадалевъ предлагаетъ свою верховую лошадь, у которой очень быстрый ходъ; значитъ, можно и скоро, и покойно съѣздить. Г. Разгоновъ даетъ письмо къ хану хивинскому и другое письмо къ диванъ-беги, т. е. главному министру, у котораго я и остановлюсь на нѣсколько дней моего пребыванія въ Хивѣ.

4 декабря, въ первомъ часу дня, выѣхалъ я въ Хиву съ проводникомъ-киргизомъ. Лошадь моя страшно горячилась, и мы быстро неслись два часа до переправы черезъ Аму-Дарью. На другомъ берегу лошадь пошла уже совсѣмъ покойно—шагомъ и довольно мелкимъ въ сравненіи съ шагомъ лошади киргиза—и понемногу начала отставать, словомъ быстро устала. Плоха для похода. Въ 4 часа пріѣхалъ въ г. Ханки, ничего особеннаго не представляющій. Остановился у бека, который принялъ меня чрезвычайно любезно. Сейчасъ же помѣстили меня въ кибитку, разложили огонь, подали чай. Черезъ нѣкоторое время пришелъ бекъ — довольно красивый и типичный хивинецъ лѣтъ 45; усѣлись на коврахъ около костра и начали бесѣдовать. При этомъ подали очень вкусную лапшу, вареную конину и супъ. Мой джигитъ-киргизъ служилъ мнѣ переводчикомъ. Бекъ довольно наивно разсматривалъ мой костюмъ и вещи. Въ 7 часу мой милый хозяинъ пошелъ спать, пожелавъ мнѣ покоя. Мы съ киргизомъ попили еще чайку и улеглись спать на полу, покрытомъ коврами. Ночью было очень холодно въ кибиткѣ, такъ что легли спать совсѣмъ не раздѣваясь и въ шубѣ, но все-таки я сильно озябъ. Проснувшись утромъ, первое, что услышали — это завываніе вѣтра. Сильный морозъ. Разложили костеръ, обогрѣлись. Подали чай. Пришелъ бекъ со своимъ маленькимъ сыномъ, очень хорошенькимъ мальчикомъ, котораго я несказанно обрадовалъ, подаривъ ему большую серебряную персидскую монету; отецъ рѣшилъ укрѣпить ее на тюбитейкѣ сынишки. Подали мясо и каймакъ *), который я очень люблю и къ которому отнесся чрезвычайно добросовѣстно, совершенно насытившись; но бекъ все еще уговаривалъ продолжать кушать. Я не могъ и съ благодарностью отказывался. Вдругъ онъ, быстро захвативъ изъ чашки пальцемъ самую лучшую пѣнку и не давъ мнѣ опомниться, всунулъ мнѣ въ ротъ свой палецъ съ пѣнкой, говоря, что это лучшій кусочекъ, и я, не желая оскорбить такого радушнаго хозяина, долженъ былъ съѣсть этотъ лучшій кусочекъ и еще въ добавокъ поблагодарить за то, что грязный палецъ хозяина, смазанный пѣнкой, побывалъ у меня во рту.

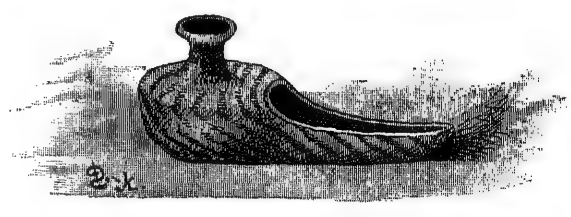
*) Очень густыя кипяченыя сливки съ пѣнками.

Хивинская улица.



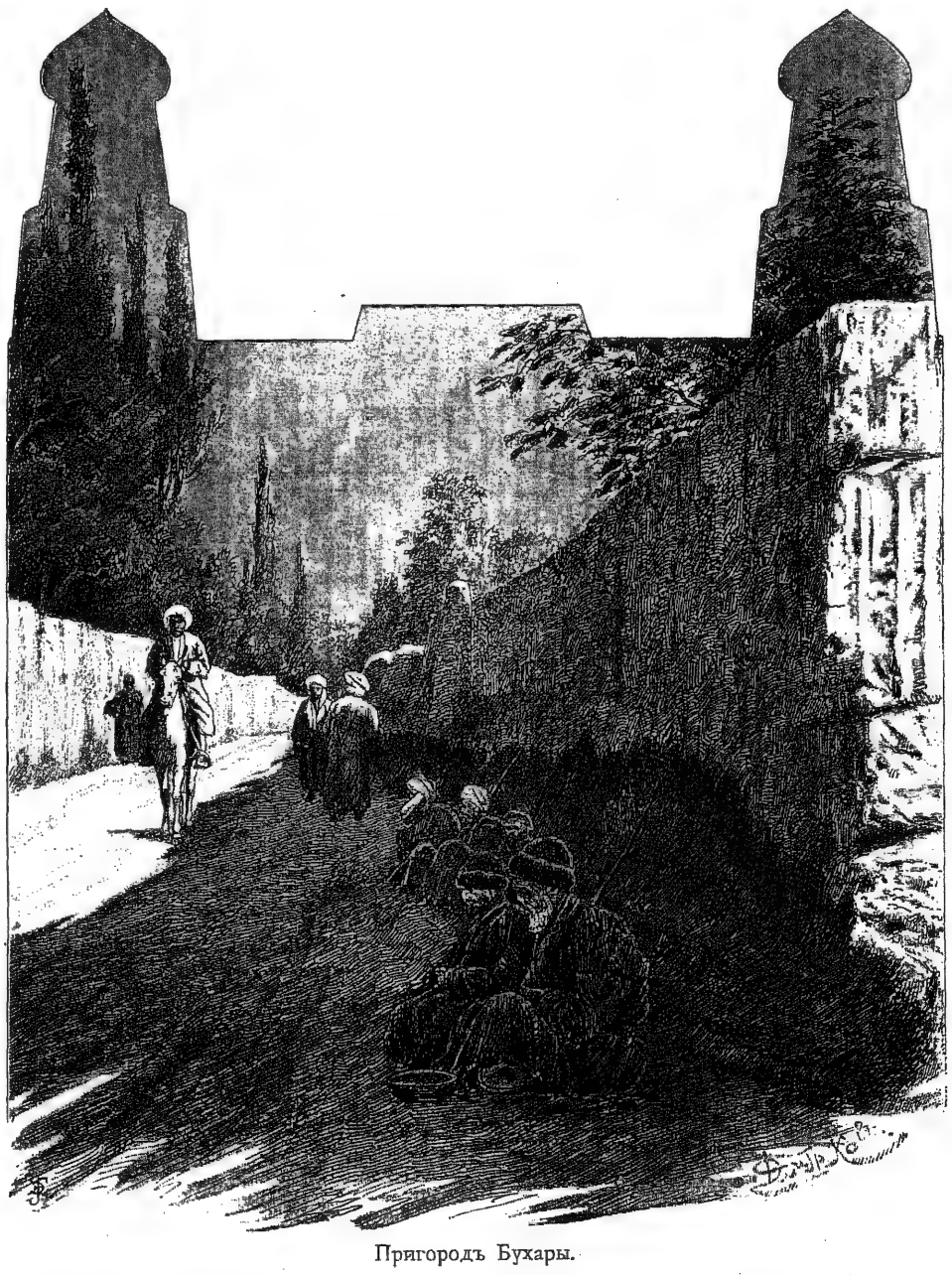
Хлопчатникъ и шелковичный коконъ.

Мысленно негодуя на черезчуръ уже хлѣбосольнаго бека, въ 9-мъ часу отправились мы дальше въ путь. Поближе къ Хивѣ намъ чаще и чаще попадались сады съ огромными деревьями, а, подъѣзжая къ городу, мы увидали, направо отъ дороги, очень живописный домъ-дворецъ съ громаднымъ садомъ — брата хана. Было около 2-хъ часовъ, когда мы подъѣхали къ воротамъ Хивы. Городъ чрезвычайно живописенъ, но страшно запущенъ и грязенъ. Между жалкими постройками, этимъ невѣроятнымъ жилымъ хламомъ, встрѣчаются самой изящной формы башни и колонны изъ очень оригинальныхъ красивыхъ изразцовъ, большинство которыхъ, однако, тоже сильно пострадало отъ всеразрушающаго времени и совсѣмъ не ремонтируется, такъ что эти красивыя зданія производятъ довольно грустное впечатлѣніе. Наконецъ мы дотащились до дома Диванъ-Беги. Когда я слѣзъ съ лошади, то почувствовалъ себя совершенно окоченѣлымъ и, введенный въ комнату, устланную коврами и подушками, съ наслажденіемъ растянулся на одномъ изъ ковровъ. Самого Диванъ-Беги не было дома, и онъ пришелъ отъ хана только въ 9-мъ часу вечера. Мнѣ отвели двѣ комнаты, тоже, конечно, безъ всякой мебели и только съ коврами и очагомъ для горячихъ углей. Матъ-Муратъ Диванъ-Беги (рис. стр. 36), пожилой красивый мужчина, немного говорящій по русски, призвалъ одного изъ своихъ поваровъ и предложилъ мнѣ его въ полное распоряженіе на все время моего пребыванія въ Хивѣ. Давъ мнѣ немного отдохнуть, хозяинъ пригласилъ къ себѣ на чай. Онъ провелъ меня въ свои комнаты, устроенныя, по его словамъ, на «совершенно русскій ладъ». Но этотъ русскій ладъ вышелъ у него довольно курьезенъ: большая комната, устланная коврами, безъ стульевъ; но въ ней есть столикъ, уставленный различными дешевыми русскими бездѣлушками, между которыми маленькіе столовые часы, бинокль, перочиный ножъ и т. п.; на одной стѣнѣ укрѣплена лампа, на другой зеркало— вотъ и все. Рядомъ съ ней, не то ниша, не то комната, гдѣ устроенъ большой, во всю стѣну, помостъ-диванъ, покрытый коврами, по которымъ разбросаны туземныя бархатныя и шелковыя подушки, и опять-таки столъ съ нѣсколькими русскими вещами. При этомъ обѣ комнаты оклеены русскими грошевыми обоями, что и составляетъ ихъ главное украшеніе. Освѣщаются онѣ лампами и свѣчами. Хозяинъ пригласилъ еще одного гостя, мѣстнаго богача-купца — толстое, но чрезвычайно симпатичное существо, и вмѣсто чая устроилъ намъ цѣлый вокально-музыкальный вечеръ съ различными комичными представленіями и плясками. Словомъ, онъ въ первый же вечеръ поразилъ меня своей обстановкой и своею богатой аристократической жизнью. Всѣ мы втроемъ усѣлись въ маленькой комнаткѣ-нишѣ на диванѣ, конечно, съ ногами; противъ насъ — столъ съ яствами и чаемъ, сбоку человѣкъ съ раскуреннымъ чилимомъ, который подносился чрезъ каждыя 5—10 минутъ намъ всѣмъ для

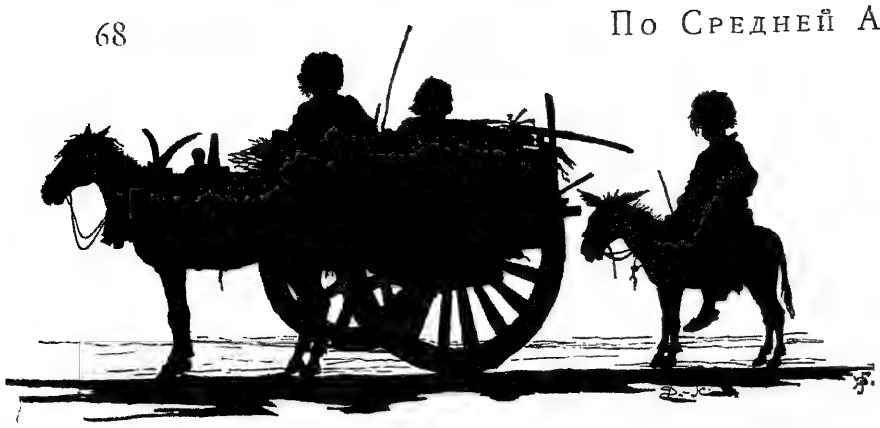


Свѣтильникъ.

двухъ-трехъ затяжекъ. Мунштукъ чилима одинъ для всѣхъ ртовъ, начиная отъ рта слуги-раскуривателя. Въ другой комнатѣ, на коврахъ, на полу, усѣлись трое молодыхъ людей съ музыкальными струнными инструментами. Каждый изъ этихъ инструментовъ съ круглымъ кузовомъ и съ очень длиннымъ грифомъ изящной формы. Началось пѣніе со струннымъ акомпаниментомъ. Пѣвецъ, обладавшій очень пріятнымъ, чрезвычайно сильнымъ и высокимъ теноромъ, пѣлъ что-то грустное съ поразительнымъ чувствомъ и все время съ закрытыми глазами. Когда пѣвецъ замолкъ, и я началъ хвалить голосъ, и въ особенности исполненіе, полное чувства, Диванъ-Беги очень обрадовался, что я «понялъ его пѣвца». Онъ, по словамъ его, «дѣйствительно славится въ Хивѣ, какъ человѣкъ, поющій съ замѣчательнымъ выраженіемъ». «Рекомендую вамъ—это мой секретарь», представилъ мнѣ хозяинъ (рис. стр. 54). Потомъ играли на струнныхъ инструментахъ тріо. Послѣ музыки выступили три хорошенькіе мальчика, лѣтъ по 14, и плясали. Пляска начинается очень плавными движеніями рукъ и торса и медленной походкой съ легкими припрыжками, потомъ переходятъ въ болѣе быстрыя движенія, въ бѣгъ, и наконецъ, въ бѣшеное верченіе. Плясали свои домашніе бачи, очень чисто и просто одѣтые. Наконецъ явился шутъ — уже пожилой мужчина высокаго роста и страшной толщины. Продѣлывалъ онъ всевозможныя кривлянія и, должно быть, говорилъ массу остротъ, судя по неудержимому хохоту всѣхъ хивинцевъ. Затѣмъ онъ очень удачно передавалъ пѣніе и пляски разныхъ народовъ. Чтобы окончательно ознакомиться съ его способностями въ передачѣ характерностей различныхъ народовъ, я попросилъ: не можетъ-ли онъ показать, какъ поютъ русскіе солдаты. И я былъ пораженъ вѣрностью передачи. Употребляя два-три русскихъ слова, онъ пѣлъ, какъ бы говоря всѣ слова пѣсни, и чрезвычайно хорошо передавалъ характеръ солдатскаго пѣнія и мотивъ пѣсни. Также хорошо изобразилъ онъ двухъ ругающихся солдатъ. Это удивительно талантливый актеръ. Вечеръ вышелъ чрезвычайно интересенъ и затянулся до поздней ночи. Спать было очень холодно. Получивъ обѣща-

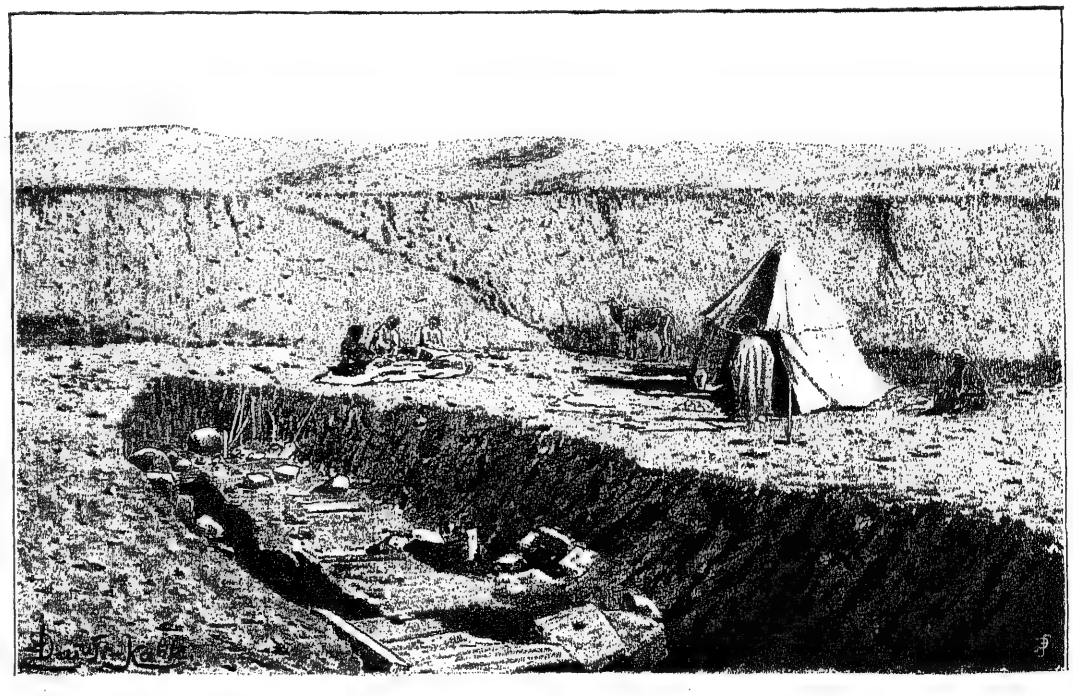


Пригородъ Бухары.

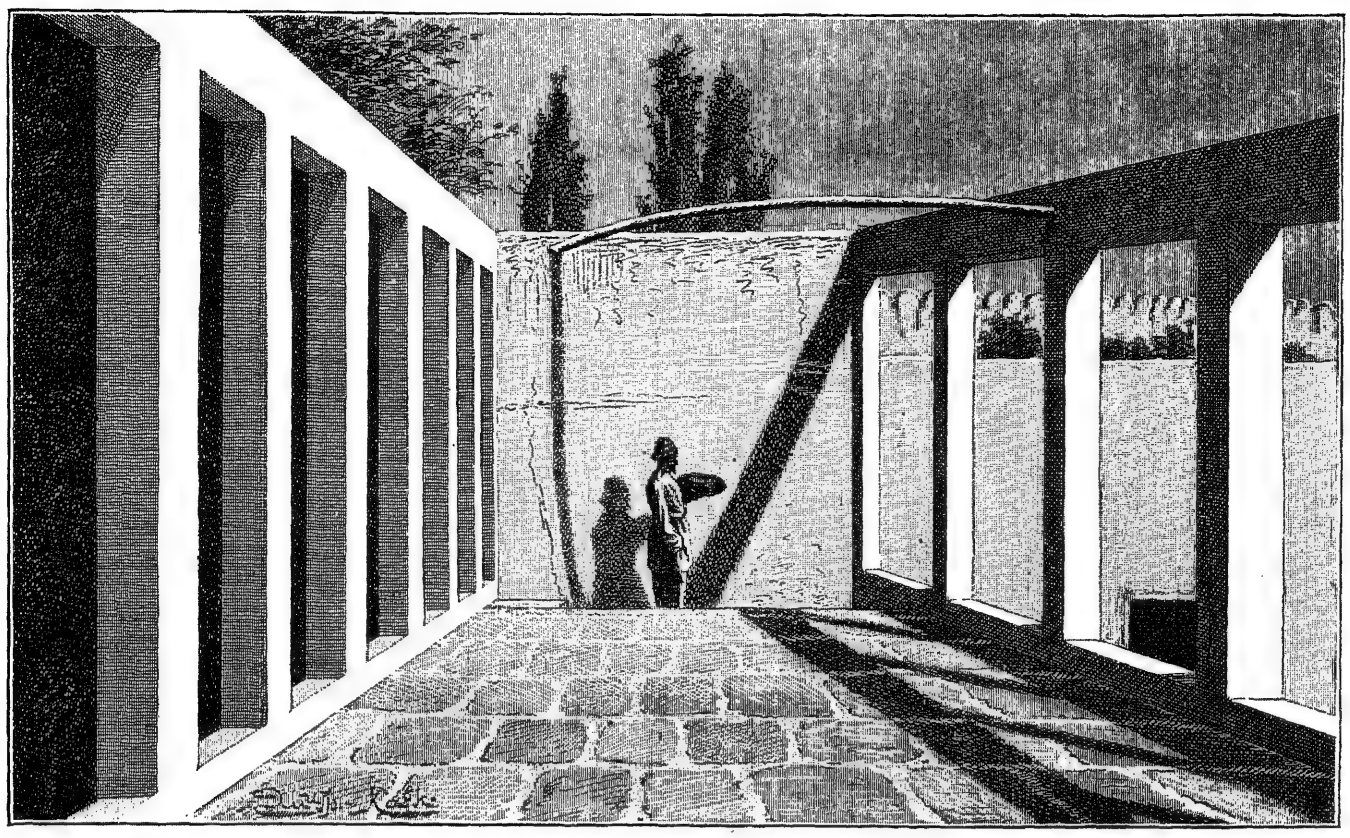


Хивинцы.

ніе отъ Диванъ-Беги, что завтра онъ доложитъ хану о моемъ пріѣздѣ и сообщитъ мнѣ о времени аудіенціи, я долженъ былъ сидѣть дома и ждать. Около 2-хъ часовъ Диванъ-Беги зашелъ ко мнѣ и сообщилъ, что надо ѣхать сейчасъ. Сѣли на лошадей и съ маленькой свитой двинулись въ путь. На улицахъ всѣ встрѣчные съ большимъ почтеніемъ отдавали поклоны Матъ-Мурату Диванъ-Беги. Довольно долго пробираясь по узкимъ улицамъ, мы, наконецъ, достигли дворца. Снаружи онъ совсѣмъ не замѣтенъ и ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ построекъ Хивы, находясь за высокими глухими глинобитными стѣнами. Проѣхавъ первый дворъ, сошли съ лошадей и сейчасъ же очутились въ какомъ-то — ну, просто хлѣвушкѣ, полы котораго были устланы простыми кошмами, т. е. войлокомъ. Въ этомъ низенькомъ глиняномъ помѣщеніи, на этихъ простенькихъ старыхъ кошмахъ сидѣло нѣсколько почтенныхъ фигуръ въ дорогихъ шелковыхъ, большей частью одноцвѣтныхъ, халатахъ и высокихъ, изъ мелкаго чернаго барашка, папахахъ съ бѣлыми суконными верхами. Это все придворные. Нехорошо я почувствовалъ себя между этими важными сановниками въ шелкахъ, будучи самъ одѣтъ въ сильно поношенную, протертую и грязную черкеску изъ верблюжьяго сукна съ простыми роговыми газырями и чернымъ простымъ кинжаломъ. Не думая попасть въ Хиву при такихъ условіяхъ, я не имѣлъ перемѣннаго костюма — и вотъ пришлось явиться въ томъ, въ чемъ пріѣхалъ. Но всѣ они встрѣтили меня съ большимъ интересомъ и любезностью. Сейчасъ же пошелъ въ ходъ чилимъ, и вотъ тутъ-то мнѣ пришлось увидѣть замѣчательные привычки высокаго аристократизма нѣкоторыхъ сановниковъ. Одинъ такой большой сановникъ, когда подносили ему чилимъ, не бралъ его, а только открывалъ свой благородный ротъ, и слуга, потянувъ побольше дыму, пускалъ его въ ротъ аристократа, и тотъ, затянувшись, опять открывалъ свой ротъ для повторенія той же операціи, и такъ до 3 — 4 разъ чрезъ каждыя 10 минутъ. Вотъ это такъ баринъ! А сколько важности въ его лицѣ и фигурѣ—и разсказать нельзя. Ждалъ я въ этой пріемной полчаса. Наконецъ пришелъ какой-то чинъ, что-то сообщилъ Дивану-Беги, и мы, пройдя нѣсколько двориковъ, вошли въ залу, гдѣ возсѣдалъ на коврикѣ, разостланномъ на полу у очага, его высокостепенство Сеидъ-Мохамедъ-

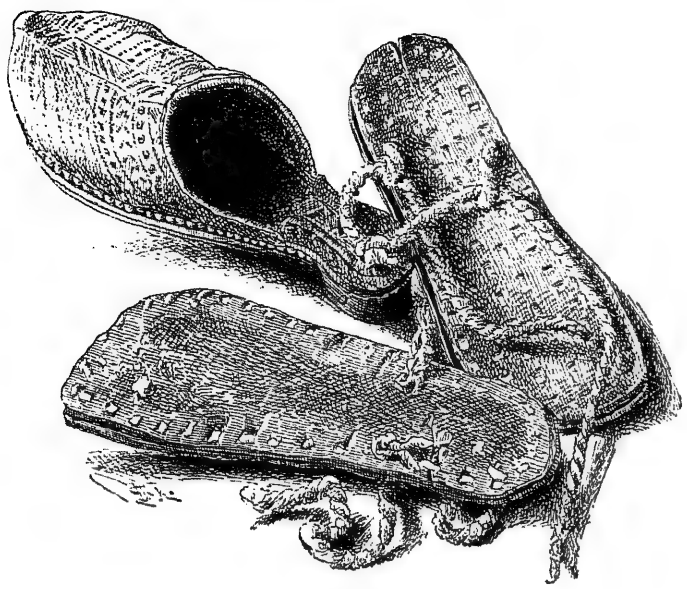


Желѣзная дорога, врѣзающаяся въ пески.



Терраса-балконъ въ Бухарѣ.

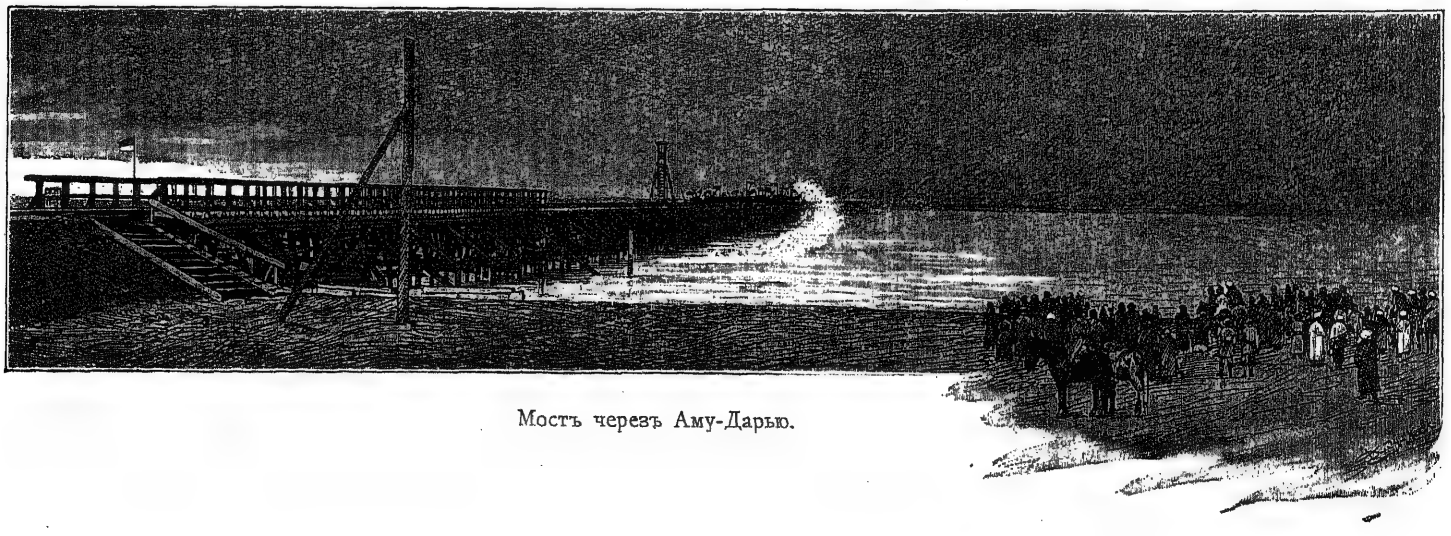
Рахимъ ханъ (рис. стр. 51). Эта зала довольно большихъ размѣровъ — длинная со сводчатымъ потолкомъ; въ концѣ залы большая полутемная ниша, почти вся завалена свитками бумагъ. Стѣны и потолокъ были когда-то хорошо расписаны, съ преобладающимъ синимъ цвѣтомъ; но теперь вся эта живопись въ очень печальномъ видѣ: во многихъ мѣстахъ облупилась и заштукатурена, и эта шкукатурка такъ и остается рѣжущими глазъ бѣлыми пятнами. Обстановки никакой — совершенная пустота. Вошелъ я въ залу съ Диванъ-Беги и съ переводчикомъ, русско-хивинскимъ учителемъ, о которомъ скажу потомъ. Какъ только мы вошли, Диванъ-Беги и переводчикъ, низко поклонившись, сейчасъ же направились въ конецъ залы — противъ хана. Я же по пригласительному движенію руки хана подошелъ къ нему. Онъ подалъ руку, привѣтливо улыбнулся и пригласилъ сѣсть на коверъ около него. Я подалъ ему письмо, по прочтеніи котораго ханъ началъ распрашивать меня, какимъ путемъ я пріѣхалъ изъ Петербурга; очень интересовался закаспійской желѣзной дорогой и очень подробно распрашивалъ о проѣздѣ изъ Хивы до Петербурга, черезъ Закаспійскую область, Кавказъ и сухимъ путемъ до Петербурга. Потомъ высказалъ желаніе проѣхать этимъ путемъ. Онъ любезно разрѣшилъ мнѣ все осмотрѣть въ городѣ и пригласилъ еще разъ побывать у него до моего отъѣзда; подалъ руку и съ улыбкой попрощался. Лицо хана не типично и не красиво, но съ умнымъ и грустно-серьезнымъ выраженіемъ, обрамленное рѣдкой небольшою черной бородой. При разговорѣ лицо немного оживляется и становится даже симпатичнымъ. Около хана, тутъ же на полу, съ одной стороны лежали какіе-то свитки бумаги и чернильница, а съ другой — кавказскій кинжалъ въ ножнахъ, отдѣланныхъ серебромъ съ чернью и золотомъ, кажется подаренный ему генераломъ Кауфманомъ. Съ этимъ кинжаломъ ханъ никогда не разстается, имѣя, однако, его при себѣ, но не на себѣ. Передъ нимъ квадратное углубленіе въ полу, отдѣланное бѣлымъ камнемъ и наполненное горячими угольями. Выходя отъ хана и проходя черезъ большой дворъ, я



Обувь текинцевъ (сандаліи).

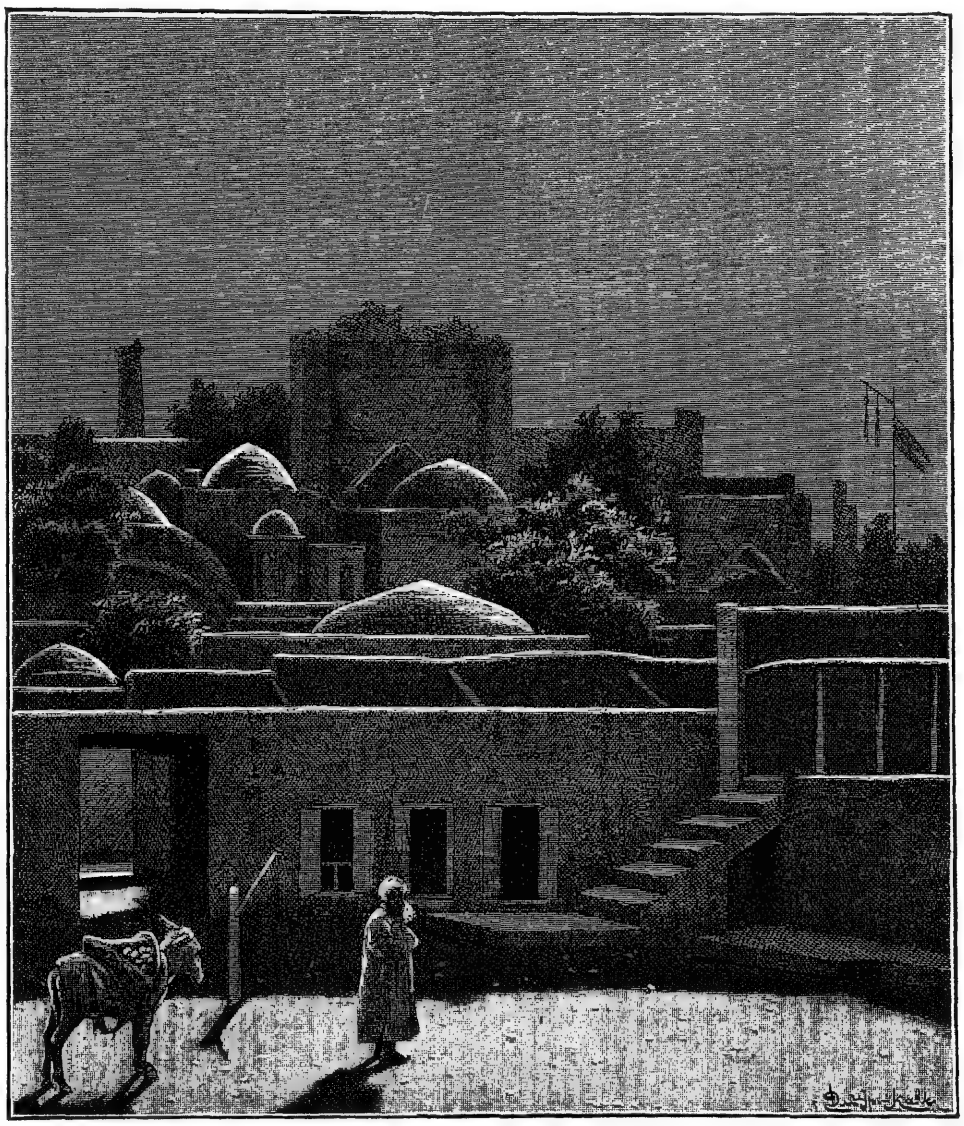
увидѣлъ у одной изъ стѣнъ дворца большую невысокую террасу, сложенную изъ кирпича и оштукатуренную. На ней обыкновенно усаживается ханъ въ извѣстный день каждую недѣлю и принимаетъ всѣхъ просителей и жалобщиковъ, даже изъ простаго народа. Въ этотъ день онъ доступенъ и послѣднему пастуху. У воротъ же двора мнѣ встрѣтилось нѣсколько простыхъ хивинцевъ съ большими мѣдными блюдами, наполненными различными гостинцами. Это, по словамъ Диванъ-Беги, подарки и приношенія хану — кто чѣмъ богатъ. Совсѣмъ крестьяне и помѣщикъ, подумалъ я.

Извѣстный въ Хивѣ, въ особенности между мѣстною знатью, учитель русско-хивинской школы, г. Барановскій, юркій старичекъ, лѣтъ 55-ти, одѣтый по хивински, на другой день послѣ посѣщенія мною хана, рано утромъ зашелъ ко мнѣ. Онъ очень давно живетъ между хивинцами и теперь также хорошо говоритъ по хивински, какъ по русски. Это, кажется, бывшій военный писарь, выкрестъ изъ евреевъ. Онъ — единственный русскій, живущій въ Хивѣ. Г. Барановскій пригласилъ меня осмотрѣть школу. Пройдя съ нимъ нѣсколько улицъ, я слушалъ его объясненія и указанія относительно Хивы, и затѣмъ мы вошли въ довольно бѣдный и какъ бы нежилой дворъ, окруженный глиняными постройками. Отворивъ одну изъ дверей, мы прямо попали въ классную комнату, почти пустую, съ большой географической картой на стѣнѣ и нѣсколькими книжками на полкѣ. Дешевенькій самодѣльный столъ съ чернильницей да пара скамеекъ, дополняли всю обстановку класса. Въ другой комнатѣ помѣщаются ученики съ учителемъ вмѣстѣ. Тутъ ужь буквально никакой обстановки, кромѣ сваленныхъ на полу постелей. На дворѣ я увидѣлъ одиннадцать мальчиковъ (отъ 11 до 15 лѣтъ) и съ ними другаго учителя-мусульманина, сидящихъ рядышкомъ на глинобитномъ возвышеніи около стѣны дома (рис. стр. 53). Когда я подошелъ къ нимъ, они сразу, какъ по командѣ, встали, поклонились и хоромъ сказали привѣтствіе. Я началъ разговаривать съ муллой, учителемъ-мусульманиномъ, и потомъ съ дѣтьми, которыя все стояли въ рядъ. Я попросилъ его передать дѣтямъ, чтобы они держали себя свободнѣе. Тутъ сразу все измѣнилось: дѣти окружили меня, личики ихъ повеселѣли, глазенки съ любопытствомъ смотрѣли на меня. Окруженный дѣтьми, пошелъ опять я въ классъ и сталъ знакомиться съ ихъ познаніями. Всѣ они замѣчательно бойко и сообразительно отвѣчали на мои вопросы. По русски изъ нихъ еще никто не говоритъ, но всѣ они



Мостъ черезъ Аму-Дарью.

хорошо читаютъ, а нѣкоторые и пишутъ по русски и большинство быстро рѣшаетъ ариѳметическія задачи на четыре правила. Вообще ученики произвели на меня весьма отрадное впечатлѣніе. Школа существуетъ только первый годъ, за который получились поразительные успѣхи. Пока это все дѣти — бывшіе бачи, вступившіе въ школу по приказанію хана. Выходя изъ класса, я уже былъ окруженъ вполнѣ веселой, игривой дѣтской группой, изъ которой каждый старался быть ближе ко мнѣ и хотя пальцемъ прикоснуться къ моему платью. Далъ я учителю денегъ на лакомства дѣтворѣ, чѣмъ привелъ ихъ въ неописанный восторгъ. Прямо изъ школы отправился къ хану. Его очень интересовало мое мнѣніе о школѣ, и когда я высказалъ мои лучшія впечатлѣнія и мечты о будущемъ школы, ханъ просіялъ и очень благодарилъ меня. Между прочимъ я также высказалъ желаніе, чтобы ханъ заставилъ нѣсколькихъ своихъ сановниковъ отдать сыновей въ эту школу, чѣмъ, конечно, сильно поднялъ бы престижъ школы и укрѣпилъ бы вѣру въ это благое учрежденіе всѣхъ хивинцевъ. Ханъ сказалъ, что мысли наши совершенно сходятся, и что въ скоромъ времени онъ прикажетъ всѣмъ чинамъ отдавать своихъ дѣтей въ эту школу, которая современемъ получитъ болѣе широкое развитіе. Благое начало сдѣлано. Мое посѣщеніе хана дало большой и радостный праздникъ школѣ. На другой день дѣти были освобождены отъ занятій, кажется на три дня и получили въ подарокъ отъ хана, каждый мальчикъ и оба учителя, по шубѣ.



Съ террассы въ Бухарѣ.

Въ этотъ вечеръ пригласилъ меня къ себѣ сынъ Дивана-Беги на чай въ свою кибитку. Взойдя въ нее, я засталъ общество изъ пяти человѣкъ гостей. Кибитка вся обтянута и устлана коврами, и на столѣ шипитъ русскій самоваръ, окруженный банками варенья и русской посудой. Гости все молодежь, какъ и самъ хозяинъ, которому не болѣе 20 — 22-хъ лѣтъ. Пошли распросы и веселые игривые разсказы. Тутъ же былъ и секретарь-пѣвецъ, удивившій меня вопросомъ о пѣвицѣ Зориной, отъ которой онъ былъ въ восторгѣ. Оказывается, что онъ былъ во время коронаціи Государя Императора въ

Москвѣ вмѣстѣ съ ханомъ и слушалъ Зорину. Въ Москвѣ или въ другомъ какомъ-то городѣ, но только въ пріѣздъ свой въ Россію, во время коронаціи, познакомился онъ съ ней и уѣхалъ совершенно очарованнымъ. Вечеръ прошелъ очень весело и мирно. Я распрощался съ ханомъ, можетъ быть, навсегда, собираясь на другой день уѣхать. А мой привѣтливый хозяинъ долженъ былъ рано утромъ отправиться въ другой городъ на свадьбу, куда приглашалъ и меня, но я не могъ воспользоваться этимъ интереснымъ для меня приглашеніемъ.

Персы-рабочіе.

Странно бросается въ глаза въ Хивѣ кибитка — это складное, чисто кочевое жилье степей. Въ Хивѣ почти въ каждомъ дворѣ рядомъ съ глинобитной постройкой стоитъ кибитка; но въ особенности рѣзко выдѣляется кибитка богатаго дома. Въ прекрасно вымощенномъ каменными плитами дворѣ, на кругломъ небольшомъ возвышеніи изъ того же камня почетно стоитъ войлочная кибитка, окруженная богатыми постройками съ чудными, граціозными деревянными, съ самой затѣйливой изящной рѣзьбой, колоннами (рис. стр. 47). Кибитка эта стоитъ какъ памятникъ далекой кочевой жизни туркмена, и съ этимъ памятникомъ не разстается ни богатый, ни бѣдный хивинецъ, живущій уже давно городской жизнью въ прочной глиняной постройкѣ со всѣми службами и обстановкой осѣдлаго городскаго жителя.

Утромъ я пошелъ на базаръ. Въ улицахъ зачастую поражали меня своей красотой башни и мечети изъ стариннаго расписнаго изразца съ преобладающими темнозеленымъ и синимъ цвѣтами. У какой-нибудь громадной башни-мечети, отразившей на себѣ отдаленныя времена нераставрированными, разрушающимися частями, пріютились современныя постройки убогаго вида, съ какими нибудь грошевыми лавочками, и эти контрасты стараго величаваго и красиваго съ новымъ грязнымъ и ничтожнымъ часто поражаютъ непріятно зрителя (рис. стр. 62). Базары въ Хивѣ ничего особеннаго не представляютъ и довольно ничтожны для столицы Хивы.

7-го декабря, послѣ обѣда, распростившись съ добрымъ и радушнымъ хозяиномъ, выѣхалъ я изъ Хивы къ своей стоянкѣ на Дарьѣ. День былъ ясный, но сильно морозный. Киргизъ мой предложилъ мнѣ раздѣлить горе пополамъ и на обратный путь сѣлъ на мою лошадь, а я на его. Такъ что теперь я ѣду впередъ, а онъ отстаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно повыступила почвенная соль и производитъ впечатлѣніе снѣга. При приближеніи къ одному кургану, на которомъ стоялъ всадникъ-туркменъ, окруженный на большое пространство степью, покрытой солью, такъ что фигура всадника рѣзко выдѣлялась темнымъ пятномъ, получалось полное впечатлѣніе снѣжной зимы, да еще при крѣпкомъ морозѣ (рис. стр. 52). Къ вечеру пріѣхали въ аулъ Гожа, гдѣ рѣшили переночевать. Ноги ужь очень сильно прозябли. Принялъ насъ на ночевку одинъ бѣдный житель, радушно

Дикій кабанъ.

предложившій свою общую кунацкую въ наше распоряженіе. Я проголодался и прозябъ и попросилъ у хозяина поѣсть чего-нибудь горячаго и чаю; но у этого бѣдняка ничего въ домѣ не оказалось, кромѣ молока. Но за то его веселая услужливость сдѣлала все. Онъ сейчасъ же побѣжалъ съ врученными ему деньгами и купилъ мяса, яицъ и сахару; чай у меня былъ. Началась стряпня тутъ же на полу, у очага съ весело трещащимъ костромъ. Черезъ какихъ нибудь полчаса мы испытывали наслажденіе, согрѣвшись и утоливъ голодъ. Хозяинъ мой видимо лакомился рѣдкой для него вкусной и питательной пищей. Послѣ нашего импровизированнаго ужина, запитаго чаемъ, начали одинъ за другимъ собираться сосѣди посмотрѣть на пріѣзжихъ, узнать новости и поболтать вечерокъ. Собралось человѣкъ шесть, и каждый, засыпая по очереди свой табакъ въ чилимъ и мирно болтая, смаковалъ предложенный мною чай съ сахаромъ. Простые хивинцы почти всегда пьютъ чай, вскипяченный въ кумганѣ, безъ сахару, конечно, изъ экономіи. Сахаръ же они очень любятъ. Часамъ къ 10-ти гости всѣ разошлись, и мы начали устраиваться на полу для спанья съ хозяиномъ и его старикомъ-отцомъ. Только что хотѣли тушить свѣтильникъ, какъ вдругъ въ сосѣднемъ помѣщеніи женщинъ, за стѣной, раздался неистовый, бѣшеный крикъ, будто тамъ кого рѣзали. Я и киргизъ мой вскочили на ноги; но видимъ, что хозяинъ нашъ остается совершенно покойнымъ, только его доброе лицо сдѣлалось очень грустнымъ. Спрашиваемъ, что это значитъ, а крики межъ тѣмъ все продолжаются. «Жена моя это кричитъ», говоритъ несчастный, «шайтанъ, т. е. чертъ, сидитъ въ ней. Испорченная; она теперь всю ночь будетъ мучиться и кричать и вамъ покоя не дастъ». Киргизъ мой молча съ чрезвычайно серьезнымъ лицомъ началъ раскручивать свою маленькую красную чалму; потомъ снялъ тюбитейку, на которой былъ пришитъ металлическій цилиндрикъ съ какимъ то талисманомъ внутри. Онъ прочелъ молитву, поцѣловалъ талисманъ и, вручая его хозяину, сказалъ, чтобы тотъ пошелъ къ женѣ и наложилъ бы на нее три раза этотъ талисманъ. «Перестанетъ кричать сейчасъ же, и мы всѣ будемъ спокойно спать», заключилъ киргизъ. И, дѣйствительно, минутъ черезъ десять возвратился хозяинъ, неся обѣими руками тюбитейку, какъ великую реликвію, и, разсыпаясь въ благодарностяхъ, сказалъ, что «чудо сотвори-

Вагоны жилаго поѣзда.

лось: жена утихла, чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, и даже лицо у нея стало веселое, и теперь она молится — благодаритъ Аллаха и желаетъ счастья гостю, спасшему ее». «Да, отъ многихъ бѣдъ и болѣзней избавилъ меня этотъ талисманъ, съ которымъ я никогда не разстаюсь», важно вымолвилъ киргизъ, «и куда бы я ни поѣхалъ — покоенъ и за себя, и за жену, которая дома». Киргизъ поцѣловалъ трижды свою святыню, надѣлъ тюбитейку на голову и улегся. Загасили свѣтильникъ и всѣ улеглись спать. Дѣйствительно, всю ночь никакого крика не было; но тѣмъ не менѣе, я не могу сказать, чтобы я эту ночь провелъ спокойно, терзаемый несносными насѣкомыми... Въ 5 часовъ утра всѣ поднялись, хорошо подкрѣпленные сномъ. А я радовался, что прошла мучительная ночь и я уйду отъ этихъ мучившихъ меня тварей... Ночью было холодно. Скорѣе развели мы костеръ, сварили яицъ, заварили чай. Хозяинъ поразилъ насъ своимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ. Насилу уломалъ я его взять рубль за всѣ его хлопоты. Провожалъ онъ насъ, какъ родныхъ.

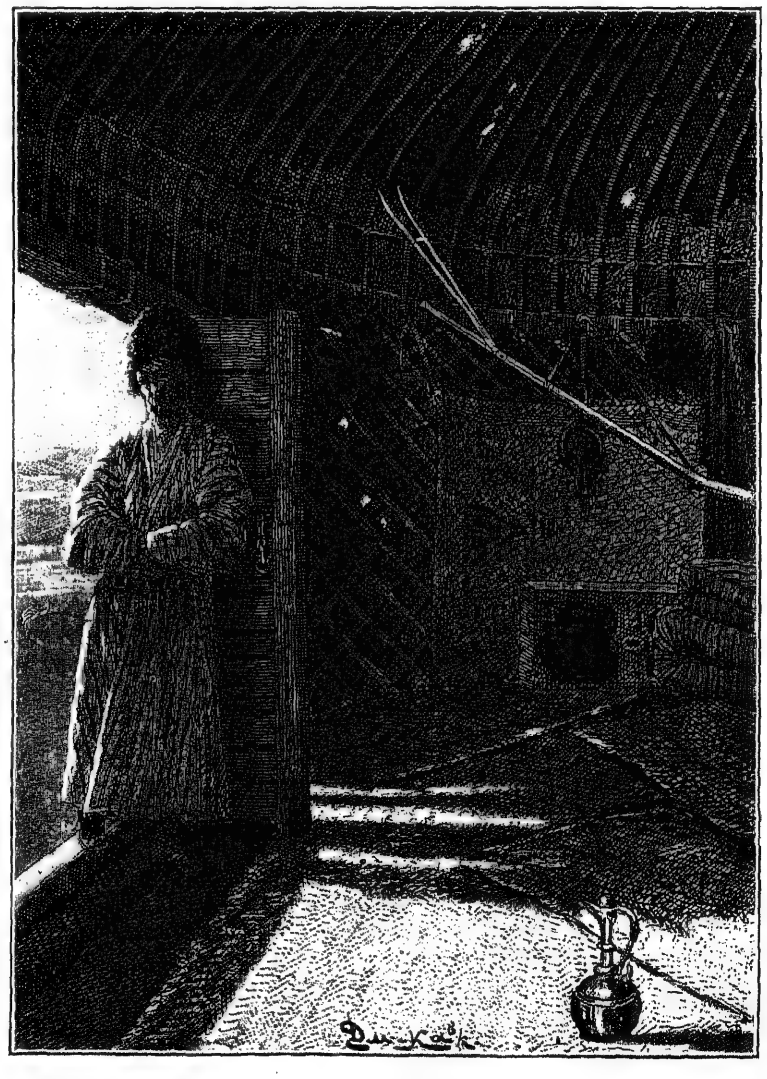
Проѣзжая черезъ городъ Ханки, я заѣхалъ на минутку къ беку, котораго засталъ въ сборахъ на соколиную охоту. Одинъ изъ друзей бека былъ уже совершенно одѣтъ въ охотничій костюмъ и стоялъ съ ружьемъ. Костюмъ его отличался отъ обыкновеннаго тѣмъ, что халаты были впущены въ широчайшія шаровары изъ желтой замши, расшитой крупными узорами разноцвѣтнымъ шелкомъ; за поясомъ былъ большой ножъ и на боку нѣсколько меньшихъ ножей съ ремнями (рис. стр. 55). Я поспѣшилъ уѣхать отъ бека, торопясь къ Аму-Дарьѣ, по слухамъ, покрытой густымъ идущимъ льдомъ. Подъѣхавши къ ближайшему перевозу, я былъ поставленъ въ весьма непріятное положеніе: льду на Дарьѣ оказалось такъ много, что образовался сплошный заторъ, и перевозъ, конечно, прекратился. Пришлось ѣхать вверхъ по Дарьѣ и искать переѣзда. Верстъ черезъ 20 удалось кое-какъ переплыть Дарью во льдахъ.

Хивинецъ.

КАРАВАННЫЙ ПУТЬ ПО ПУСТЫНѢ.

зъ Чарджуя по прежнему вѣстей никакихъ. Переговоривши съ г. Разгоновымъ, рѣшили: подождать дней пять, и если все будетъ по прежнему, то онъ отправляетъ команду, съ которой двинусь и я на верблюдахъ. Погода теперь стоитъ ясная, морозная, тихая, но свѣдущіе люди боятся, какъ бы насъ въ пустынѣ не застигли буруны (сильные вѣтры), которые часто бываютъ въ это время года. Опять потянулись тоскливые дни, опять мерзну въ своей кибиткѣ по ночамъ.

Наконецъ-то насталъ день отъѣзда. Нанялъ шесть верблюдовъ съ вожакомъ (по 6 р. сер. за верблюда на разстояніе 400 в.); сдалъ казенныя вещи, получилъ бумагу къ властямъ хивинскихъ и бухарскихъ владѣній, чтобы оказывали, если понадобится, помощь, и сегодня въ воскресенье, 13 декабря, въ 2 часа дня, начали вьючить верблюдовъ. Всѣ радуемся. Пріѣхалъ г. Разгоновъ съ супругой попрощаться и проводить въ далекій путь. Въ три часа все было готово, и мы тронулись къ переправѣ, такъ какъ дорога шла по другую сторону Дарьи. Солдаты всѣ новички относительно ѣзды на верблюдахъ и относятся къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ. Рѣшили, что половина людей будетъ двигаться пѣшкомъ, а другая половина на верблюдахъ; когда же устанутъ одни идти, а другіе ѣхать, то послѣдуетъ смѣна. Навьючены верблюды довольно сильно имуществомъ солдатъ и провизіей на семь сутокъ. Четыреста верстъ полагаемъ пройти въ 7 — 8 сутокъ. Мнѣ попался самый высокій верблюдъ, на которомъ съ одной стороны вьюкъ, а съ другой люлька для сидѣнья. Вьюкъ и люлька со мной одинаковаго вѣса. До перевоза, версты четыре, солдатики всѣ шли пѣшкомъ—не захотѣли садиться на верблюдовъ. Проводникъ киргизъ, мальчуганъ лѣтъ 16-ти, не имѣетъ для себя ни ослика, ни верблюда и долженъ идти впереди каравана 400 верстъ пѣшкомъ. Къ перевозу прибыли въ половинѣ 6-го, и каюкчи отказались перевозить насъ за поздниимъ временемъ, говоря, что Дарья здѣсь «яманъ» и что они совсѣмъ не



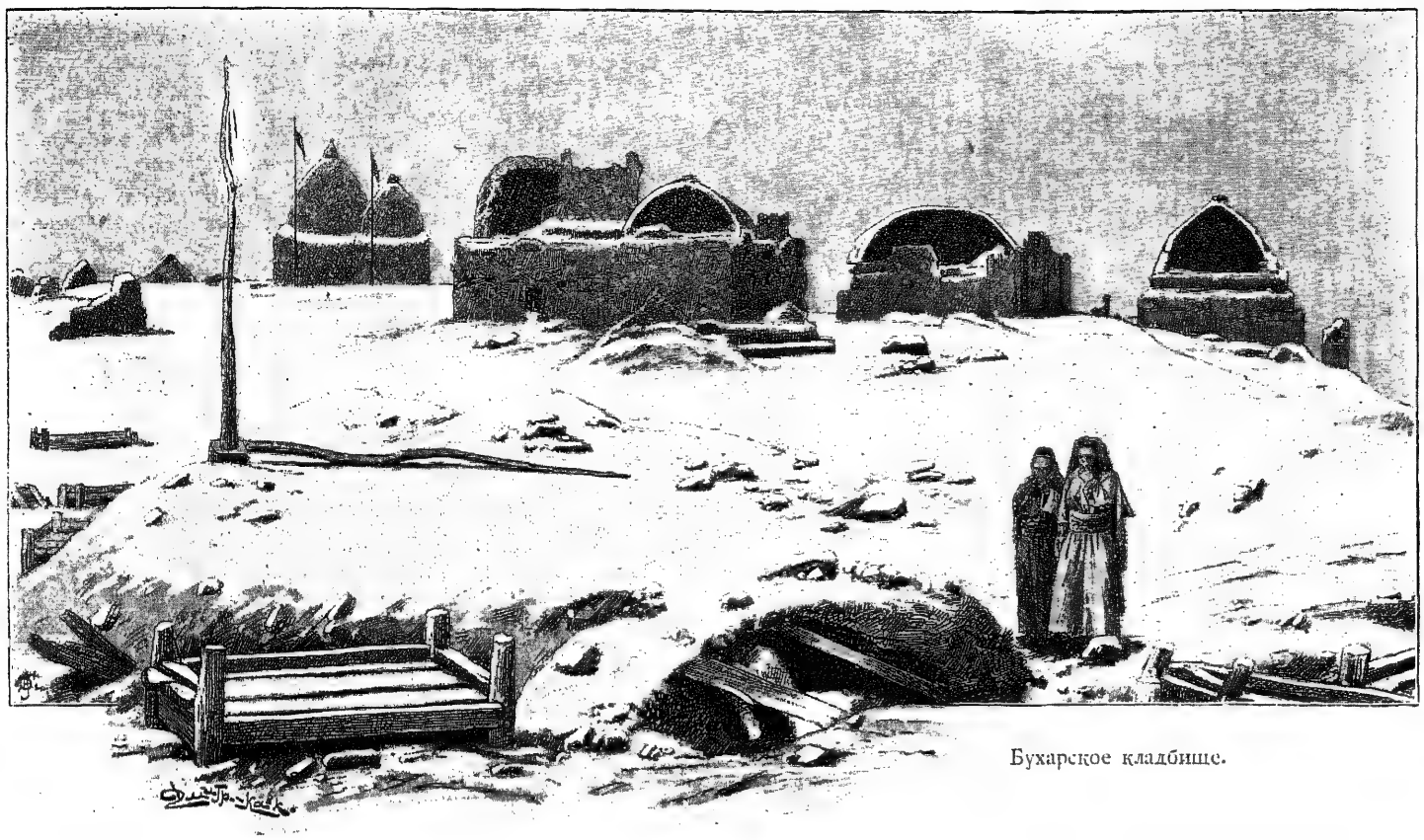
Внутренность кибитки.

Джугара.

желаютъ рисковать. Заночевали у перевоза. Тоскливо кругомъ, пустынно. Утромъ въ 6 часовъ повьючили верблюдовъ и начали вводить ихъ въ каюкъ. Идутъ плохо, боятся воды; одинъ завалился между каюкомъ и берегомъ, оретъ во всю глотку и не двигаетъ ни одной ногой; лежитъ совершенно безпомощный, точно дохлый, вытянемъ одну ногу арканомъ, принимаемся за другую, а вытянутая снова въ водѣ. Кое-какъ съ большими усиліями и потерей времени, почти на рукахъ, втащили упрямаго на каюкъ. Вообще ужасное мученье было всѣхъ ихъ установить на каюкъ. Оказывается, что эти верблюды первый разъ идутъ въ эту сторону и первый разъ переправляются черезъ рѣку. Но еще того лучше: оказалось, что проводникъ нашъ тоже первый разъ идетъ въ эту сторону (онъ все ходилъ со своими верблюдами на Казалинскъ) и о дорогѣ на Чарджуй понятія не имѣетъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что и изъ насъ никто не знаетъ дороги, никто не говоритъ на мѣстномъ языкѣ, а проводникъ — по русски. Когда мы все это узнали, плывя по Дарьѣ, и намъ не весело стало. Переплыли на другую сторону; съ трудомъ повытащили нашихъ «кораблей пустыни» на берегъ. Кругомъ — безконечная пустыня и еле замѣтная тропа-дорога. Съ помощью нѣсколькихъ туземныхъ словъ разспросилъ у каюкчи куда ѣхать; усѣлись на лежачихъ верблюдовъ; сильно качнулись впередъ, назадъ — это верблюды поднялись по крикливому понуканію киргиза; одинъ солдатикъ слетѣлъ. Съ хохотомъ и солдатскими остротами, мы закачались и двинулись въ безконечное пространство песковъ. Часамъ къ 3-мъ доѣхали до г. Хозарастъ. Пришлось проѣзжать черезъ городъ. Проѣзжая крытымъ базаромъ, мы еле пробрались, постоянно цѣпляясь и стукаясь о стѣны вьюками и упираясь въ крыши, рискуя разбить себѣ голову. За городомъ долго еще тянулись кишлаки хивинцевъ и, часто попадались кладбища съ оригинальными часовнями. Кончились жилыя мѣста и потянулась опять мертвая степь, песчаная съ мелкими камешками и рѣдкими пучками колючекъ. Стало темнѣть, когда мы доѣхали до г. Питнякъ, у котораго мы, около колодца и остановились на ночевку. Съ трудомъ добыли дровъ, чтобы разложить костеръ и

Сеидъ-Мохамедъ-Рахимъ-Ханъ.

Ханъ Хивинскій.



Бухарское кладбище.

приготовить ужинъ. Но верблюдамъ нечего ѣсть, и я послалъ киргиза въ городъ купить люцерны. Запылалъ костеръ. Въ ожиданіи ужина всѣ мы, кромѣ повара, предались полному отдыху, сильно таки измаявшись за день отъ ѣзды, ходьбы да и отъ голода: вѣдь цѣлый день мы не ѣли ничего, спѣша добраться до Питняка. А раньше не нашлось мѣста съ водой, удобнаго для привала. Вожатый уложилъ верблюдовъ въ кружокъ головами во внутрь его и самъ свернулся калачикомъ подъ шею одного изъ верблюдовъ. Мы всѣ въ шубахъ тоже кое-какъ расположились спать. Одинъ солдатъ на часахъ; черезъ два часа смѣна. Ночь морозная, но звѣздная, тихая. Славно засыпать, глядя на чудное, темное небо, усыпанное яркими звѣздами. Тишина полная.

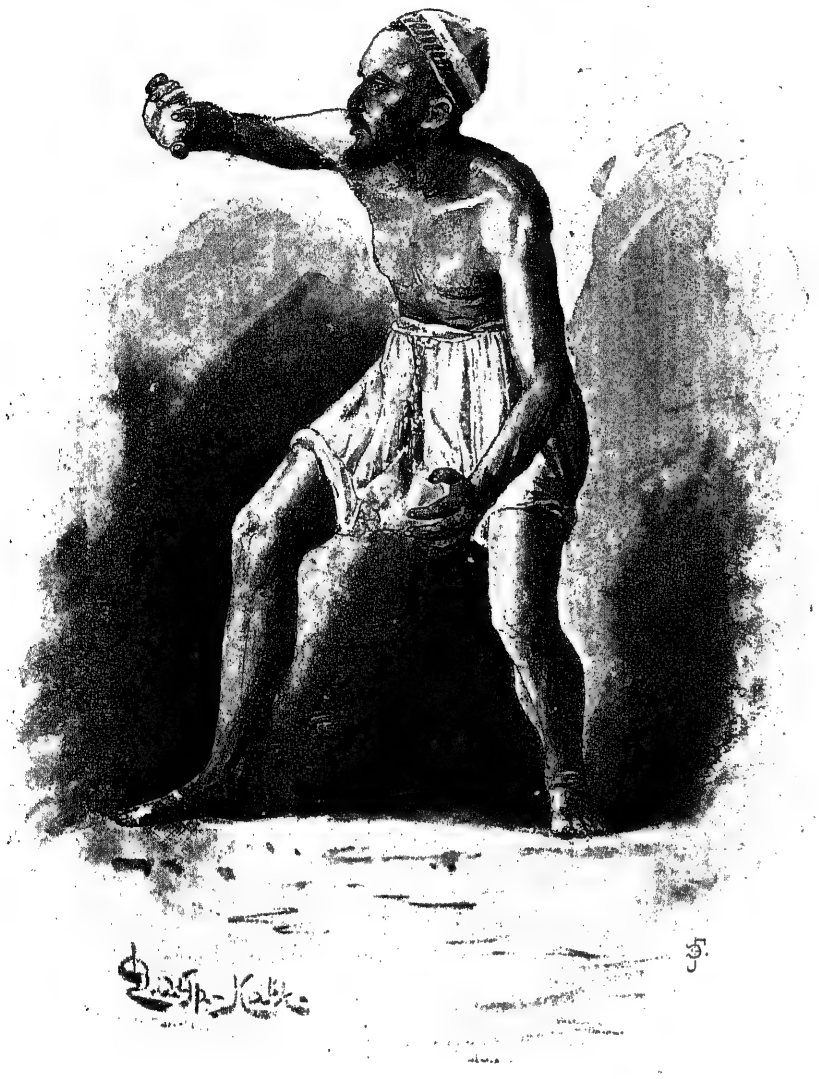
Поднялись утромъ въ 5 часовъ. Продрогли. Скорѣе разложили костеръ, напились чаю, навьючили верблюдовъ и въ 7 часовъ снова двинулись. Проѣхали Питнякъ, — влѣво мелькнула Дарья — и поплелись по пескамъ. Попадаются удивительно безотрадныя мѣста пустыни: то тянется степь, покрытая мелкими камнями, то степь, покрытая солью, а то вдругъ громадныя дикія углубленія — балки съ совершенно ровнымъ дномъ, покрытымъ засохшимъ и растрескавшимся иломъ, почти бѣлаго цвѣта. Совершенно ясно, что это бывшія озера. Изрѣдка попадаются небольшія пространства, покрытыя маленькими кустиками саксаула. Страшно утомительно тянется пустынная дорога, не давая возможности остановиться на отдыхъ и подкрѣпиться пищей намъ и верблюдамъ — воды нигдѣ нѣтъ. И вотъ опять до 5-ти часовъ тащились голодные, и мы, и верблюды. Наконецъ-то блеснула Дарья. Свернули къ берегу, покрытому мелкимъ камышемъ — пищей для верблюдовъ. На пути встрѣтили двухъ дикихъ козъ и нѣсколькихъ фазановъ. Конечно, мы не стрѣляли, потому что, усталымъ, намъ было не до охоты. Я въ этотъ день четыре часа шелъ пѣшкомъ. Въ этой, якобы для удобства устроенной люлькѣ, страшно устаешь; она сильно качается

Хивинская женская обувь.

взадъ и впередъ, да еще и подбрасывается въ сторону. Каждый разъ, когда я схожу съ верблюда, на мое мѣсто долженъ сѣсть одинъ изъ солдатъ для равновѣсія съ вьюкомъ, иначе вьюкъ перетянетъ пустую люльку. Одинъ и тотъ же солдатъ не соглашался постоянно замѣнять меня, а чередовался съ другимъ, говоря, что безъ люльки ѣхать куда легче и удобнѣе. Верблюды сильно поустали; тащатся чрезвычайно медленно, такъ что когда идешь, то обыкновенно уходишь далеко впередъ и потомъ поджидаешь ихъ и иногда довольно долго. Ночевка на берегу Дарьи. Продолжаемъ путь все по пескамъ. Въ 12 часовъ завидѣли Дарью и сдѣлали привалъ съ обѣдомъ, а въ 2 часа потянулись дальше. Я хотѣлъ пройти часовъ до 10 вечера и привалить на ночевку, но вышло не такъ. Мы шли до 3-хъ часовъ ночи, выбившись совершенно изъ силъ, не находя ни воды, ни дровъ, ни какой бы то ни было пищи для верблюдовъ. Насилу отыскали Дарью, да и то такое мѣсто пустынное, что кое-какъ съ большими усиліями могли собрать какой-то растительный мусоръ, чтобы вскипятить воду для чая, а пищу сварить не могли. Весь день былъ пасмурный и дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Всѣ люди сильно разбиты, верблюды истощены, такъ что чуть не падаютъ. Вожакъ совсѣмъ безъ ногъ, хотя сегодня онъ много ѣхалъ вмѣсто меня. Я почти весь день шелъ. Улеглись спать только къ 5-ти часамъ утра. Проснулись мы въ 7 часовъ, всѣ покрытые инеемъ. Дарья дышала на насъ и морозъ дѣлалъ свое дѣло. Промерзли, дрожимъ, а костра развести не изъ чего и чая сварить не на чемъ. Погода стихла. Дарья сильно испаряется; густой туманъ, и мы постоянно покрыты слоемъ инея. Дорога все тянется по берегу, постоянно подымаясь въ гору. Въ 11 часовъ быстро разсѣялся туманъ, и глазамъ представилась чудная картина — видъ на Аму-Дарью. Съ громадной высоты въ безконечную даль уходитъ масса лѣсистыхъ тугаевъ, острововъ и отмелей. Погода совершенно прояснилась. Тихо. Дорога пошла внизъ къ рѣкѣ. Впереди виднѣется тугай и вотъ къ двумъ часамъ уже показался небольшой аулъ. Мы могли наконецъ подкрѣпиться и сами, и верблюдовъ накормить. Ахъ, эти верблюды, верблюды! Сколько я читалъ и и слышалъ разсказовъ про африканскихъ верблюдовъ-скороходовъ съ громаднымъ внутреннимъ запасомъ пищи и воды. А эти болѣе 40 верстъ въ день не дѣлаютъ и, если день не поѣдятъ и не попьютъ, валятся совсѣмъ съ ногъ. Страшно становится за нихъ, а не за себя, когда долго нѣтъ воды и пищи. Поотдохнувъ, мы въ 4 часа двинулись дальше. По пути намъ встрѣтился еще небольшой полукочевой аулъ, гдѣ мы захватили на всякій случай дровъ, за которыя я выдалъ теньгу. Хивиницъ такъ обрадовался, что преподнесъ мнѣ цѣлую кучу вяленой дыни. Ломтики очень сладкой дыни, вяленые на

Борецъ.

солнцѣ и скрученные въ жгуты, сохраняются нѣсколько лѣтъ и очень вкусны. Приподнесъ онъ мнѣ еще большой чурекъ — и получилъ еще теньгу. Нынѣшняя ночевка очень удачна. Въ 9 часовъ вечера опять очутились мы у аула. Прекрасный ужинъ съ курицей, чай и всю ночь костеръ. Сильный морозъ. Опять встали покрытые инеемъ. Подулъ холодный вѣтеръ. Тѣ же пески съ мелкимъ саксауломъ. Опять попалось громадное высохшее озеро, дно котораго такое ровное, какъ поверхность воды въ тихую погоду. Дорога потянулась по этому дну. Сѣверный вѣтеръ. Начали вздыматься пески, мгла непроглядная. Наткнулись на лѣсистый тугай; съ трудомъ пробрались по зарослямъ и колючкамъ къ Дарьѣ и въ 2 часа могли пообѣдать. Въ этотъ день, во время ходьбы, у меня сдѣлалось растяженіе жилы въ ступнѣ, страшная боль, нельзя ходить. Придется засѣсть безъ отдыха на верблюда. Потянулись большими высокими грядами тѣ же сыпучіе пески, изрѣдка покрытые саксауломъ. Дорога идетъ, то сильно углубляясь между песчаными грядами, то перерѣзая ихъ, дѣлаетъ иногда большіе подъемы и довольно крутые спуски. Потомъ все подъ гору пошла — ясно, что мы спускаемся съ большой высоты. И вотъ показалась Дарья и влѣво громадный утесъ надъ водой. Привалъ въ 9 час. вечера, страшно темно отъ песчанаго тумана. Хотя теперь и настали лунныя ночи, но, однако, въ эту ночь ничего не видно. Погода стихла и стало тепло. Спать будетъ хорошо.



Борецъ.

Главный и любимый верблюдъ нашихъ солдатиковъ вдругъ заболѣлъ, началъ спотыкаться и даже падать. Остановка. Разъвьючили, сняли сѣдло, осмотрѣли, все въ исправности. Долго не могли догадаться, что съ нимъ сдѣлалось. Оказалось — онъ ослѣпъ. Помѣстили его въ средину каравана и кое-какъ тащимся. По временамъ съ несчастнымъ верблюдомъ дѣлаются какіе-то припадки: вдругъ со страшной силой бросается онъ въ сторону и начинаетъ вертѣться. Просто мученье было смотрѣть на бѣдное животное. Въ одномъ мѣстѣ, переходя довольно высокій мостъ черезъ арыкъ, онъ свалился съ моста, и это потребовало большихъ усилій и времени, чтобы вытащить его, — почти на рукахъ. Вообще теперь этотъ несчастный верблюдъ сильно стѣсняетъ передвиженіе. А когда приблизились къ Дарьѣ, то невозможно было подойти по зарослямъ къ водѣ и пришлось за версту остановиться. Киргизъ-вожакъ совсѣмъ въ отчаяніи: плачетъ, молится и ворожитъ. Все ходитъ кругомъ верблюда и что-то шепчетъ. Прійдется завтра оставить его въ г. Кабаклы, а то и люди-то всѣ поизмучились, поддерживая и ведя несчастнаго. Сегодня весь день дорога тянется по безпредѣльнымъ

Туркменскій аулъ.

сыпучимъ пескамъ съ маленькими оазисами саксаула. Тепло какъ лѣтомъ. Въ 10 часовъ вечера привалили на ночевку у колодца, недалеко отъ Кабаклы. Дивная лунная ночь! Стали у тугая — дровъ много. Можно всю ночь поддерживать костеръ, тѣмъ болѣе, что стало очень свѣжо; пожалуй, къ утру будетъ морозецъ.

Дотащились до Кабаклы. Это очень кстати, потому что вышла вся провизія. Явился я къ беку, который любезно предложилъ мнѣ дать нужное количество мяса и хлѣба; но такъ какъ готоваго хлѣба, сколько нужно намъ нѣтъ, то приходится подождать, пока испекутъ (чуреки пекутся быстро). Когда я спросилъ у бека, сильные-ли морозы были у нихъ, то онъ удивился моему вопросу и сказалъ, что у нихъ не было ни одного мороза. Тутъ, въ свою очередь, удивился я. На разстояніи полутора географическихъ градусовъ и такая разница. Въ Хивѣ я мерзъ (было 18^0 мороза), а здѣсь тепло всю зиму. Просилъ бека оставить у себя больнаго верблюда, и пошелъ сказать вожаку, чтобы онъ отвелъ его на особый дворъ, а тотъ бѣжитъ ко мнѣ радостный и говоритъ, что верблюдъ здоровъ. И дѣйствительно, слѣпота совершенно прошла, и животное съ большимъ аппетитомъ ѣстъ. Къ двумъ часамъ весь запасъ провизіи былъ готовъ. Вьючимся — и дальше. Бекъ прислалъ мнѣ на дорогу большое блюдо прекраснаго пилава съ курицей.

Къ 7-ми часамъ подошли къ Дарьѣ, на мѣсто безъ всякой растительности кромѣ изрѣдка попадающихся пучковъ колючекъ на сыпучихъ пескахъ, такъ что верблюдамъ было корма немного; мы же лишены костра, а значитъ, и горячей пищи. Спать полегли на пескѣ; поднявшійся ночью вѣтеръ сильно засыпаетъ насъ пескомъ.

Ночь прошла благополучно. Съ 5-ти же часовъ утра поднялся сильный, холодный вѣтеръ, и пескомъ залѣпляетъ глаза. Перешли полосу сыпучихъ барахановъ, которые идутъ довольно высокими грядами; дорогу совсѣмъ занесло и ничего не видно, такъ что до пяти часовъ подвигались впередъ совершенно безсознательно. Стали въ очень скверномъ мѣстѣ — дровъ нѣтъ. Солдаты пріѣдаютъ чуреки; не знаю, что будетъ завтра.

Дивный день; по понятіямъ сѣверянъ, совсѣмъ лѣтній. Теперь идемъ по совершенно культурной полосѣ. Все аулы сартовъ. Но ѣхать очень скверно: отвратительная дорога съ сотнями дырявыхъ, узкихъ мостовъ черезъ арыки. Опять верблюдъ очутился подъ мостомъ; но только не свалился, а провалился, разрушивъ почти весь мостъ. И опять каторжная работа, пока вытащили эту упрямую неподвижную тварь. Въ одномъ изъ ауловъ — базаръ, я обрадовался, что можно будетъ купить чурековъ; но на всемъ ба-

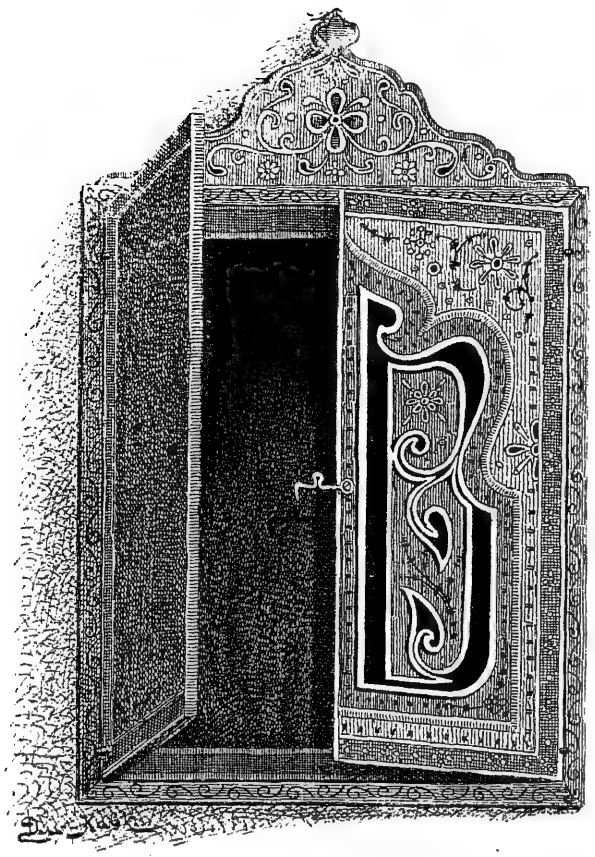
зарѣ нашлось только ихъ четыре. Остановились на ночевку около какой-то сакли вродѣ постоялаго двора. Но ни дровъ, ни хлѣба достать невозможно. Толковалъ, толковалъ съ сартами, — не хотятъ давать дровъ. Не вытерпѣлъ, встряхнулъ главнаго запѣвалу, послѣ чего было принесено бревно, за которое заплатилъ ему 5 коп. Теперь верблюдамъ корма нѣтъ... Осталось немного до Чарджуя; завтра, Богъ дастъ, дотянемся.

Въ 2 часа ночи поднялись; наскоро навьючили верблюдовъ и двинулись. Почти непрерывно тянутся аулы. Солдаты съ страшнымъ нетерпѣніемъ ждутъ, когда покажется Чарджуй. Радуются какъ дѣти, что кончается нашъ длинный утомительный путь.

Въ 2 часа дня 23 декабря, мы прибыли въ Чарджуй съ такимъ чувствомъ, какъ будто это былъ родной городъ. Да вѣдь, и дѣйствительно, онъ намъ родной. Онъ возродился при насъ. Какъ измѣнился Чарджуй за три мѣсяца моего отсутствія, — просто узнать нельзя. Прежде всего мостъ черезъ Аму-Дарью почти готовъ, такъ что можно уже переходить на тотъ берегъ. Много домовъ новыхъ, гостиный дворъ съ базаромъ; школа для мальчиковъ и дѣвочекъ; баня, кондитерская, гдѣ можно пить кофе и т. п.

За Аму-Дарьей кипитъ постройка самаркандскаго участка желѣзной дороги. Теперь тысячи сартовъ и персовъ трудятся надъ земляными работами.

Киргизъ.



Открытіе моста черезъ Аму-Дарью.

ъ день Крещенія, 6-го января, большое торжество въ Чарджуѣ. На Аму-Дарьѣ была построена на баркѣ бесѣдка, куполообразная крыша которой имѣла видъ щита, съ лежащимъ на немъ георгіевскимъ крестомъ на лентѣ этого ордена. Вся бесѣдка задрапирована красной матеріей съ горностаевой опушкой и устлана коврами. Въ этой бесѣдкѣ происходило водосвятіе. Вся площадь на берегу была запружена тысячами народа. Здѣсь были два батальона солдатъ — желѣзнодорожный и туркестанскій, всѣ русскіе и туземные чарджуйцы и пріѣхавшіе гости изъ Мерва; присутствовалъ и бекъ чарджуйскій. Послѣ водосвятія и парада двинулся первый поѣздъ черезъ мостъ (рис. стр. 70). Поѣздъ состоялъ изъ платформъ (вагоновъ еще не было), украшенныхъ флагами и наполненныхъ почетной публикой, во главѣ съ генераломъ М. Н. Анненковымъ и строителемъ моста инженеромъ Балинскимъ. Когда поѣздъ двинулся по мосту, то могучее тысячеголосое русское ура долго неслось по Аму-Дарьѣ. Погода была сѣрая и моросилъ дождичекъ. Послѣ открытія моста — веселый многолюдный завтракъ у генерала.

Теперь весь матеріалъ для постройки желѣзной дороги везется черезъ мостъ локомотивомъ. 17-го января, въ 11 часовъ утра, выступилъ поѣздъ изъ жилыхъ вагоновъ на ту сторону АмуДарьи. Поѣздъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ двухъ-этажныхъ вагоновъ и, по мѣрѣ укладки рельсоваго пути, подвигается впередъ (рис. стр. 73). Въ этомъ поѣздѣ живетъ желѣзнодорожный батальонъ, со своими офицерами и генералъ Анненковъ, а также и инженеры. Теперь для всѣхъ этихъ людей, до окончанія постройки, поѣздъ составляетъ какъ бы городокъ. Не вдалекѣ отъ жилаго поѣзда разбита большая палатка бухарскаго мирзы, присланнаго эмиромъ. Тутъ же и еще нѣсколько палатокъ служащихъ и рабочихъ; кухни, коновязи, рабочія телѣги и ослики. Жизнь кипитъ вокругъ поѣзда. Но тяжела жизнь этого маленькаго передвижнаго городка въ сыпучихъ пескахъ непривѣтливой пустыни. Съ 5 часовъ утра всѣ уже на ногахъ. Офицеры и чиновники идутъ съ докладами и за приказаніями въ вагонъ генерала, а потомъ на работы подъ жгучее солнце, подъ несомые вѣтромъ пески. Генералъ тоже постоянно на работахъ на своемъ ворономъ кабардинцѣ или золотистомъ текинцѣ. Неусыпный, тяжелый, изнуряющій трудъ, пока не дойдутъ желѣзнымъ путемъ до Самарканда. Послѣ такого тяжелаго дня, вечеромъ, немного отдохнувши, зачастую офицеры собираются у генерала, и каждый въ очередь дѣлаетъ какой-нибудь докладъ-разсказъ по какой-нибудь спеціальности военной, строительной, а то такъ и просто разсказываетъ что нибудь изъ жизни.

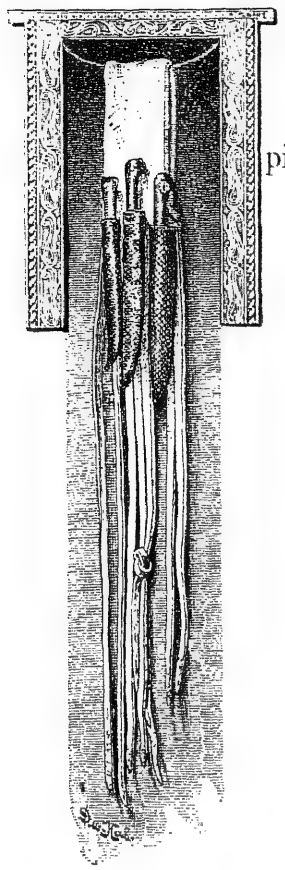
Почти сейчасъ же за Аму-Дарьей начинаются песчаные барханы и открывается суровая пустыня, которая тянется параллельно Дарьѣ, полосой верстъ въ 25 шириной и въ которую теперь врѣзывается рельсовый путь (рис. стр. 68). На границѣ оазиса (тянущагося узкой полосой по берегу Дарьи) и пустыни, за первой начальной станціей

Фарабъ, есть довольно высокая гора, съ которой открывается, на безконечное пространство, сурово-величественный видъ на мертвую пустыню съ подвижными барханами-горами. Когда я былъ на вершинѣ этой горы — поднялся сильный вѣтеръ. Закурились барханы, началось быстрое движеніе песковъ, — и вся пустыня превратилась въ разбушевавшееся море, уходящее въ безконечную мглу. И вотъ по этому морю тянется черная тонкая линія — рельсы и мчится съ клубами дыма корабль-локомотивъ съ платформами рабочаго поѣзда и все это быстро скрывается въ непроглядную песчаную мглу, какъ бы поглощаясь этимъ сухимъ моремъ. Черезъ нѣкоторое время не было уже и моря, а смѣшалось все въ какой-то ужасный хаосъ. Оставаться на горѣ не было возможности; песокъ проникалъ всюду, нельзя было смотрѣть и дышать; нужно было скорѣе уходить и спасаться. А въ это время тамъ, внизу, въ адскомъ хаосѣ, работаютъ люди и не уходятъ, а напротивъ, напрягая всѣ силы, борятся со страшной стихіей и прокладываютъ желѣзный путь. Нужно видѣть всю эту ужасную борьбу нашихъ непоколебимыхъ молодцовъ во главѣ съ генераломъ, чтобы понять, насколько они достойны вѣчнаго русскаго «спасибо». Тутъ очень могуча природа, значитъ, насколько же должны быть могучи люди, чтобы бороться съ ней и выйти побѣдителями, какимъ вышелъ неутомимый старикъ-генералъ Анненковъ съ горстью солдатъ, съ ихъ молодыми, но закаленными офицерами...

Теперь стоятъ въ Чарджуѣ два военныхъ парохода — «Царь» и «Царица», одинъ изъ которыхъ долженъ былъ придти въ Петроалександровскъ и на которомъ я предполагалъ возвратиться въ Чарджуй. Эти пароходы будутъ ходить вверхъ по Дарьѣ до Карки и внизъ — до Петроалександровска; но врядъ ли они будутъ въ состояніи дѣлать рейсы свои исправно. Слишкомъ уже измѣнчивъ и прихотливъ характеръ Аму-Дарьи, фарватеръ которой можетъ мѣняться чуть не каждый день, и тамъ, гдѣ вчера было глубоко, тамъ на завтра можетъ показаться мель. Мнѣ кажется, что пароходное движеніе по Дарьѣ возможно при условіи устройства по берегамъ ея массы маленькихъ станцій чрезъ каждые 15 — 20 верстъ, съ двумя-тремя досмотрщиками на каждой. Обязанности ихъ состояли бы въ томъ, чтобы они постоянно наблюдали на своемъ участкѣ и черезъ извѣстный промежутокъ времени устанавливали вѣхи, указывающія путь пароходу, а иногда и проводили бы пароходъ по своему участку.

Пароходы «Царь» и «Царица» построены тутъ же, въ Чарджуѣ, петербургской фирмой «Пампель и К⁰», подъ наблюденіемъ Г. Иллисъ, и построены прекрасно.

Бѣлый осликъ.

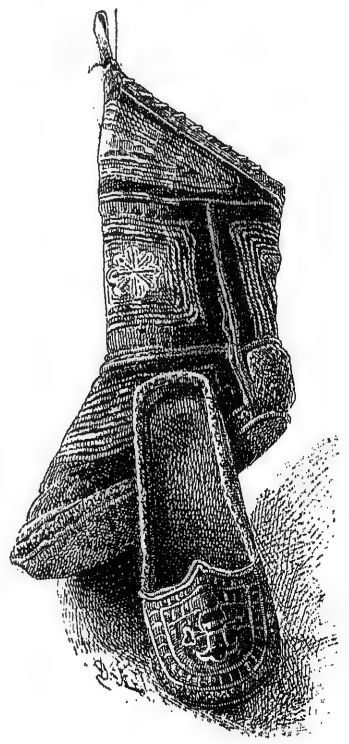


ВЪ БУХАРУ.

Пріѣхавъ 20 февраля на укладку желѣзной дороги и взявши лихую тройку съ колокольцами, покатилъ я въ г. Бухару. Прекрасное теплое утро; кругомъ зеленѣющія поля. Доѣхавши до конца укладки, я остановился часа на два и любовался, какъ ловко и быстро укладываютъ рельсы солдатики подъ руководствомъ инженера Ивановскаго. Масса бухарцевъ изъ сосѣднихъ ауловъ пестрыми толпами осаждала работы, дивясь на невиданную ими диковину. Пріѣхавши на открывающуюся на дняхъ станцію Бухара, отстоящую въ 12 верстахъ отъ г. Бухары, я былъ пріятно удивленъ возведенными многими русскими постройками, среди которыхъ, между прочимъ, красовался ресторанъ съ открытою верандою на лицевую сторону и съ нумерами для пріѣзжихъ устроенный очень дѣятельнымъ грузиномъ Иванэ. Остановился я недалеко отъ станціи, въ бухарской калѣ, въ квартирѣ мѣстнаго начальника дистанціи, г. Ивановскаго, Здѣсь я подожду нѣсколько дней, до торжества открытія станціи желѣзной дороги «Бухара». Бухарцы спѣшно и усиленно готовятся къ встрѣчѣ перваго желѣзнодорожнаго поѣзда. На большомъ полѣ, у полотна желѣзной дороги, бухарскими властями разбита масса военныхъ палатокъ, составляющихъ громадный кругъ. Это лагерное поле трехъ баталіоновъ бухарскихъ войскъ. У самаго же полотна дороги раскинутъ колоссальный шатеръ, весь пестро расшитый внутри, съ красивыми наметами у входа. Этотъ шатеръ предназначенъ для дастархана русскимъ на 200 человѣкъ. До открытія станціи съѣздилъ я въ г. Бухару. Городъ глиняный, съ очень узкими, довольно грязными, улицами, съ нѣсколькими мечетями, не отличающимися красотою; но зато здѣсь громадные базары съ тысячами лавокъ. Есть очень интересные крытые базары или гостиные дворы, гдѣ множество маленькихъ лавченокъ-шкафовъ, сдѣланныхъ изъ темнаго дерева. Очень большой базаръ съ русскими и англійскими ситцами. Много садовъ, разливающихъ чарующее весеннее благоуханіе. Персики, урюкъ и т. п. деревья сплошь покрыты бѣлою ароматною пеленой. Хорошъ здѣсь февраль. Невольно вспомнилась родина далекая, тоже покрытая бѣлой пеленой, но не ласкающей — весенней, а суровой морозной, сковывающей всю природу...

Возвратился на станцію. Ресторанъ Иванэ тоже украсился и имѣетъ видъ очень торжественный. Вся веранда убрана коврами съ массою бухарскихъ фонарей, съ развивающимися снаружи русскими флагами и съ 10-ти аршиннымъ штандартомъ въ срединѣ. Съ веранды входъ въ гостиную, обтянутую и устланную коврами съ тахтой и большимъ столомъ, уставленнымъ фруктами и сластями.

26-го февраля — день рожденія Государя. Съ утра уже бухарскія войска начали стягиваться къ рельсамъ и стали шпалерами по обѣ стороны дороги. Наши же солдатики спѣшно заканчивали послѣднія работы, укрѣпляя рельсы. Къ пяти часамъ пополудни, закончивъ все, они переодѣлись въ парадную форму и стали подъ



Женская хивинская обувь.

ружье. Глядя теперь на нихъ и офицеровъ, имѣющихъ свѣжій, нарядный видъ, никто бы не могъ подумать, что эти люди только что прекратили тяжелую работу почти цѣлаго дня и что полчаса тому назадъ всѣ они были въ грязныхъ рабочихъ костюмахъ, съ кирками и лопатами въ рукахъ, облитые потомъ. Въ 6-мъ часу послышался свистокъ локомотива и показался парадный поѣздъ съ украшенной флагами платформою, на которой помѣщалась большая блестящая группа съ генераломъ Анненковымъ во главѣ. При приближеніи поѣзда раздалось оглушительное ура бухарскихъ войскъ и массы русскихъ. Какъ только генералъ ступилъ на платформу станціи, громадный русскій флагъ взвился на мачтѣ. Русская колонія коммерсантовъ въ Бухарѣ прочла благодарственный адресъ генералу и поднесла ему хлѣбъ-соль. Сейчасъ же всѣ двинулись на плацъ, гдѣ генералъ пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ всѣ бухарскія войска подъ ихъ же музыку; кавалерія джигитовала. Потомъ прошелъ нашъ желѣзнодорожный полубатальонъ со своимъ оркестромъ, и наконецъ двинулись всѣ въ бухарскій шатеръ на дастарханъ. Приглашенныхъ было свыше 200 человѣкъ. Позднимъ вечеромъ состоялся обѣдъ отъ генерала въ ресторанѣ. Погода стояла прекрасная; но за обѣдомъ, ночью, на открытой верандѣ, довольно-таки всѣ перемерзли.

Мирза.

На другой день завтракъ въ русскомъ политическомъ агентствѣ въ г. Бухарѣ. Парадный въѣздъ русскихъ гостей въ Бухару былъ очень блестящъ. Съѣхавшіеся въ русское агентство передъ завтракомъ были приглашены въ садъ, гдѣ была устроена выставка изъ характерныхъ вещей г. Бухары. Преобладала красивая мѣдная рѣзная посуда; тутъ же были матеріи, оружіе, костюмы и всевозможныя мелкія вещицы. Всѣ выставленные предметы продавались по очень высокимъ цѣнамъ, ибо бухарцы тоже умѣютъ пользоваться случаемъ, но нахлынувшіе гости довольно быстро почти все раскупили. Съ выставки гости были приглашены г. Клеммомъ (помощникомъ политическаго агента г. Чарыкова) съ супругой къ завтраку. Входя во дворикъ агентства, всѣ были пріятно удивлены убранствомъ двора и громадной веранды дома, на которой помѣщались сервированные столы. Вся веранда была убрана гигантскими коврами. Между колоннами съ наружной стороны — цѣлыя стѣны изъ бухарскихъ вышитыхъ палатокъ; у каждой колонны группа русскихъ флаговъ. Наверху портика большой щитъ съ русскимъ орломъ, окруженный флагами, заканчивающимися внизу какъ бы большой кистью изъ малиноваго бархата, шитаго золотомъ (бухарскіе чепраки). За щитомъ на мачтѣ — большой посоль-

скій флагъ. Съ крыши портика во всю длину бахромой спускались ковры. Въ срединѣ дворика, въ углубленіи безводнаго бассейна, помѣщался оркестръ. Завтракъ прошелъ оживленно и весело. На слѣдующій день русская колонія устроила завтракъ на станціи, послѣ котораго я укатилъ на Аму-Дарью.

Въ первой половинѣ марта у бухарцевъ новый годъ, который празднуется нѣсколько дней, и празднества устраиваются очень оригинально. 10-го марта поѣхалъ я въ мусульманскій Чарджуй, къ беку въ гости. Подъѣзжая къ его лѣтнему дому, я еле пробрался черезъ несмѣтныя толпы народа, запрудившаго всю площадку передъ домомъ. Всѣ сосѣднія крыши и даже деревья были густо покрыты народомъ. Бекъ пригласилъ меня на балконъ, съ котораго можно было любоваться необычайнымъ зрѣлищемъ. Всѣ лавки противоположной стороны базарной площадки закрыты и завѣшаны различными цвѣтными матеріями и коврами и прикрыты сверху большими наметами-шатрами, подъ которыми амфитеатромъ мѣста, переполненныя народомъ въ нарядныхъ праздничныхъ халатахъ. Средина площади свободна, и тутъ стоятъ нѣсколько паръ борцовъ, а также и бачи. Вся масса народа, окружающая площадь, представляетъ изъ себя чудный цвѣтникъ, благодаря яркимъ разноцвѣтнымъ халатамъ и бѣлымъ чалмамъ. Борцы, какъ коршуны, нападаютъ другъ на друга (рис. стр. 80—81). Они въ рваныхъ халатахъ безъ рубахи и обуви. Иногда во время схватки летитъ изодранный халатъ въ сторону и борецъ остается почти голымъ, обнаруживая удивительные мускулы и красивыя атлетическія

Текинецъ пращникъ, охраняющій поля.

движенія. Интересно смотрѣть на борцовъ, когда они становятся другъ противъ друга, пригнутся, вытянутъ впередъ руки съ расправленными пальцами и, впившись глазами одинъ въ другого, высматриваютъ и ловятъ моментъ, чтобы поудобнѣе схватить противника. Побѣдитель награждается халатомъ отъ бека. Получившій халатъ, обѣгаетъ нѣсколько разъ кругъ и почтительно кланяется беку, приложивши руки къ животу, немного согнувшись и отступая назадъ. Потомъ пляшутъ бачи подъ бубны, флейты и припѣвы. Двое изъ бачей одѣты въ женскіе импровизированные костюмы съ браслетами на рукахъ и ногахъ, а также и съ бубенчиками, нѣкоторые съ кастаньетами. Эта дикая борьба и сладострастные танцы продолжаются почти цѣлый день. А такихъ дней нѣсколько подрядъ.

Ѣхалъ я на праздникъ въ тихую теплую погоду и наслаждался зрѣлищемъ цвѣтущихъ садовъ, охватывающихъ дорогу у Чарджуя, а возвращаюсь зимой. Бѣшеная погода. Бурею съ сѣвера заноситъ все снѣгомъ, не успѣвающимъ таять. Все побѣлѣло; только лужи лежатъ какими-то отвратительными черными пятнами на бѣломъ фонѣ. Бѣдныя цвѣтущія деревья и зеленыя поля! На слѣдующее утро, однако, вновь сіяетъ солнце и тепло какъ лѣтомъ. Природа воскресла, о снѣгѣ, конечно, и помина нѣтъ, и на душѣ легко и весело. А какъ дивно хорошо въ теперешнее время года въ здѣшнихъ степяхъ, между Бухарой и Самаркандомъ, совершенно голыхъ, выжженныхъ солнцемъ и дикопустынныхъ лѣтомъ. Теперь же эти степи представляютъ нѣчто сказочное по красотѣ и богатству растительности. Даже нельзя сказать, что это зеленыя степи. Нѣтъ, это самые роскошные цвѣтники. Представьте себѣ безконечное пространство, густо покрытое чудными разноцвѣтными тюльпанами. Это какой-то дивный живой коверъ, и нѣтъ конца и края этому ковру. Глядя теперь на эту райскую степь, невозможно вѣрить, что на этомъ же самомъ мѣстѣ черезъ мѣсяцъ — полтора будетъ голая, безотрадная, мертвая пустыня и нѣжащій взоры видъ смѣнится гнетущимъ угрюмымъ...

Ѣду опять въ Бухару, чтобы пожить тамъ нѣкоторое время и осмотрѣть большой лѣтній дворецъ эмира, построенный имъ самимъ, безъ помощи архитектора или инженера.

У водопоя.

БУХАРА.

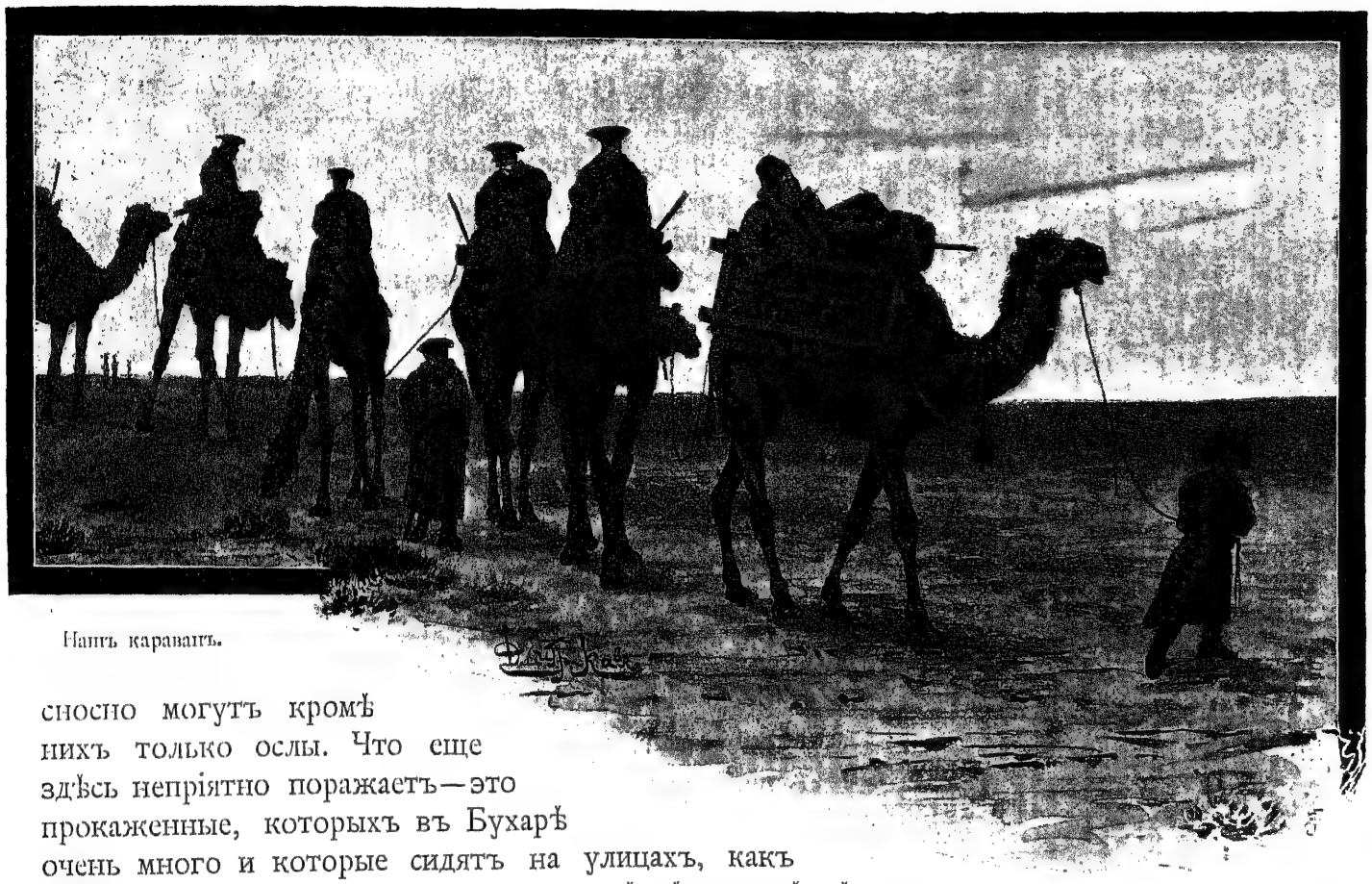
Остановился я въ Бухарѣ, въ домѣ нашего политическаго агентства, гдѣ мнѣ отвели помѣщеніе во второмъ этажѣ, состоящее изъ комнаты и большой открытой террасы съ совершенно отдѣльнымъ входомъ (рис. стр. 69). Одна сторона террасы выходитъ въ прекрасный садъ агентства съ цвѣтущими розами—это было въ половинѣ апрѣля—и густой сочной зеленью фруктовыхъ деревьевъ. Садъ, въ которомъ бѣгаютъ рѣзвые джерапы, дикія козы и цѣлыми днями несмолкая поютъ птицы, настолько великъ, что въ немъ есть хлѣбные посѣвы съ налитыми колосьями и виноградники, цѣлыя аллеи изъ розъ и красиво цвѣтущія гранаты.

Ночью съ моей террасы видъ на городъ — точно сказка Востока. Дивныя лунныя ночи придаютъ особенный, какой-то чарующій таинственный видъ полуспрятавшемуся въ садахъ городу, какъ бы убаюканному и спящему крѣпкимъ сномъ. Полная тишина и нигдѣ не видно огней. Изрѣдка гдѣ нибудь вдали слышенъ стукъ сторожеваго барабана, постепенно замирающій въ сонномъ ароматномъ воздухѣ...

Чѣмъ больше ознакомляешься съ г. Бухарой, тѣмъ болѣе поражаешься полнымъ отсутствіемъ въ этомъ страшно скученномъ глиняномъ городѣ гигіеническихъ условій жизни. Условія этой жизни таковы, что европеецъ въ своемъ городѣ находилъ бы ихъ просто невозможными. Мнѣ кажется, что только благодаря здѣшнему благодатному климату и горячему солнцу, какъ бы сжигающему, испепеляющему всѣ міазмы нечистоты и грязи, — здѣсь нѣтъ постоянныхъ повальныхъ болѣзней. Не будь здѣсь такого здороваго воздуха, моръ былъ бы ужасный. Сколько здѣсь, въ городѣ, прудовъ съ гніющей, застоявшейся водой, которую безъ всякой брезгливости пьетъ бухарецъ. Сколько падали, высыхающей на улицахъ! Сколько всякихъ смрадныхъ отбросовъ! И все это сушитъ и поджариваетъ солнышко своей 55-ти градусной теплотой.

Всѣ интересы города, повидимому, главнымъ образомъ сосредоточиваются на базарахъ и безчисленныхъ лавкахъ, на нѣсколькихъ мечетяхъ и медрессе. Лавокъ, торговыхъ площадей и крытыхъ базаровъ дѣйствительно здѣсь много; и въ нѣкоторые дни все это сильно оживлено густыми жужжащими толпами пестраго азіатскаго люда въ перемежку съ верблюдами, ослами и лошадьми. Иногда все это жужжаніе тысячной толпы покрывается дикимъ рѣзкимъ крикомъ-пѣніемъ кучки изступленныхъ, со злыми безсмысленными лицами, дервишей, что-то прославляющихъ и за что-то требующихъ подаянія. Эти тоскуны-дервиши, носители грязныхъ лохмотьевъ Востока, всегда имѣютъ удивительно отталкивающій видъ. Кричать такъ не-

Хивинецъ.



Нашъ караванъ.

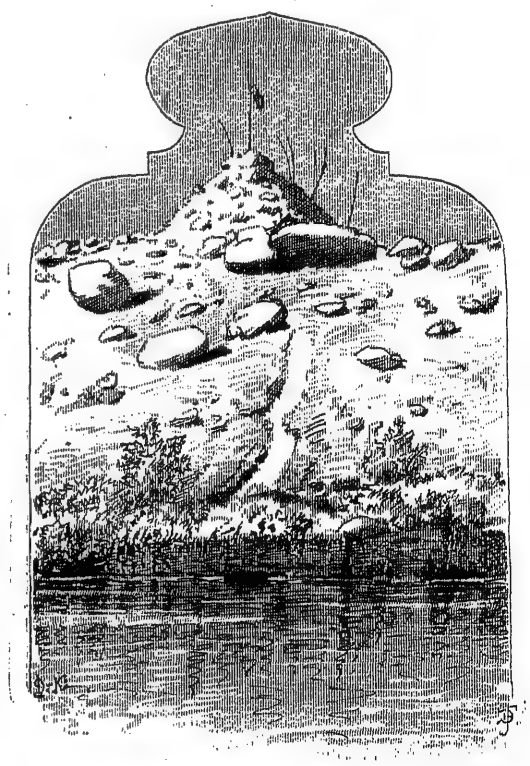
сносно могутъ кромѣ нихъ только ослы. Что еще здѣсь непріятно поражаетъ—это прокаженные, которыхъ въ Бухарѣ очень много и которые сидятъ на улицахъ, какъ обыкновенные нищіе. Въ одномъ, напр., мѣстѣ при въѣздѣ въ городъ, у стѣны сада, сидитъ цѣлый рядъ этихъ полусгнившихъ несчастныхъ существъ (рис. стр. 67). Передъ каждымъ чашка для денегъ, бросаемыхъ имъ прохожими. Это что-то среднее между животнымъ и человѣкомъ. Грязные, въ лохмотьяхъ, едва прикрывающихъ голое тѣло, полуживые, съ гнойными глазами, носомъ и ртомъ, существа эти мало напоминаютъ человѣческій образъ... За одно ужь скажу еще нѣсколько словъ объ одной своеобразной здѣшней болѣзни, происходящей отъ глиста или червячка — решты (не знаю, какъ назовутъ эту тварь ученые). Въ тѣлѣ появляется скверный, томящій зудъ; потомъ дѣлается гдѣ нибудь довольно большая шарообразная твердая опухоль; черезъ нѣкоторое время опухоль превращается въ большую язву, въ которой и лежитъ решта, производящая сильныя боли. Человѣкъ съ такой рештой отправляется въ цирульню, гдѣ брѣютъ головы, и тамъ знатокъ-цирюльникъ откапываетъ въ ранѣ решту, поддѣваетъ ее палочкой и начинаетъ выматывать цѣлый клубокъ какъ бы бѣлой нитки — эту самую решту. Зажившая послѣ нея рана навсегда оставляетъ характерный слѣдъ на тѣлѣ въ видѣ посинѣлаго стянутаго тяжа. Если человѣкъ, имѣющій решту, бродящую у него въ тѣлѣ, замѣчаетъ опухоль на неудобномъ мѣстѣ тѣла и не желаетъ имѣть ея слѣдъ, напримѣръ, на лицѣ, то онъ перегоняетъ ее холодными компрессами въ другое мѣсто. Получаютъ эту прелесть бухарцы съ водой. Всѣ воды Бухары переполнены этой тварью. Поэтому пріѣзжему въ Бухару слѣдуетъ употреблять воду только прокипяченную какъ для питья, такъ и для обмыванія овощей, напримѣръ, рѣдиски, салата, огурцовъ и т. п., а также и фруктовъ. Решта, попавши въ организмъ человѣка, развивается черезъ 9 мѣсяцевъ; такъ что заполучившій ее путешественникъ, ничего не подозрѣвая, можетъ уѣхать въ Европу и черезъ 9 мѣсяцевъ только узнать о странномъ и неизслѣдованномъ европейскими учеными подаркѣ Бухары. Замѣчательно, что решта, насколько мнѣ извѣстно, существуетъ только въ г. Бухарѣ и ея окрестностяхъ на недалекое раз-

Фазанъ.

стояніе. Я зналъ бухарцевъ, у которыхъ была решта десятки разъ. Вотъ городъ, который съ его прокаженными, рештой и другими болячками, съ его отвратительными гигіеническими условіями требуетъ большой и энергичной работы нашихъ медиковъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Имъ здѣсь найдется достаточно работы, правда, трудной, но зато интересной. Въ особенности Бухара ждетъ не дождется медика-женщины. Здѣшняя обитательница скорѣе умретъ, нежели станетъ лечиться у мужчины-доктора. И сколько ихъ бѣдныхъ мретъ безпощадно! Не могу забыть одну дѣвочку, лѣтъ пяти, изъ богатой знатной семьи, у которой сгнила половина лица. Родители, когда уже это произошло, тогда только обратились къ русскому доктору, который, конечно, не могъ уже спасти несчастную, умершую въ страшныхъ мученіяхъ.

Мечети г. Бухары, когда-то красивыя, сильно запущены; всѣ онѣ въ полуразрушенномъ видѣ, съ обвалившимися и погибшими изразцами. Уцѣлѣвшіе изразцы чрезвычайно красиваго рисунка съ яркими красками.

Съ появленіемъ русскихъ въ Бухарѣ цѣны на всѣ вещи бухарскаго обихода очень поднялись. Попадается много старинныхъ булатныхъ вещей, преимущественно по вооруженію; но они почти недоступны по цѣнѣ. Мѣдная рѣзная посуда тоже чуть не вдвое стоитъ противъ цѣны, бывшей годъ тому назадъ. Вообще бухарцы, какъ народъ коммерческій, прекрасно умѣютъ пользоваться случаемъ въ самомъ скверномъ смыслѣ. Въ Бухарѣ много коренныхъ евреевъ, конечно, торговцевъ и промышленниковъ. Мелкота евреи большею частью ходятъ съ темносиними руками, благодаря ихъ занятію — окрашиванію матеріала для тканья, а также и нѣкоторыхъ тканей. Есть очень богатые евреи, но всѣ они лишены нѣкоторыхъ правъ мусульманина-бухарца, такъ, напримѣръ, они не имѣютъ права ѣздить верхомъ на лошади, носить бухарскій поясъ и чалму, хотя одѣваются они совершенно какъ бухарцы-мусульмане. Есть еще здѣсь промышленники очень подозрительнаго типа — это индійцы. Они преимущественно занимаются ростовщичествомъ и продажей драгоцѣнныхъ камней, которые таскаютъ постоянно съ собой. У такого индійца зачастую за пазухой цѣлыя горсти драгоцѣнностей. Кожа у этихъ индійцевъ гораздо темнѣе, чѣмъ у бухарцевъ; лица ихъ кофейно-землистаго цвѣта. Черные или темнокоричневые большіе глаза, небольшой, зачастую немного вздернутый, носъ, небольшая борода и курчавые волосы. Одѣты они всѣ въ черное узкое платье, въ

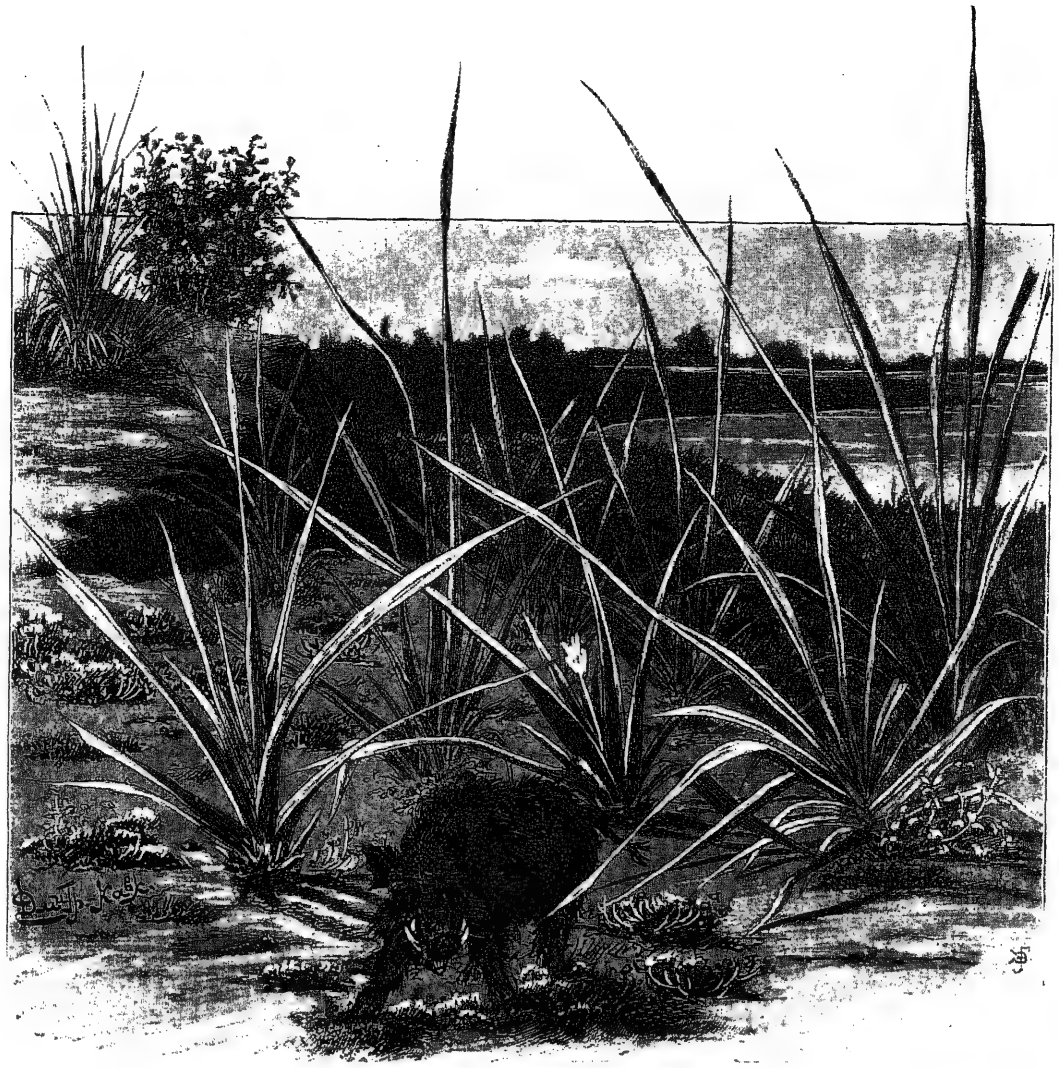


Дуль-Дуль-Атаганъ.

Бухарскій эмиръ
Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Агадъ-Богодуръ-Ханъ.

родѣ халата, и носятъ черную клеенчатую четероугольную шапку.

Въ одинъ изъ пасмурныхъ дней инакъ *) (первое лицо при дворѣ эмира) прислалъ мирзу сообщить мнѣ, что я могу осмотрѣть загородный дворецъ эмира. Поѣздка по обыкновенію вышла довольно торжественная. Отправился я въ колескѣ, запряженной парою лошадей въ дышло; на каждой лошади по арбакешу. Здѣсь не правятъ возжами, а кучера сидятъ верхомъ на лошадяхъ; козлы же остаются пустыми. Впереди верховой мирза (чиновникъ), сзади два казака изъ нашего политическаго агентства. Выѣхавъ за городъ, я увидѣлъ вдали клубы пыли и затѣмъ мчавшуюся группу всадниковъ съ братомъ инака во главѣ. Когда мы встрѣтились, я вышелъ изъ коляски, братъ инака сошелъ со своей прекрасной богато убранной лошади, и мы начали осыпать другъ друга цвѣтистыми привѣтствіями Востока. Я предложилъ ему сѣсть ко мнѣ въ коляску, но онъ отказался, говоря, что почтетъ за честь конвоировать меня во главѣ почетной свиты, высланной мнѣ для пріема во дворцѣ. При въѣздѣ во дворецъ въ трехъ мѣстахъ стояли команды солдатъ подъ ружьемъ и отдавали честь подъ русскую команду «на караулъ». Во дворцѣ былъ накрытъ достарханъ съ чаемъ, послѣ котораго былъ поданъ завтракъ изъ многихъ мясныхъ блюдъ. Столъ былъ такъ великъ и заставленъ такой массой сластей, что хватило бы по крайней мѣрѣ на 50 человѣкъ. А за этимъ столомъ сидѣли сиротливо только двое. Прислуга, въ числѣ десяти человѣкъ, вертѣлась кругомъ стола, а въ дверяхъ, вытянувшись въ струнку, стоялъ мой казакъ-красавецъ. Вставши изъза стола, мы пошли осматривать дворецъ съ массой небольшихъ комнатъ, чрезвычайно пестро отдѣланныхъ въ арабско-персидскомъ стилѣ. Нѣкоторыя комнаты со множествомъ лѣпныхъ украшеній съ живописью. Есть комнаты съ лѣпными медальонами, въ которые вклеены бумажныя раскрашенныя картинки восточнаго производства. Подъ конецъ какъ самое замѣчательное, мнѣ показали громадную зеркальную залу, стѣны которой обставлены сплошь зеркалами безъ рамъ высотой аршина въ четыре; двери всѣ тоже изъ зеркалъ, такъ что этотъ залъ кажется безконечнымъ. Полъ весь устланъ французскими коврами. Громадная люстра, спускающаяся съ потолка—французской бронзы. Ме-



Кабаньи луга.

*) Теперешній инакъ эмира—бывшій бекъ чарджуйскій, о которомъ я упоминалъ въ главѣ, посвященной Чарджую, и портретъ котораго помѣщенъ тамъ же. Этотъ постъ онъ занялъ послѣ трагической смерти отца своего — прежняго инака. Онъ былъ застрѣленъ однимъ изъ опальныхъ придворныхъ.

Въ воротахъ богатаго хивинскаго дома.

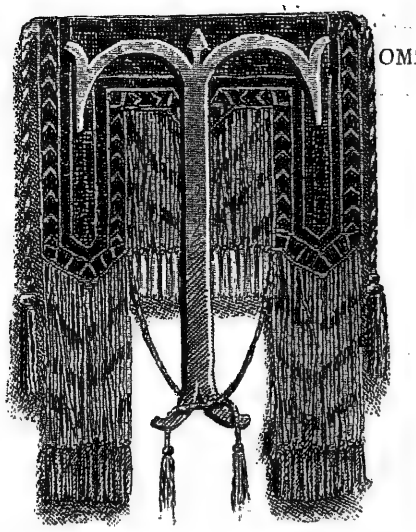
бель тоже европейская. А прекрасный, съ маленькимъ куполомъ по серединѣ, потолокъ — мавританскій съ лѣпными украшеніями, расписанными золотомъ и красками. Этотъ залъ производитъ какое-то странное впечатлѣніе смѣшанной роскоши, созданной пылкою но больной и прихотливой фантазіей внѣ всякихъ законовъ. Въ концѣ концовъ становится грустно. Фасадъ дворца ничего интереснаго не представляетъ, хотя есть нѣкоторые дворики довольно красивые, благодаря окружающимъ галереямъ съ колонками и очень изящнымъ зонтикамъ надъ дверьми, выходящими въ эти дворики, по серединѣ которыхъ фонтаны съ бѣлыми каменными бассейнами. Многіе дворы и дворики еще не окончены. Забылъ еще упомянуть объ одной комнатѣ. Это комната-вагонъ, точная копія съ вагона, въ которомъ эмиръ ѣздилъ въ Россію, кажется, во время коронаціи. При дворцѣ недурной садъ; но все это еще не въ совершенно оконченномъ видѣ. Какъ я уже говорилъ, дворецъ этотъ построенъ самимъ эмиромъ безъ помощи спеціалиста-строителя. Поэтому-то въ немъ такъ много богатой, но въ высшей степени странной фантазіи восточнаго человѣка, повидавшаго кое-что европейское. Досадно, что день былъ очень темный, такъ что въ нѣкоторыхъ комнатахъ царилъ сильный полумракъ, мѣшавшій все осмотрѣть подробно. А еще досаднѣе, что времени было мало и, благодаря несносной торжественности пріема, не удалось ничего зарисовать.

Рѣзкій холодный вѣтеръ. Темная непроглядная ночь, въ мертвой пустынѣ сыпучихъ песковъ, между Бухарой и Аму-Дарьей. Поѣздъ желѣзной дороги, состоящій изъ рабочихъ платформъ, мчится, захлестываемый волнами песчанаго моря. Кругомъ ни звука. Чистое темносинее небо густо усыпано яркими звѣздами. Это ночь подъ Пасху (на 24 апр. 88 г.). Я расположился на пустой

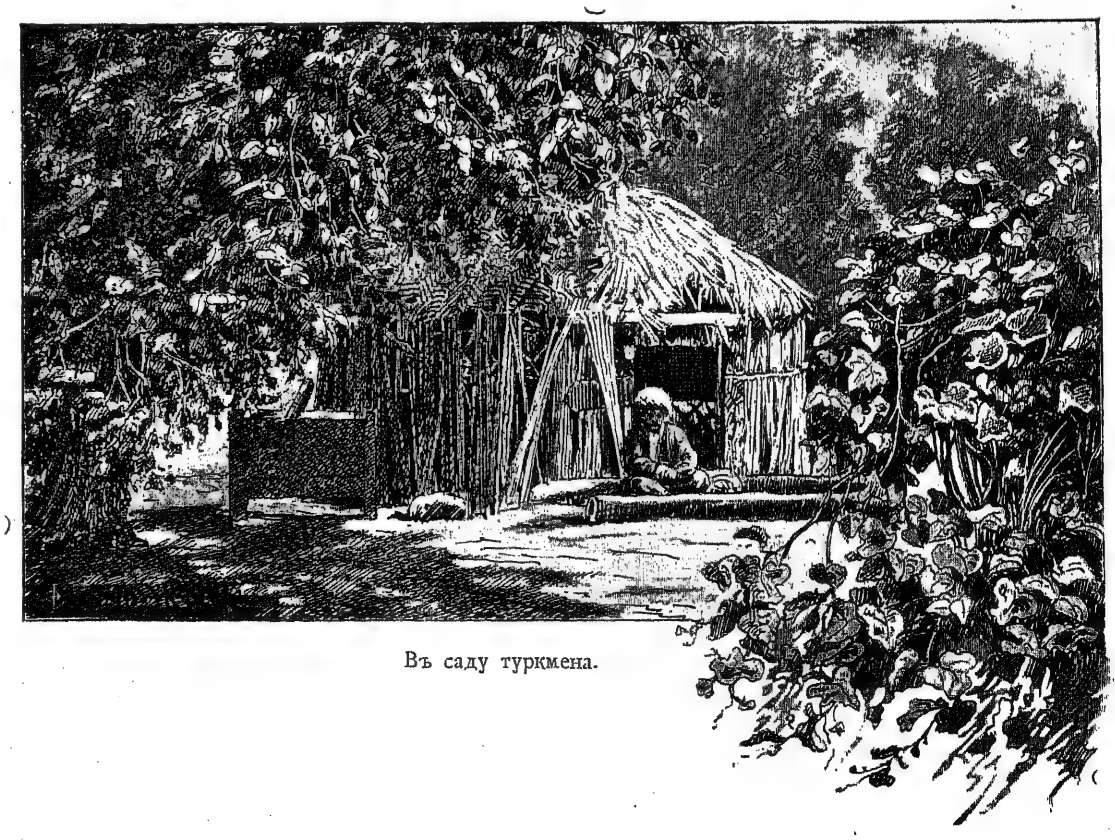
платформѣ и сильно дрогну, обдаваемый пескомъ, который проникаетъ всюду на тѣло. Кругомъ меня уже наносятся сугробы. Ноетъ и тѣло и душа. Доберется ли еще поѣздъ къ утру въ Чарджуй. Не занесетъ ли? Тяжело христіанину встрѣтить такъ св. Пасху. Все грустное, щемящее роями врывается въ душу и тутъ же рядомъ неотступно преслѣдуютъ картины высоко поэтическихъ святыхъ воспоминаній прошлыхъ ночей подъ Пасху на Руси... Къ утру поѣздъ кое какъ дополз до Чарджуя. Въ походной церкви, на берегу Аму-Дарьи, свѣтятся огоньки и волною доносится пѣніе — утромъ подъ Пасху. Я страшно прозябъ и добравшись до моей квартиры, поскорѣе согрѣлся чаемъ и легъ спать.

Хивинскія дамы.

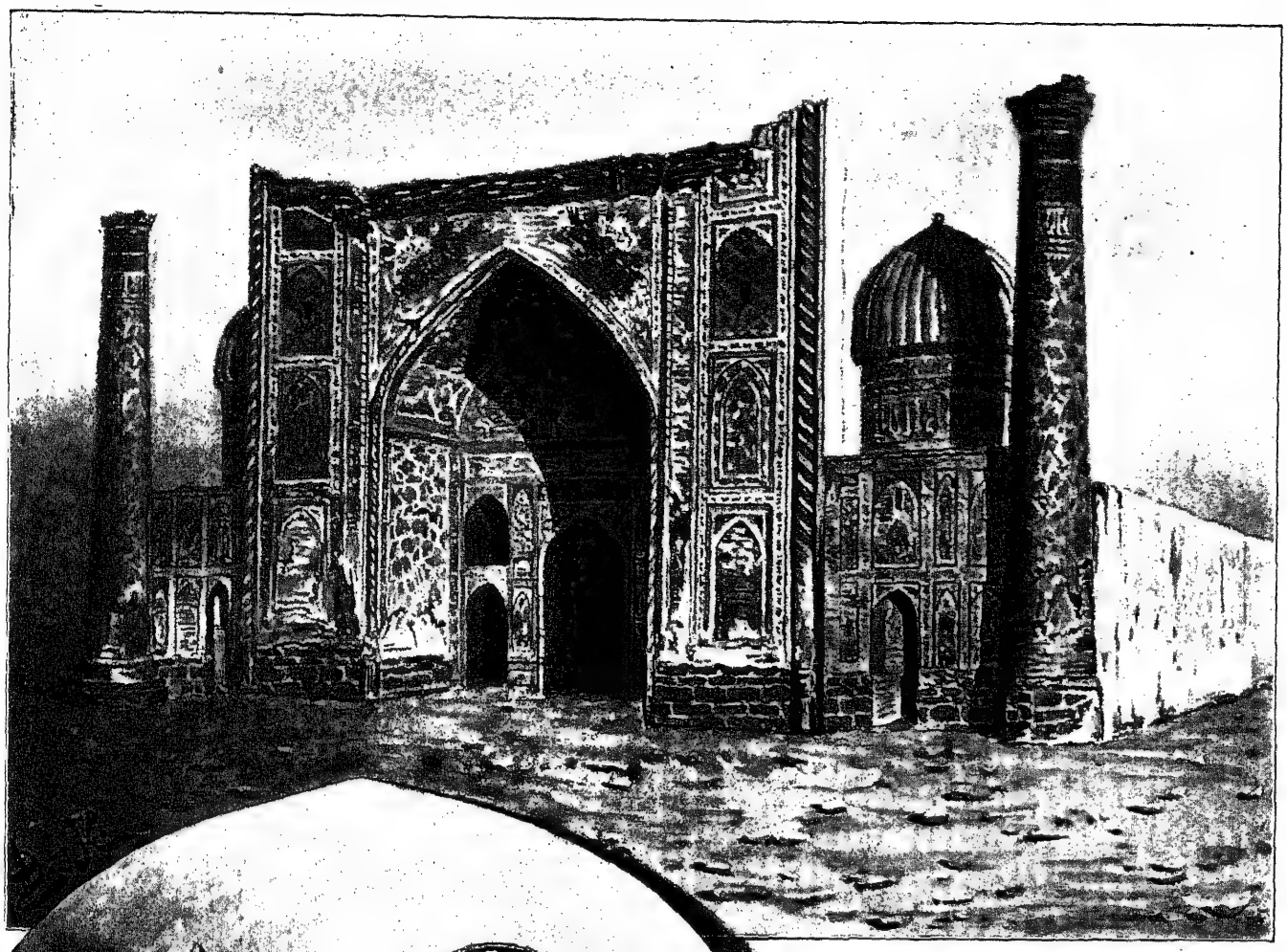
ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.



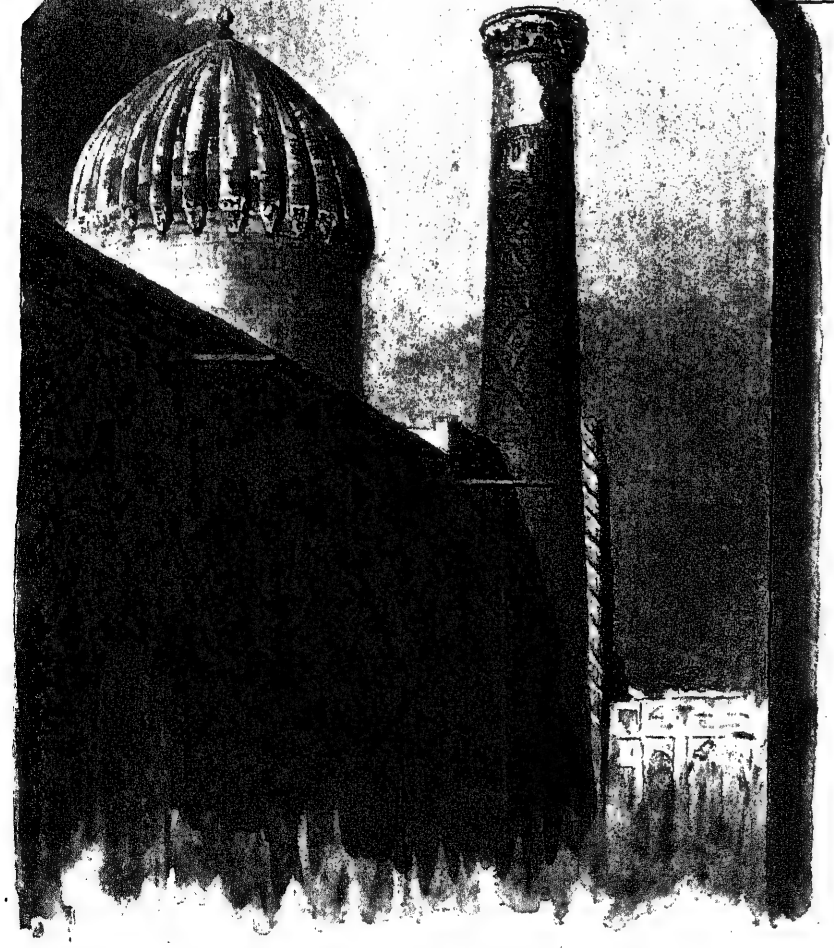
омящая жара 1-го мая. Паровый катерокъ «Петръ», кое какъ снаряженный съ начальникомъ Аму-Дарьинской флотиліи К. Ф. Левенгагенъ, при которомъ мирза, назначенный бекомъ, какъ проводникъ и переводчикъ, я и нѣсколько солдатиковъ, — отплылъ отъ берега Чарджуя вверхъ по Дарьѣ, направляясь къ бухарскому городу Карки (почти на границѣ съ Афганомъ). Цѣль этой поѣздки, изслѣдовать помянутый путь для рейсовъ военнаго парохода до Карки. Разстояніе это верстъ четыреста. Катерокъ нашъ отчаянный. Отплыли мы въ дурную погоду съ сильнымъ вѣтромъ и съ налетавшимъ по временамъ дождемъ. Плаваніе наше началось рядомъ не совсѣмъ пріятныхъ приключеній съ нашимъ суденышкомъ: то вырвало какую то затычку въ машинѣ, то сальникъ какой-то выскочилъ, то вдругъ бацъ — выстрѣлъ: трубку водомѣрную разорвало; къ счастію никого не поранило. Возня, съ вправкой новой запасной трубки. Часто садимся на мель; при этомъ каждый разъ катеръ сильно накреняется на бокъ, иногда даже черпаетъ воду; люди лѣзутъ въ воду и поддерживаютъ накренившійся бортъ, чтобы не перевернулся катеръ; а съ другой стороны, какъ бы употребляя всѣ свои силы, бурлитъ быстрая Дарья, стараясь залить это несчастное суденышко. Иногда такая борьба продолжается довольно долго, пока наконецъ не удастся силою людей и машины столкнуться съ мели. Потянулись скучные некрасивые берега: лѣвый плоскій, съ кишлаками въ садахъ и правый возвышенный, съ горами въ пескахъ. Ночевка на берегу, въ разбитой миніатюрной палаткѣ, въ которой еле помѣщаемся вдвоемъ. На другой день поднялись въ четыре часа утра; послали мирзу въ сосѣдніе кишлаки за провизіей; подкрѣпившись сномъ и пищею — двинулись дальше. Вертимся то взадъ, то впередъ, натыкаясь на мели. Въ часъ дня остановка у берега — дрова всѣ вышли. Вдали виднѣется палатка, чрезъ нѣкоторое время снявшаяся и явившаяся къ намъ, съ группой бухарцевъ и съ массой всякихъ угощеній. Это бухарцы сосѣднихъ кишлаковъ встрѣчаютъ



Въ саду туркмена.



Медрессе Тамерлана.



Изъ Решетана.

насъ и готовятъ возможныя удобства во время остановокъ, по распоряженію бека чарджуйскаго. Изъ за дровъ остались здѣсь до слѣдующаго утра. Вечеромъ дастарханъ. Ночь непогодливая, бурная; но мы пользовались теперь удобной большой палаткой, съ бухарскими постелями. Нашъ катеръ такъ малъ, что невозможно взять дровъ болѣе дневнаго запаса. Сильный вѣтеръ поднялъ пески и мы ничего не видимъ въ даль. Дарья широко раскинулась и мы плывемъ какъ по морю, не видя береговъ. Сказочно:—таинственно; вдругъ выступила изъ мглы песковъ гора, съ отвѣснымъ утесомъ надъ водой. Подплывши поближе и увидя у отлогой части горы перевозъ, — пристали

къ берегу. Береговая часть горы усѣяна могилами, — съ кроватями, на которыхъ приносятъ покойниковъ; а ближе къ утесу, остатки древняго кладбища — Бакжанъ—уліа, со громадными памятниками, часовнями, въ полуразрушенномъ видѣ, съ провалившимися глиняными куполами. Кое-гдѣ еще поддерживаются намогильныя мачты со значками (рис. стр. 79). Дальше, отъ берега потянулись пески въ безконечность, дымясь, куря и сливаясь съ небомъ. Побережные поселки держатся въ упоръ съ песками, которые, какъ бы желая стереть этихъ дерзкихъ людей, не на мѣстѣ усѣвшихся жить, посыпаютъ крайніе сады и наносятъ сугробы, причиняя не мало хлопотъ упрямымъ людишкамъ. Вслѣдствіе сильнаго волненія, мы въ этотъ день не могли двинуться, рискуя быть захлеснутыми и перевернутыми на нашемъ суденышкѣ-инвалидѣ. Къ вечеру сарты принесли маленькаго джеранчика (дикая козочка) и продали его намъ. Одинъ изъ солдатиковъ любовно нянчится съ нимъ.

Туркменъ-торговецъ.

Хотя вѣтеръ утихъ немного, но волненіе довольно опасное для насъ; мы все-таки рискнули съ утра двинуться впередъ. Показался изъ-за разсѣвающейся мглы довольно интересный правый берегъ, заселенный и весь въ садахъ, съ выступающими барханами желтаго песку между зеленью. Фономъ къ этому — горы, затянутыя коричневой пеленой густаго воздуха. Вслѣдствіе волненія очень трудно угадывать фарватеръ; но К. Ф. очень хорошо и удачно, во время даетъ малый ходъ катеру и на мель садимся рѣдко. Въ общемъ, сегодня идемъ хорошо. Катеръ довольно сильно борется съ теченіемъ. Сегодня все время идемъ безъ тента и сильно пообожглись солнцемъ. Джеранчикъ не выдержалъ жгучаго солнца въ неволѣ и умеръ. Къ вечеру опять увидѣли палатку на берегу; опять церемоніи встрѣчи и угощеніе. Бухарцы довольно усердно и незамѣтно слѣдятъ за нами на берегу. Симпатичный К. Ф. ужасно досадуетъ на эти встрѣчи; и дѣйствительно, это больше стѣсняетъ, нежели доставляетъ удобства и удовольствія.

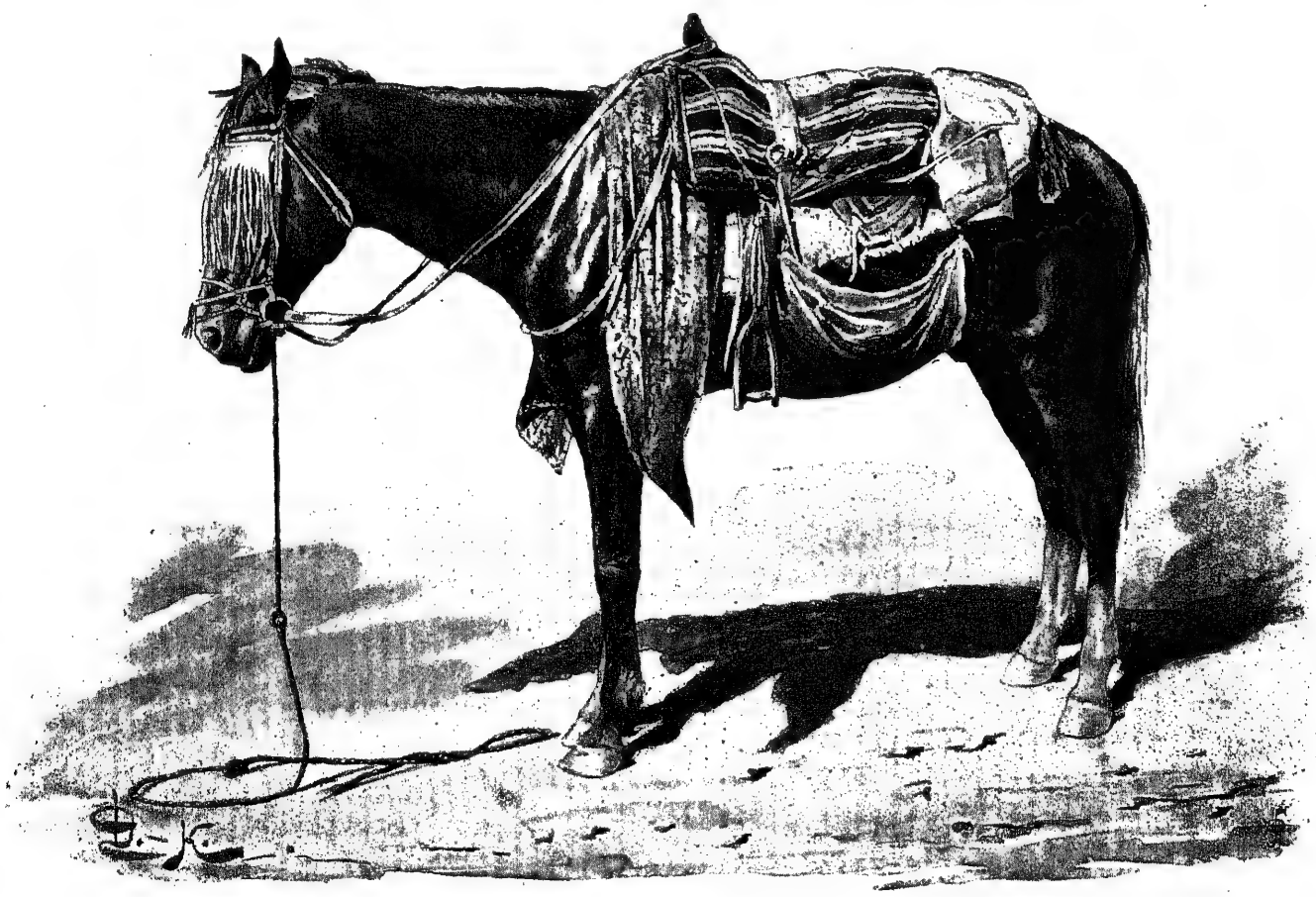
Хивинскій сапогъ и теплый чулокъ.

Что-то не ладно у меня съ глазами. По утрамъ еле открываю отъ накапливающейся матеріи и цѣлый день это безпокоитъ. А тутъ, какъ нарочно, все песокъ въ воздухѣ; вода тоже мутная съ пескомъ. Вѣтеръ

стихъ, мгла улеглась. Мы на зеленомъ берегу, въ чудную лунную ночь и не пользуемся для сна гостепріимной палаткой съ угощеніями.

Ужасно много времени отнимаетъ заготовка и распилка дровъ. На слѣдующій день мы только въ 11 часовъ утра могли двинуться дальше, закупивъ яицъ и распрощавшись съ сартами, преслѣдующими насъ съ палаткой и угощеніями. Проплывъ немного, сѣли на мель; да сѣли такъ прочно, что несмотря на всѣ наши усилія въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не могли сойти. На своей маленькой шлюпкѣ высадились на берегъ, а часть команды осталась на катерѣ. Кое какъ закусили и принялись опять за работу. Наконецъ удалось сдвинуться съ мели; но въ это время оборвался тросъ якоря и судно быстро понесло теченіемъ. Чрезъ нѣкоторое время, съ большими усиліями, удалось на шлюпкѣ нагнать катеръ и, взявъ на буксиръ, притащить къ берегу. Испортившуюся машину пришлось разбирать и чинить своими средствами; а въ это время двое матросовъ на шлюпкѣ отправились искать якорь. Отыскавши конецъ троса, матросъ ухватился за него, какъ то неосторожно запутался и былъ вытащенъ изъ лодки, конечно упустивши тросъ. Въ это время, шлюпка была уже довольно далеко, уносясь теченіемъ и матросъ плавая и не могши бороться съ быстриной—уносился все дальше и дальше. Ему бросили футштокъ, за который ухватившись, онъ долго боролся; наконецъ, началъ терять окончательно силы... Къ счастью шлюпка, поборовъ теченіе, подошла и въ самый критическій моментъ, когда изъ воды уже только по временамъ показывалась рука, — взяла полумертваго матроса. Все время нашихъ приключеній, дуетъ сильный вѣтеръ и солнце неистово жаритъ; лицо и шея горятъ какъ подъ горчичникомъ. До самаго вечера искали якорь, но напрасно. Ну и день же выдался! К. Ф. все время сильно и рисковано работалъ, не жалѣя себя и родительски заботясь о солдатахъ. Сколько онъ проявилъ доброты и гуманности!

Хорошо отдохнувши за ночь и кое-какъ исправивши нашу машину, въ 6 часовъ



Туркменскій конь.

Хивинецъ.

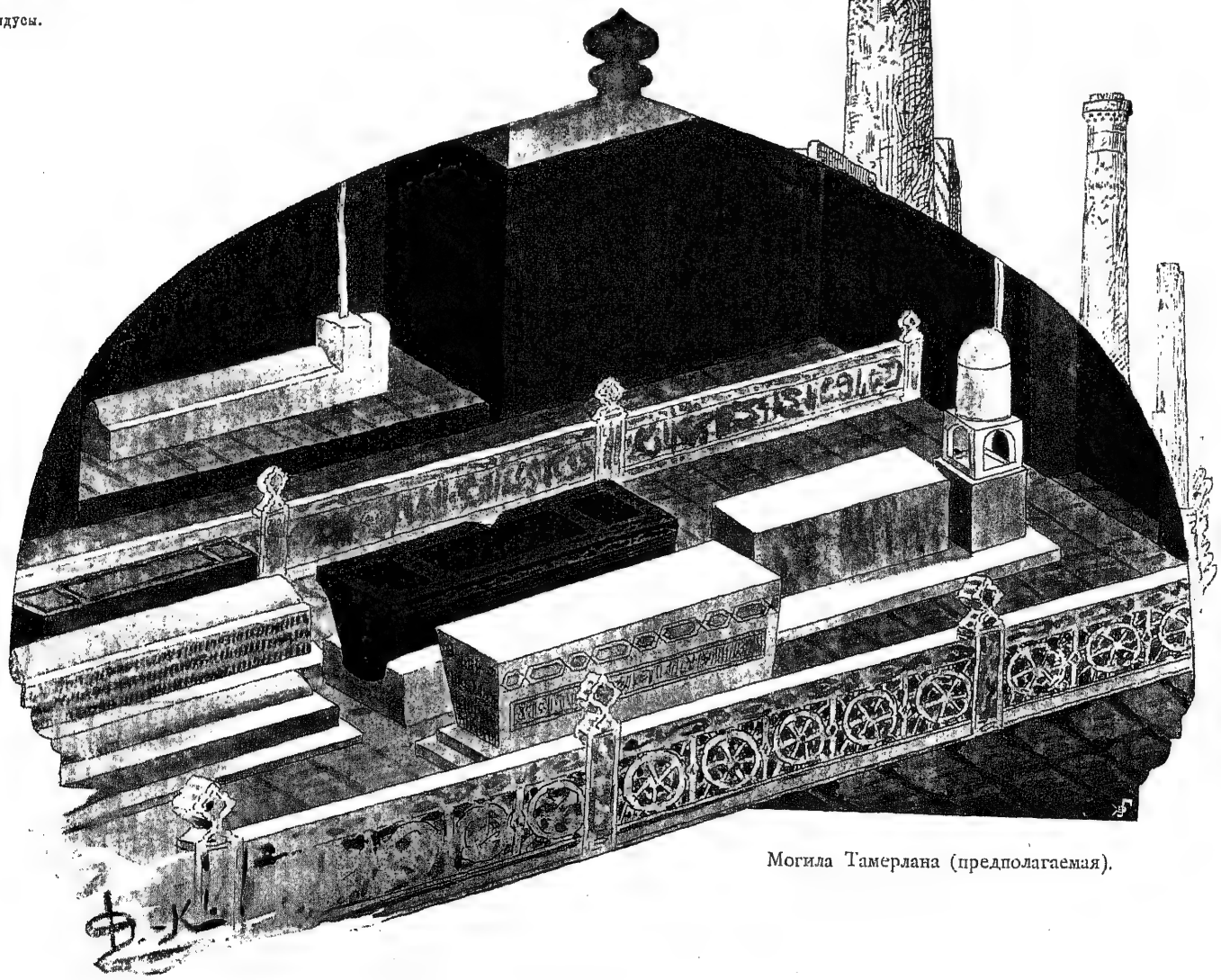
утра поплыли дальше, но немного удалось уйти впередъ. Опять на мели и, къ несчастью, въ страшной быстринѣ. Катеръ на боку и залитъ водой. Одна теперь забота, не дать судну перевернуться вверхъ дномъ. Всѣ люди, со всѣми своими силами, напряжены до послѣдней степени. Вещи всѣ въ водѣ, провизія поплыла. Дарья буквально бѣсится кругомъ, хватая все изъ рукъ и быстро унося. Скверно! Долго въ такомъ положеніи оставаться невозможно. К. Ф., взявъ, съ собою мирзу, отправился на берегъ съ тѣмъ, чтобы отыскать, если возможно, туземцевъ и воспользоваться ихъ помощью; но не успѣлъ онъ взяться за весла, какъ полетѣлъ стрѣлой по теченію и гдѣ-то далеко, далеко воткнулся въ мель. Много ему бѣдному было труда, войдя въ воду, вытащить лодку къ болѣе глубокому мѣсту и съ большими усиліями добраться до берега. Отыскавъ удобное мѣсто на берегу и пославши мирзу поискать ближайшаго поселка, онъ подплылъ къ намъ и началъ перевозить на берегъ вещи. Долго сильно и рисковано работали; наконецъ-то я на берегу. Раскладываю свои вещи, альбомы и этюды на травкѣ для просушки. Всѣ вещи кромѣ того, что мокры, но и покрыты слоемъ ила. Два альбома пропало. К. Ф. рѣшилъ дальше ѣхать на арбѣ; а отъ Карки обратно спуститься на каюкѣ. Не ждать же, когда кто-нибудь изъ насъ погибнетъ. Но на правомъ берегу, гдѣ мы высадились, нѣтъ ничего и никого. Черезъ нѣсколько часовъ опять исправили машину и катеръ причалилъ къ берегу. Часамъ къ четыремъ, начало сильно рвать берегъ, такъ что чуть не завалило катеръ. Дарья быстро прибывала; ясно было, что нашу стоянку скоро или зальетъ, или сорветъ. Опять уложили вещи на шлюпку и потащили ее вверхъ, а катеръ нѣкоторое время шелъ пустой, гдѣ всѣ возились съ машиной; наконецъ шлюпка взята катеромъ; а К. Ф., я и мирза пошли пѣш-

Хивинецъ-пращникъ.

Индусы.

комъ по берегу. Вода такъ быстро прибывала и заливала берегъ, что чрезъ нѣкоторое время въ болѣе низкихъ мѣстахъ, намъ нужно было идти въ бродъ по поясъ въ водѣ. Жутко становилось, что не успѣемъ пройти низину и добраться до высокаго бугра, который виднѣлся вдали. Много тяжкихъ верстъ прошли, пока достигли безопаснаго мѣста для стоянки. Въ шесть часовъ стали, и началось добываніе дровъ для катера и провизіи для солдатъ. Послѣ очень жаркаго дня, чудный вечеръ и восхитительная лунная ночь.

Къ утру продрогли. Очень холодная ночь была, и теперь дивное, тихое утро. Недалеко отъ насъ виднѣется аулъ туркменъ съ дымками, прямо несущимися къ верху; тихо, тихо. Только что начали укладываться, слышимъ въ дали, въ сторонѣ аула какую то шумную тревогу; начинаемъ всматриваться и видимъ кучу туркменъ, бѣгущихъ и орущихъ во всю глотку; а впереди ихъ скачетъ большой кабанъ и прямо на насъ. Конечно, моментально у насъ въ рукахъ ружья и желаніе перерѣзать ему путь къ Дарьѣ. Какъ только кабанъ замѣтилъ насъ — въ сторону; но все лупитъ къ Дарьѣ. Началась пальба и, кабанъ, не добѣжавши нѣсколькихъ саженей до воды, сѣлъ и началъ свирѣпо швы рять по сторонамъ пѣной изо рта. Подойти къ нему въ это вре мя была большая опасность и пришлось еще однимъ выстрѣломъ уложить его. Банъ молодой, но крупный, съ хорошими бивня ми (рис. стр. 26). Когда опалили его и начали рѣзать на куски, что-бы посолить, то нашли въ немъ четырнадцать пуль. Одна пуля была совер-



Могила Тамерлана (предполагаемая).

Торговля подъ зонтиками въ Самаркандѣ.

шенно въ видѣ кольца надѣта на отростокъ спиннаго позвонка и нѣсколько сплюснутыхъ въ лепешку на лопаткахъ. Теперь у насъ большой запасъ вкуснаго мяса, поглотившаго пудъ соли. Напилили дровъ и очень вкусно пообѣдали: супъ съ барашкомъ и прекрасное кабанье мясо, съ особенно тонкимъ ароматомъ дичины, присущей только кабану, да еще въ добавокъ питавшемуся на рисовыхъ поляхъ. Въ первомъ часу тронулись дальше; но опять ушли недалеко. Наша машина совсѣмъ ослабѣла и не можетъ бороться съ сильной быстриной въ этихъ мѣстахъ. Иногда приходится стоять на одномъ мѣстѣ и работать всѣми парами — только бы не понесло назадъ. А къ пяти часамъ опять стали, истопивъ всѣ дрова и конечно стали до завтрашняго дня. И сегодня Дарья прогнала насъ, начавъ рвать берегъ и подбираться къ палаткѣ. Вода сильно прибываетъ. По лѣвому берегу тянутся кишлаки туркменъ, тонущіе въ зелени большихъ деревьевъ, густо сплотившихся, съ красиво выскакивающими изъ общей массы высокими тополями. Опять работа по заготовкѣ дровъ. День былъ сегодня ужасно жаркій и мои глаза все хуже и хуже—сильно безпокоятъ меня. У машиниста точно также заболѣли глаза.

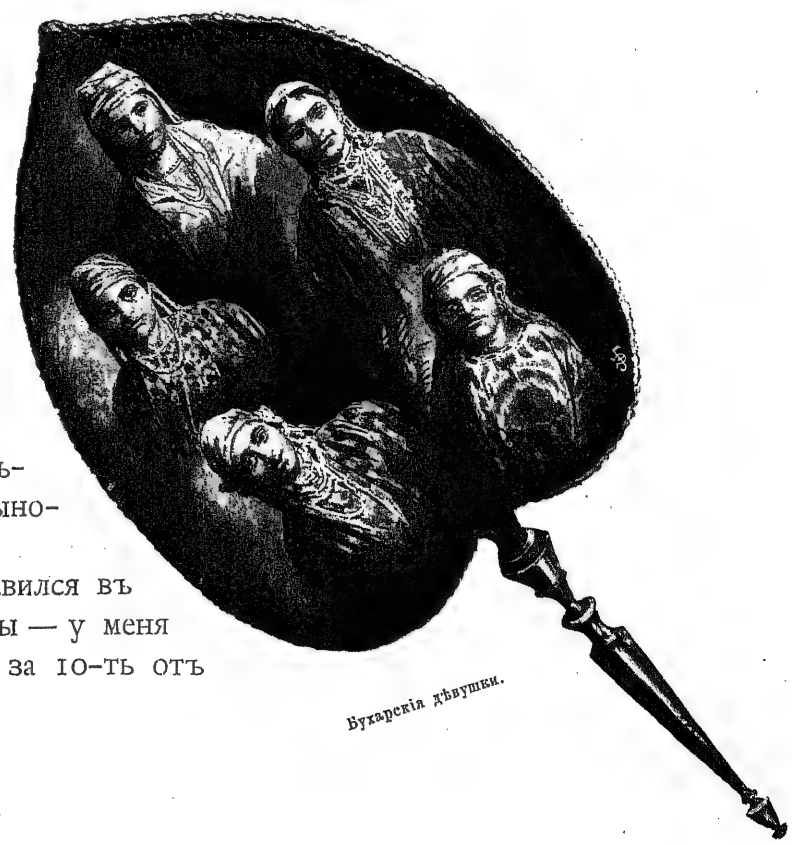
Окончательно измучившись и убѣдившись, что наше плаваніе при такихъ условіяхъ невозможно, укрѣпились на лѣвомъ берегу у туркменскаго аула и К. Ф., нанявши верховыхъ лошадей, поѣхалъ въ Карки, взявши съ собой одного солдата и мирзу. Я же остался съ командой на мѣстѣ и буду ждать возвращенія К. Ф.

Мечеть Тамерлана.

Шалаши торговцевъ въ Самаркандѣ.

назадъ. Осмотрѣвъ хорошенько берегъ и выискавъ удобное высокое мѣсто для безопасной отъ подъёма водъ стоянки, мы передвинулись на полверсты выше по теченію и укрѣпили нашего инвалида — катеръ. Палатка моя разбита на плоскомъ бугрѣ у арыка. Для команды тоже высокое мѣсто. Отъ затопленія обезпечены. По другую сторону арыка, сакли туркменъ. Взойдя на насыпь арыка, видна вся жизнь во дворахъ нашихъ сосѣдей; но, къ несчастію, наблюдать эту жизнь съ моего вала, удалось не долго. Пришли ко мнѣ туркмены и просили не подыматься на валъ и не смотрѣть къ нимъ во дворы, въ которыхъ у нихъ устроены печи для хлѣба, и что я стѣсняю ихъ женщинъ заниматься своимъ дѣломъ по хозяйству; а дѣйствительно, женщины каждый разъ при моемъ появленіи на валу разбѣгались.

Глаза до того разболѣлись, что не позволяютъ работать. Все хуже. Къ вечеру собралась группа туркменъ и притащили нѣсколько старыхъ ковровъ, — плохи. Завтра къ одному изъ туркменъ иду въ гости. Кончился томительно-жаркій день и наступила тихая поэтическая ночь, вызывающая нескончаемыя рои думъ.



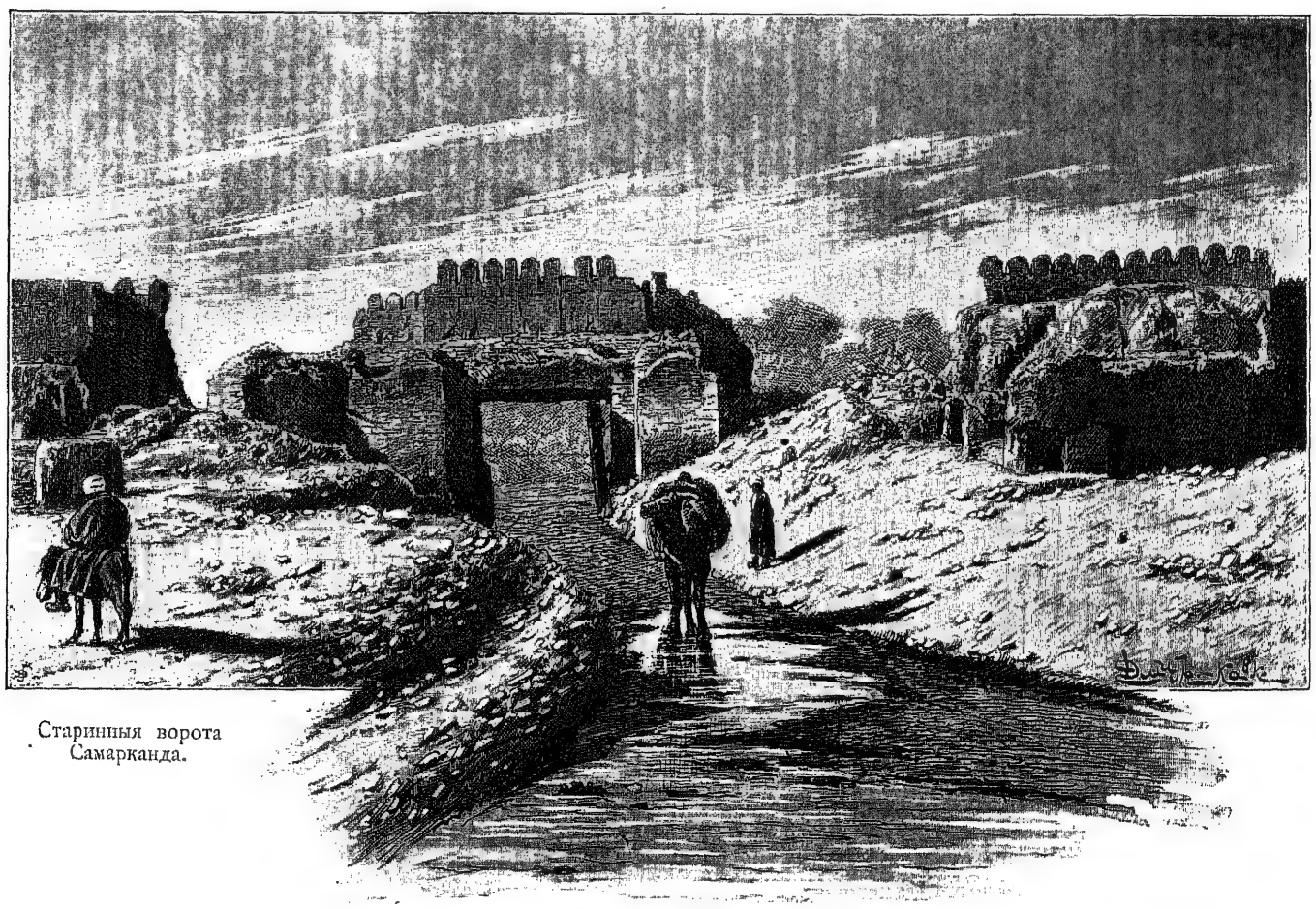
Бухарскія дѣвушки.

Вся наша кабанятина провоняла и даже черви завелись. Велѣлъ выбросить въ рѣку. Остались окончательно безъ провизіи, ибо у нашихъ сосѣдей-туркменъ, ничего нельзя купить. Лишняго не имѣютъ. Послалъ людей въ дальній аулъ, верстъ за 5 на базаръ за провизіей. Проходили весь день и могли достать только баранины да яицъ. Страшно жаркіе и невыносимо тоскливыя дни...

11-го мая съ уральцемъ Донсковымъ отправился въ далекую прогулку — охоту. Встрѣтятся кабаны — у меня ружье; не встрѣтятся — альбомъ. Ушли верстъ за 10-ть отъ

Бухарскіе скорпіоны.

нашей стоянки. Путь все по арыкамъ. Часто попадаются небольшіе бѣдныя аулы туркменъ, у которыхъ не могъ достать порядочнаго молока утолить жажду; все или кислое, или жидкое, какъ вода, съ плавающими въ немъ волосками и всякой нечистью. Въ одномъ аулѣ встрѣтилъ аксакала (старшину), предложившаго мнѣ поѣхать верхомъ на кабаньи луга и принять участіе въ охотѣ. Такъ какъ глаза мои сильно болѣли отъ солнечнаго свѣта, то я отказался отъ охоты и, отдавъ свое ружье аксакалу, послалъ съ нимъ моего уральца, а самъ остался въ аулѣ, намѣреваясь порисовать. Были интересные типы; но глаза мои совсѣмъ отказываются, да и вертѣлись туркмены, какъ черти. Черезъ часъ прибѣгаетъ одинъ юноша, запыхавшись, и говоритъ, что напали на кабановъ. Я, вооруженный большимъ лезгинскимъ кинжаломъ, кинулся за юношей и мы помчались по густымъ высокимъ зарослямъ какой-то грубой травы въ перемежку съ тростникомъ. Промчались мы съ версту; смотрю: стоятъ въ линіи, человѣкъ 10—15 туркменъ, съ обнаженными и поднятыми къ верху шашками. Врѣзался и я въ ихъ рядъ, выхватилъ кинжалъ, жду. Интересно очень холоднымъ оружіемъ взять кабана. Ай да молодцы, думаю. Черезъ нѣкоторое время видимъ, вдали мелькаетъ спина кабана, гонимаго всадниками прямо на насъ. Замерли. Вдругъ... Боже, что натворили эти свирѣпые туркмены. Какъ только подлетѣлъ кабанъ поближе, какъ заоретъ вся эта воинственная орава; замахала шашками, дикій невѣроятный гвалтъ— и кабанъ, конечно, шарахнулся въ сторону, давши возможность туркменамъ смѣло бѣжать за нимъ и преслѣдовать криками. Я стою на мѣстѣ, совсѣмъ ошеломленный и тихо вкладываю кинжалъ въ ножны. Уралецъ же мой, по другую сторону рукава Дарьи, бродитъ голый съ ружьемъ по зарослямъ. Крикнулъ ему, чтобы переплылъ ко мнѣ. Двинулись по густымъ зарослямъ назадъ. Верховой выгналъ кабана, но тотъ моментально въ Дарью и быстро поплылъ, получивъ двѣ три закуски изъ нашихъ винтовокъ. Потомъ еще подняли одного и опять всѣ заорали и прогнали, не давши и вы-



Старинныя ворота Самарканда.

Хивинецъ изъ высшаго общества.

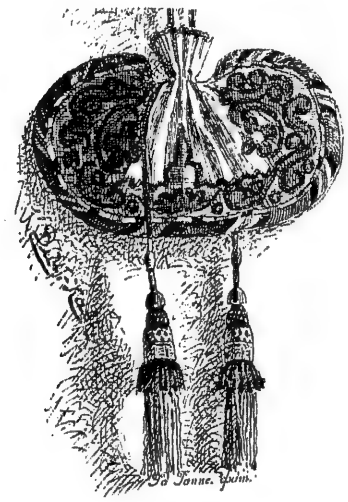
стрѣлить въ него. И пошли мы съ уральцемъ домой, повѣся носы отъ страшной жары и невиданной охоты. А кабановъ много!

Томительно ужасно тянутся дни: жара, рисовать и писать нельзя, глаза совсѣмъ отказываются служить, весь искусанъ насѣкомыми, мѣстность безотрадно-однообразная... Пошелъ какъ-то пройтись по берегу, вода сильно спала, большія отмели. Въ одномъ мѣстѣ нашелъ бутылку съ запиской, прибитою водой къ отмели. Записка гласитъ слѣдующее: «Прими Господи прахъ съ миромъ предъ смертію. Погибаемъ 12 человѣкъ на реке Аму-Дря отправившія изъ Чарджуя для большаго плаванія. Екипажъ нашъ разбило на мельи Боршинековъ. 1888 г. Апреля 3-го). Ну, думаю, отъ бездѣлья и тоски наши ребята дурятъ. Прихожу на катеръ и читаю, наблюдая за лицами слушателей. Вижу у одного дергаетъ подъ усомъ. Поймалъ виновника. Сознался. Объяснилъ всѣмъ, какъ это скверно и противузаконно дѣлать такія шутки. Съ тоски умираемъ, ваше б-діе, говорятъ.

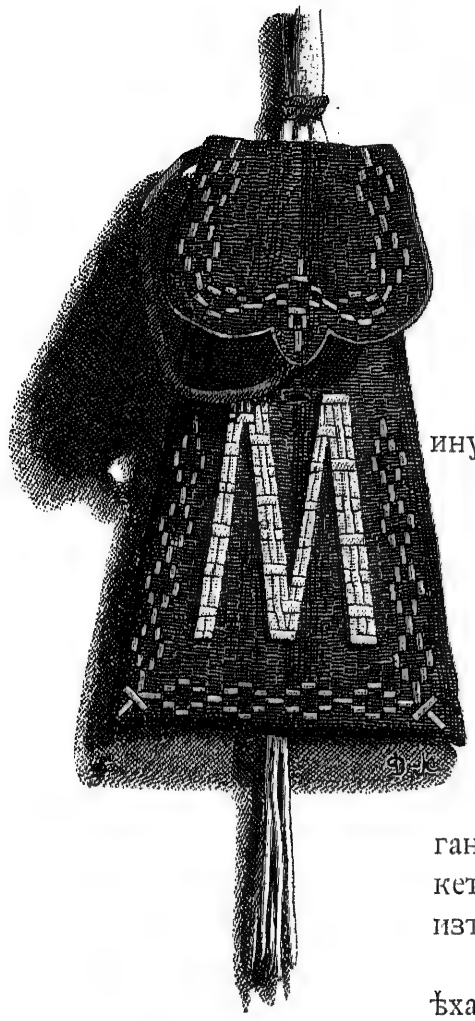
12-го мая пріѣхалъ изъ Карки К. Ф. на маленькомъ каюкѣ. Вынули машину изъ катера, уложили на каюкъ; а корпусъ хорошенько укрѣпили у берега и поплыли внизъ по теченію, въ Чарджуй. Каюкъ далъ сильную течь. Вечеромъ пристали къ берегу, законопатили и двинулись дальше. Я почти ослѣпъ и чувствую себя вообще очень скверно. Днемъ въ палаткѣ 35° тепла. Ночью продрогли отъ сильнаго холода. Опять добываніе провизіи; опять вѣтеръ съ носящимся пескомъ въ воздухѣ; опять ночевка и страшная боль глазъ и потеря аппетита. 14-го мая къ вечеру, наконецъ-то мы добрались до Чарджуя. Печально окончилось это плаваніе. до Карки не доплыли; погибло два альбома; сдѣлалъ только два рисунка и одинъ этюдъ и возвратился слѣпымъ. Здѣсь узналъ, что сегодня отправился поѣздъ съ гостями въ Самаркандъ на торжественное открытіе желѣзной дороги самаркандскаго участка. На другой день докторъ осмотрѣлъ мои глаза и засадилъ въ абсолютно темную комнату. Впускаютъ въ глаза какую-то пакость и постоянно прикладываютъ ледъ, который, кстати сказать, здѣсь, что называется, на вѣсъ золота. Ледъ выписанъ изъ Россіи въ бочкахъ, и дошло его конечно ничтожное количество и все-же-таки, благодаря незабвенной для меня любезности князя М. И. Хилкова, я все время моей болѣзни пользовался неограниченно льдомъ. Потянулись для меня каторжные дни тьмы и ничегонедѣланія. Спасибо знакомымъ, которыя не забывали меня и часто навѣщали; а то просто хоть съ ума сходи.

Туркмены.

А тутъ еще бѣда: сильный вѣтеръ, заносящій все пескомъ и, при теперешней страшной жарѣ, заставившій закупоривать окна и двери. Духота невообразимая. Пять дней полная темень. Сегодня, 20-е мая, докторъ рѣшилъ постепенно пріучать глаза къ свѣту и прекратить ледяныя ванны. Спасибо большое доктору Горбачевскому — выходилъ, бывая у меня по два раза въ день и ухаживая, какъ за роднымъ. Завтра разрѣшено выйти на воздухъ въ синихъ очкахъ и бѣлой фуражкѣ. Какъ только окрѣпнутъ немного глаза — ѣду въ Самаркандъ.



Кошелекъ.



САМАРКАНДЪ.

инуя Бухару и проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, глазъ начинаетъ отдыхать на довольно красивомъ пейзажѣ. Потянулись горы, у подошвы которыхъ катитъ свои воды р. Заравшанъ, орошая безконечно тянущіеся кишлаки, окутанные сочною зеленью садовъ. А рядомъ по другую сторону желѣзной дороги, голая степь, заканчивающаяся тоже небольшими горами, имѣющими форму песчаныхъ бархановъ.

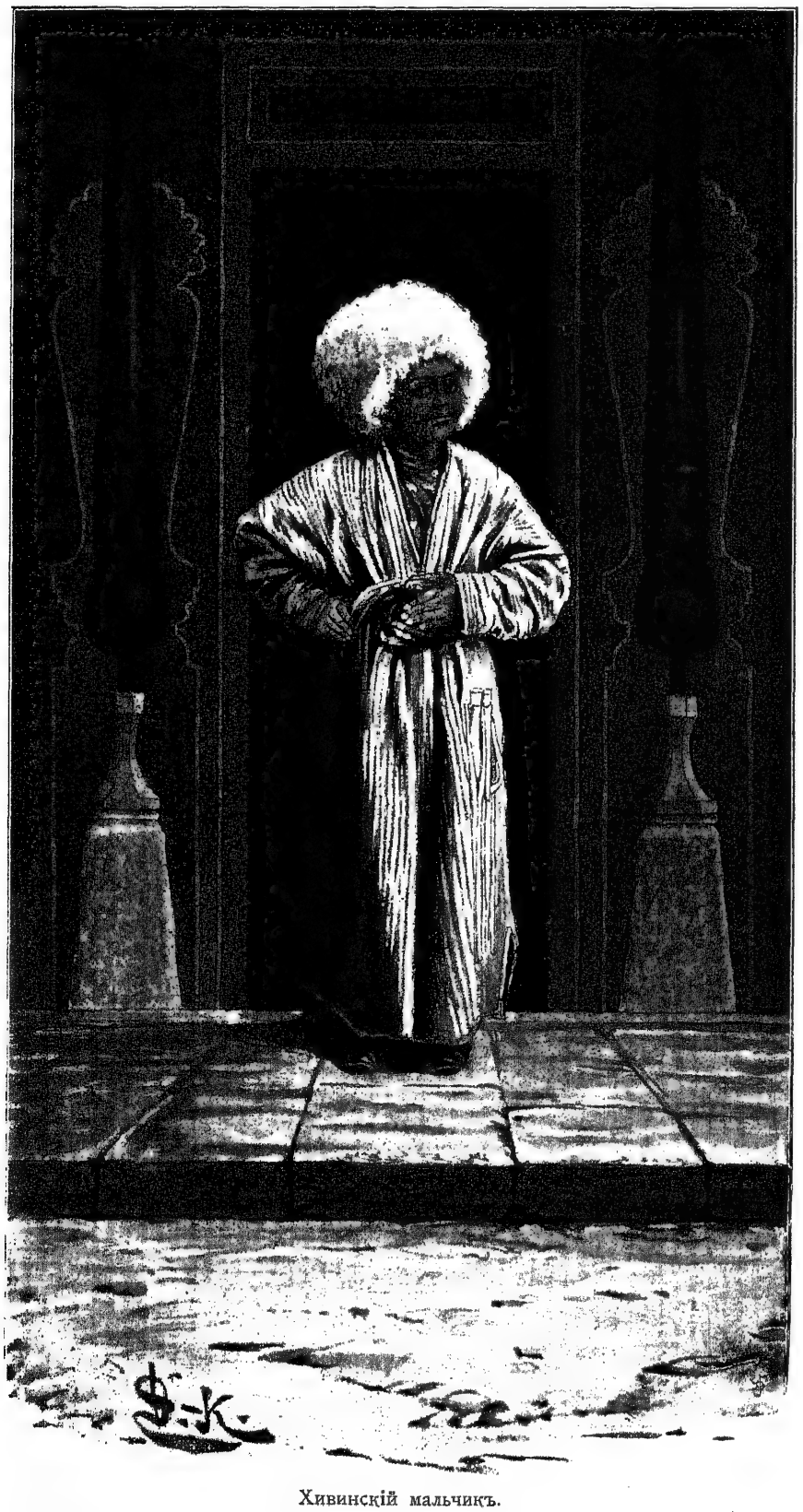
Кончены бухарскія владѣнія. Городъ Каты-Курганъ — русскій; весь кокетливо выглядываетъ изъ за густыхъ садовъ.

Въ Самаркандъ пріѣхалъ я ночью и остановился въ «Центральной гостиницѣ». Пріѣхалъ и султанъ Аралановъ. На другое утро онъ зашелъ ко мнѣ и мы отправились осматривать мечети. Прежде всего невольно срывается фраза: Боже! что это за чудесныя зданія и въ какомъ они отчаянно разрушающемся видѣ. Какіе люди варвары относительно прошлаго. Какъ они мало цѣнятъ то, чего добиваются теперь снова. Дивные изразцы! Самаркандъ довольно таки сказочный городъ — паркъ съ очень характерной частью сартской, гдѣ базары и поразительныя мечети и медрессе, совершенно сохраняютъ полный характеръ Востока. Русскій Самаркандъ выстроился совершенно отдѣльно отъ бывшаго города мусульманскаго и отдѣляется небольшимъ пространствомъ шоссе алеей, тянущейся до Регистата — этого сосредоточія чудныхъ построекъ, облицованныхъ невыразимой красоты изразцами.

По всѣмъ улицамъ русскаго города посажены прекрасныя деревья въ два ряда у домовъ; у каждаго ряда небольшой арычекъ (оросительная канавка) для питанія деревьевъ и поливки улицы. Есть нѣсколько прекрасныхъ тѣнистыхъ бульваровъ, какъ напримѣръ,

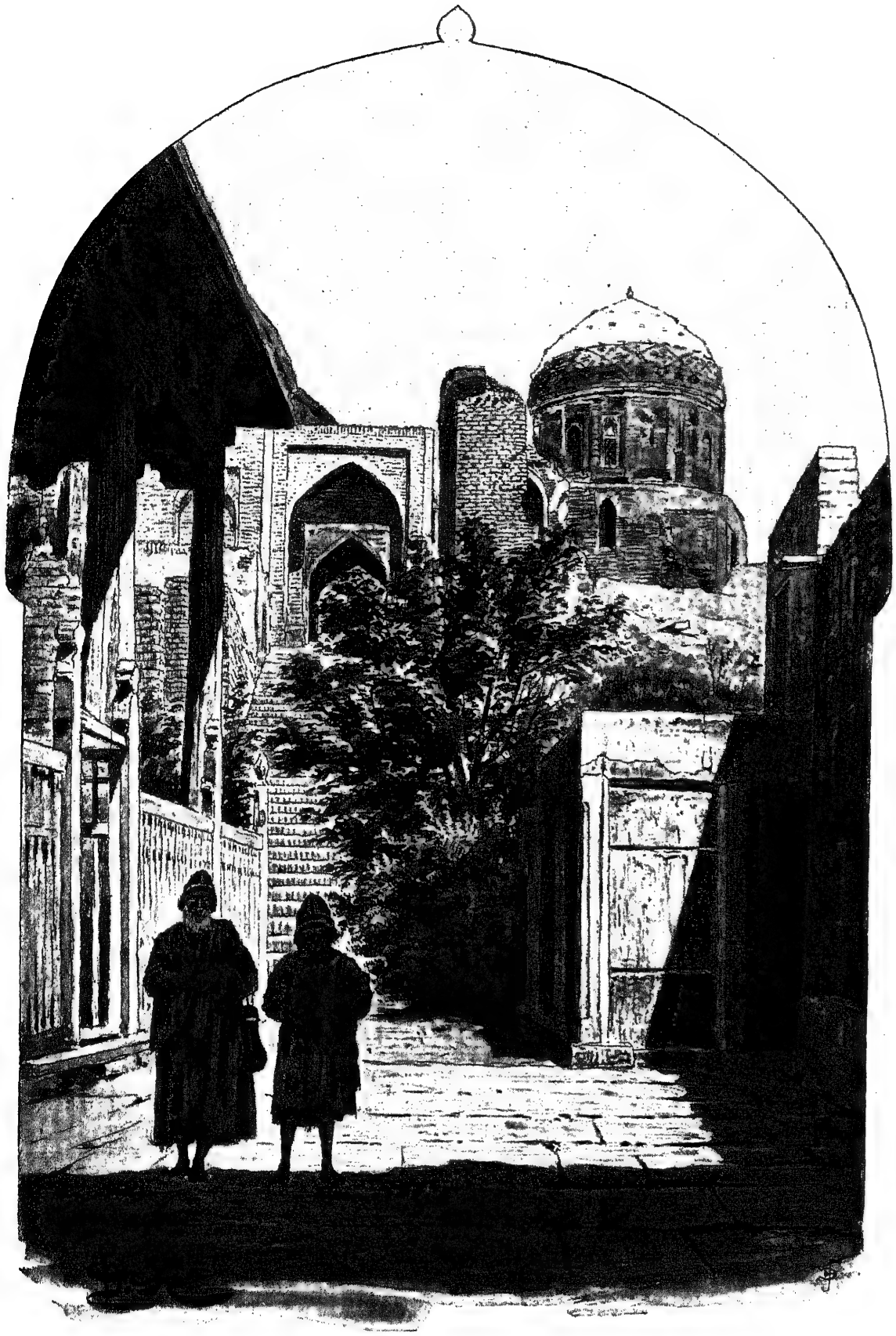
Хивинецъ.

Абрамовскій и два очень хорошихъ городскихъ сада. Въ особенности одинъ изъ нихъ прекрасенъ. Большой, раскинутый по покатой плоскости, съ большой мраморной лѣстницей, спускающейся къ пруду, украшенной мраморными вазами. Прекрасныя дорожки содержатся съ поразительною чистотою и опрятностью. Я никогда, въ провинціяхъ Европейской Россіи, не встрѣчалъ городскихъ садовъ, такъ прекрасно содержащихся. Сады Самарканда — это куски императорскихъ парковъ. Но что поражаетъ, такъ это пустота. Я нѣсколько дней подрядъ бывалъ въ этомъ чудномъ городскомъ садѣ и публики видѣлъ только по нѣскольку человѣкъ. Да и въ самомъ городѣ, по улицамъ страшная пустынность. Уличной жизни совсѣмъ нѣтъ. Но весь городъ имѣетъ видъ большой благоустроенности съ прекрасными извозчичьими колясками, запряженными дышловой парой недурныхъ лошадей съ кучеромъ сартомъ или персомъ. Я не встрѣчалъ ни одного русскаго извозчика. У извозчиковъ, конечно, такса. Вѣдь Самаркандъ не Петербургъ; тамъ нельзя безъ таксы — неудобно.



Хивинскій мальчикъ.

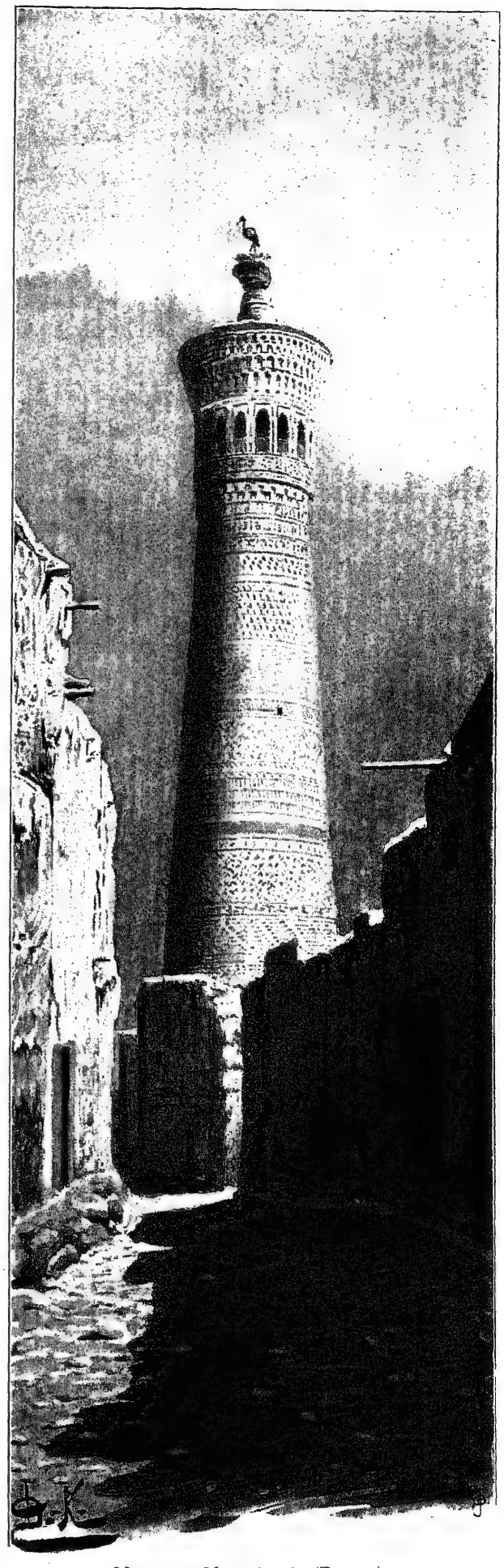
Зашли мы съ султаномъ въ мечеть Тамерлана. Онъ, какъ мусульманинъ, сейчасъ же палъ ницъ съ молитвою, послѣ которой я попросилъ его обратиться къ муллѣ, находящемуся при мечети и попросить у него хотя одинъ изразецъ изъ стѣнъ этой мечети, отвалившихся въ прошломъ. Мулла самымъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ, что не имѣетъ ни одного и достать никоимъ образомъ не можетъ. А между тѣмъ, когда я черезъ день явился одинъ, то получилъ отъ этого же муллы пять кусковъ изразца за пять рублей. У него нашелся цѣлый мѣшокъ осколковъ изразцовъ, которыми онъ торгуетъ. Въ настоящее время, дѣйствительно, благодаря русскому правительству, выламывать изразцы



Мечеть Шахъ-Зейде (Самаркандъ).

изъ стѣнъ этой мечети нельзя, потому что всѣ мѣста съ выбитыми изразцами задѣланы цементомъ и за каждую новую рану въ стѣнѣ, мулла подвергается строгому взысканію. Вообще эта маленькая красивая мечеть Тамерлана хорошо охраняется, обнесена кругомъ чистенькимъ садикомъ и посѣтители — любители, какъ я уже сказалъ, лишены возможности разносить по камню такой чудный памятникъ старины. Мечеть эта очень не большая; снаружи вся облицована цвѣтными узорчатыми изразцами, а внутри всѣ стѣны изъ бѣлаго мрамора съ высѣченными орнаментами, изреченіями и надписями. Низъ стѣнъ украшенъ панелью узорчатой изъ цвѣтнаго мрамора. Полъ почти весь занятъ мраморными глыбами въ видѣ саркофаговъ, между которыми выдѣляется одинъ изъ чернаго камня съ выбитымъ кускомъ — это камень Тамерлана; но это совсѣмъ не могила его (какъ полагаютъ многіе). Тамерланъ не здѣсь похороненъ. Говорятъ, что выбитый кусокъ изъ камня Тамерлана находится у одного изъ нашихъ геологовъ — профессора Горнаго Института. Всѣ мраморные саркофаги обнесены общей рѣзной изъ бѣлаго мрамора рѣшеткой. Подъ поломъ этой мечети находится темное подвальное сводчатое помѣщеніе, ничего особеннаго не представляющее и ничѣмъ неукрашенное, кромѣ отпечатка давно прошедшихъ временъ.

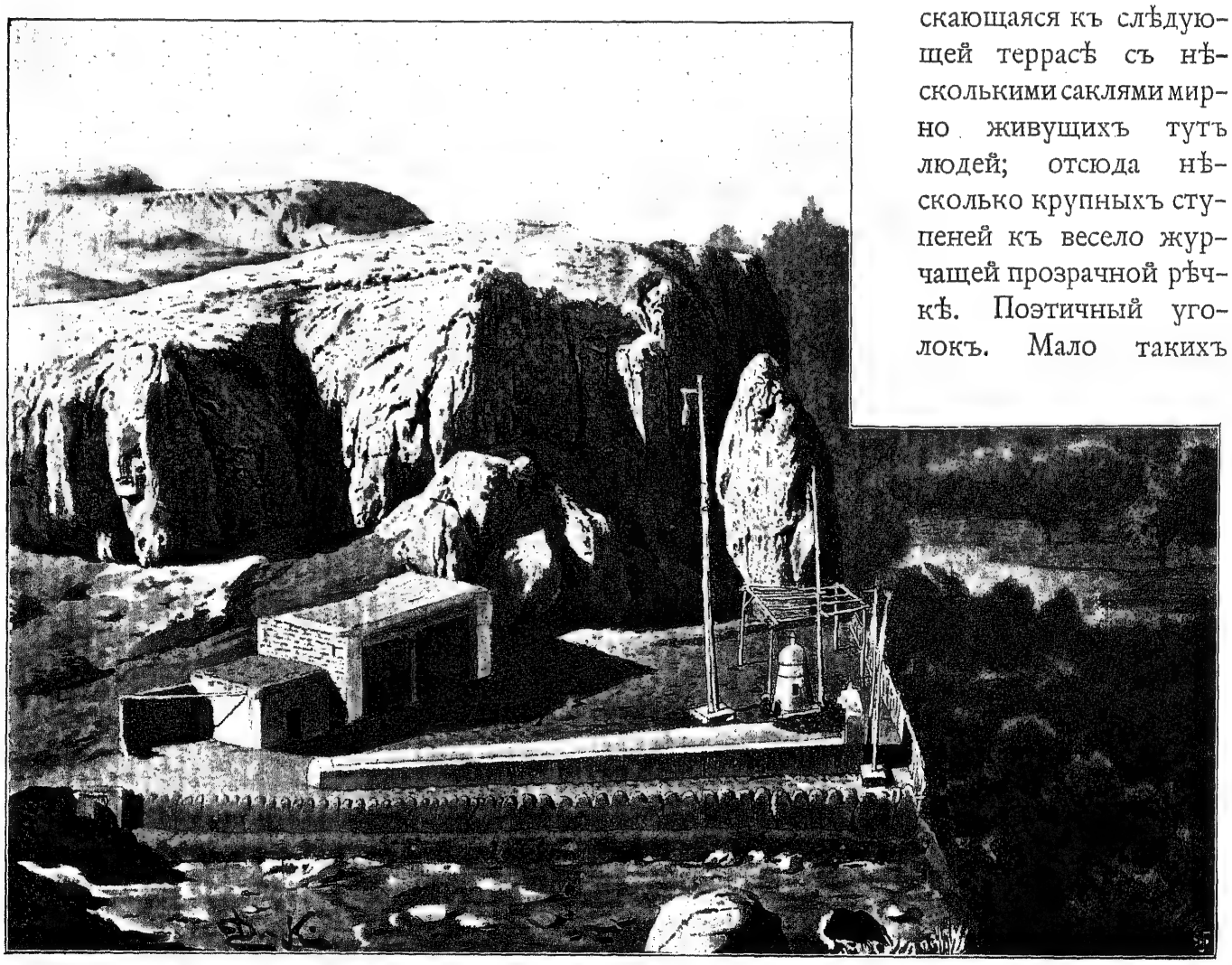
Городъ сартскій, съ его сказочной архитектурой мечетей и медрессе, съ его типичнѣйшими базарами и магазинами представляетъ громадный интересъ для каждаго пріѣзжаго европейца. О художникѣ и не говорю ужь. Но бѣда для художника вотъ въ чемъ: черезъ чуръ много интереснаго. Ужь эта одна чрезвычайно живописная архитектура храмовъ, съ ея безконечными деталями поражающей красоты, не даетъ никакой возможности зарисовать или написать что-нибудь скоро. Тутъ нужно подолгу сидѣть и работать. Тутъ годами надо работать, чтобы увезти что-нибудь цѣльное, оконченное. Пріѣхавшему же не надолго приходится только восторгаться и почти ничего съ собою не захватить. Я кое что зарисовалъ; но это капля въ морѣ, въ срав-



Минаретъ Мира-Арабъ (Бухара).

неніи съ тѣмъ, что я не зарисовалъ, и поневолѣ пользовался для нѣкоторыхъ моихъ рисунковъ фотографическимъ матеріаломъ. Каждую мечеть или медрессе, я не буду отдѣльно описывать — это одно составило бы отдѣльную книгу. Скажу только съ грустью: на сколько поражаетъ красота и оригинальность въ здѣшнихъ древнихъ постройкахъ, съ ихъ очаровательной детальной обработкой; на столько же поражаетъ и угнетаетъ до слезъ ихъ теперешнее состояніе. Вѣдь это все руины, съ каждымъ днемъ все больше и больше уничтожающіяся временемъ и модами. Вѣдь у ихъ стѣнъ кипитъ самая ничтожная и грязная торговля разнымъ хламомъ. Изразцы ихъ растаскиваются самымъ безобразнымъ образомъ, чуть не по всѣму свѣту. У меня въ гостиницѣ, каждый день бываетъ нѣсколько мальчишекъ съ предложеніемъ изразцевъ, выдранныхъ изъ стѣнъ и куполовъ дивныхъ памятниковъ старины. Что бы хотя въ такомъ видѣ, какъ они теперь, закрѣпить ихъ и не давать возможности больше разрушать. Вѣдь это святыня! Повторяю, отчаянную тоску вызываютъ эти красоты старины.

Верстахъ въ 2 — 3-хъ отъ города, въ большой котловинѣ съ обрывами, рѣчкой и сочной зеленью деревъ, на одномъ изъ уступовъ — могила, очень чтимаго правовѣрными, святаго Даніаръ-Ата. Вся площадка уступа, обнесена невысокимъ заборомъ. Посрединѣ, длинный намогильный саркофагъ, въ концѣ котораго шестъ съ конскимъ хвостомъ и значками. Весь этотъ дворикъ святаго, ютится у скалы; а внизу, въ сочной зелени звуки поющихъ птицъ да шумъ мельничнаго колеса. Только они и нарушаютъ чарующую святую тишину этого уголка. Въ одномъ мѣстѣ есть крупная лѣстница, высѣченная въ скалѣ и спускающаяся къ слѣдующей террасѣ съ нѣсколькими саклями мирно живущихъ тутъ людей; отсюда нѣсколько крупныхъ ступеней къ весело журчащей прозрачной рѣчкѣ. Поэтичный уголокъ. Мало такихъ



Могила Даніаръ-Ата.

Ворота дворца бухарскаго эмира (Бухара).

мѣстъ въ окрестностяхъ Самарканда.

Базары кишатъ самымъ разнообразнымъ людомъ и мелочными торговцами, помѣщающимися въ наскоро устроенныхъ шалашахъ, зачастую изъ трехъ палокъ съ накинутымъ на нихъ халатомъ, или же подъ большими зонтиками, устроенными изъ шеста, съ укрѣпленной на верху на палкахъ рогожи или другого какого-нибудь хлама изъ тряпокъ. И сколько тутъ такихъ грошевыхъ торговцевъ; иногда цѣлый день спящихъ и томящихся отъ жары въ своихъ переносныхъ магазинахъ.

Осматривая лавки и мастерскія вышивокъ шелками, по кожѣ, бархату, сукну и простому холсту, меня поражали нѣкоторые мастера, какой-нибудь старикъ, въ отвратительной конурѣ, съ голымъ торсомъ, сидитъ у окошка, передъ натянутымъ на деревянномъ обручѣ бархатомъ и безъ всякаго перенесеннаго рисунка на этотъ бархатъ и, не имѣя передъ собою никакого рисунка, быстро дѣйствуя стальнымъ крючкомъ, вышиваетъ поразительно правильные и симетричные узоры. Быстрота при этомъ удивительная, которая только и можетъ допускать такія цѣны, какъ, напримѣръ, пара густо вышитыхъ шелкомъ на бархатѣ туфель, продается мастеромъ за 30 к. (въ магазины).

Какъ я уже говорилъ, городъ пріятно поражаетъ массой зелени по всѣмъ улицамъ; но въ концѣ концовъ, становится грустно, когда подумаешь, что вся эта зелень поддерживается искусственно оросительными канавами. Запереть воду, и все погибло. При здѣшней жарѣ и полномъ бездождіи лѣтомъ, только при большомъ уходѣ можетъ быть зелень. Всѣ эти бульвары, сады, казались мнѣ оранжерейными.

Когда я былъ въ Самаркандѣ, то жилось тамъ очень мирно; о воровствахъ совсѣмъ не было слышно; ночью, напримѣръ, никто и не думалъ закрывать оконъ, выходящихъ на улицу, а окна аршина два отъ земли. Боюсь, что съ проведеніемъ желѣзной дороги, пропадетъ эта патріархальность и въ самыя душныя ночи, придется крѣпко запирать окна и будутъ жители париться по ночамъ.

Покидая милый Самаркандъ, поѣду теперь, черезъ Бухару, Чарджуй — въ Мервъ.

МЕРВЪ.

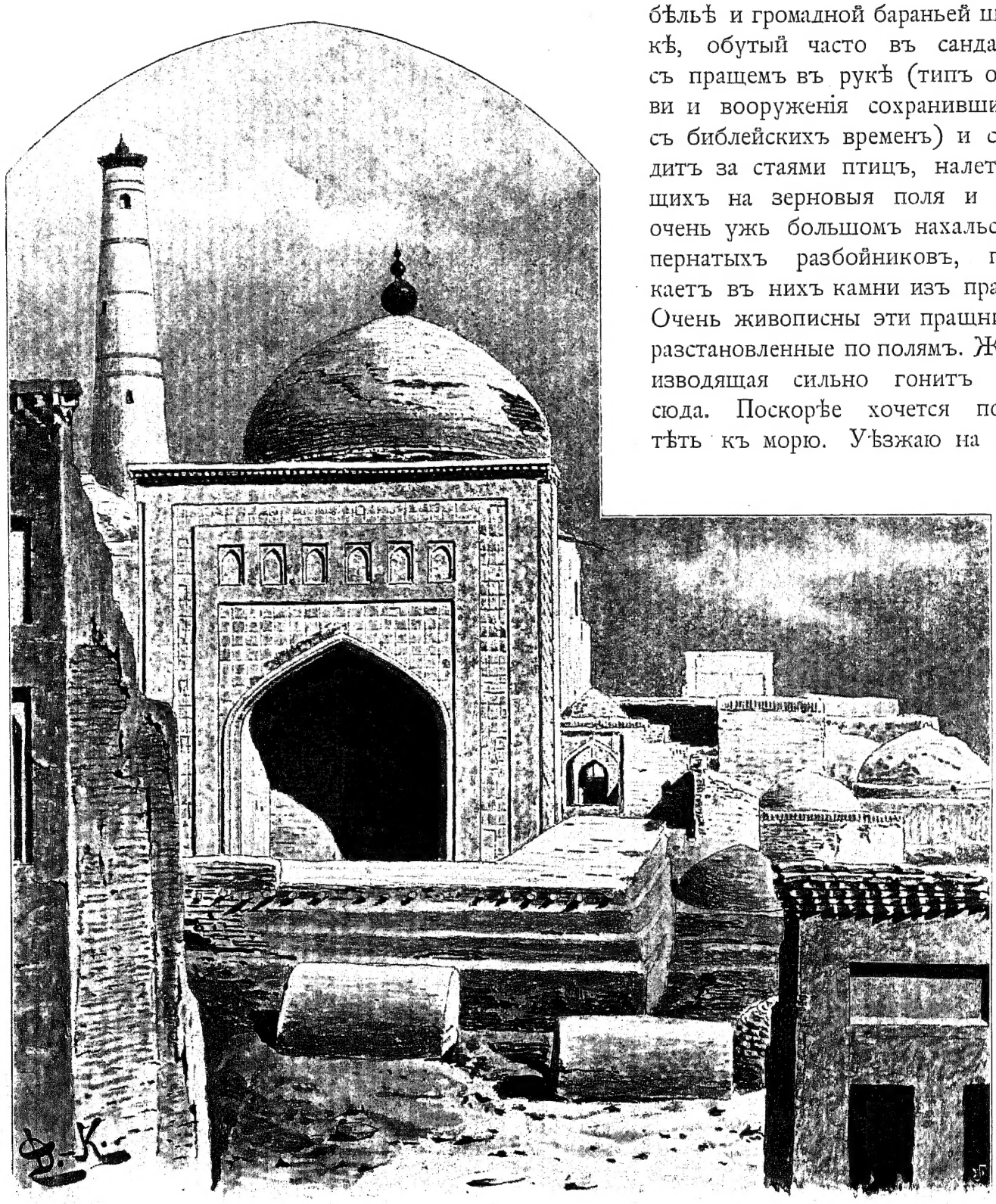
Жара и пыль прежде всего обдаютъ пріѣзжаго въ Мервъ. Въ этотъ же пріѣздъ мой онъ принялъ меня еще недружелюбнѣе. Стояла страшная жара и такъ какъ городъ стоитъ на плоскости съ прилегающими къ нему болотами, то комаровъ въ немъ видимо-невидимо и поэтому прекрасные вечера и ночи совершенно отравляются этими несносными тварями; но такъ какъ человѣкъ всегда что-нибудь предпринимаетъ для своего огражденія отъ всякихъ непріятностей, то и въ данномъ случаѣ мервцы придумали средства, хотя сколько-нибудь оградить себя отъ помянутаго кровопійцы. По улицамъ, у домовъ, довольно часто разложены кучи конюшеннаго навоза, подожжены и тлѣя даютъ много дыму, котораго не переноситъ, якобы, комаръ. Онъ, дѣйствительно, не суетъ своего носа въ дымъ; а такъ какъ и человѣкъ тоже не лѣзетъ въ дымъ, то комаръ преспокойно кровопійствуетъ неподалеку отъ дыма. Но зато по всѣмъ улицамъ и дворамъ такая вонь, что хоть бѣги и плачь — комаръ жретъ. Въ окнахъ домовъ сѣтки изъ марли отчасти спасаютъ; но входя въ дверь, всегда нѣсколько комаровъ стрѣлой влѣтаютъ въ комнату. Я ни одной ночи не имѣлъ покоя отъ этихъ мучителей.

Базары въ Мервѣ бываютъ довольно интересны, въ особенности своими прекрасными коврами, цѣна которыхъ уже страшно поднялась, а достоинство ковровъ сильно падаетъ. Какъ ни работай, хорошо или худо — все продается русскимъ. Часто пріѣзжаютъ покупатели и изъ за границы, въ особенности изъ Франціи. Французы даже все старье и дрань ковровую закупаютъ. На одномъ изъ базаровъ попался мнѣ образецъ текинца, вкусившаго цивилизацію: выбирая ковры на базарѣ, я все время замѣчаю около себя молодаго текинца, сующагося съ совѣтами и предложеніями, но онъ не торговецъ. Надоѣлъ страшно; я и говорю: «Да отстань ты, пожалуйста, что тебѣ нужно?» — «А я маклакъ», самодовольно выпалилъ текинецъ.

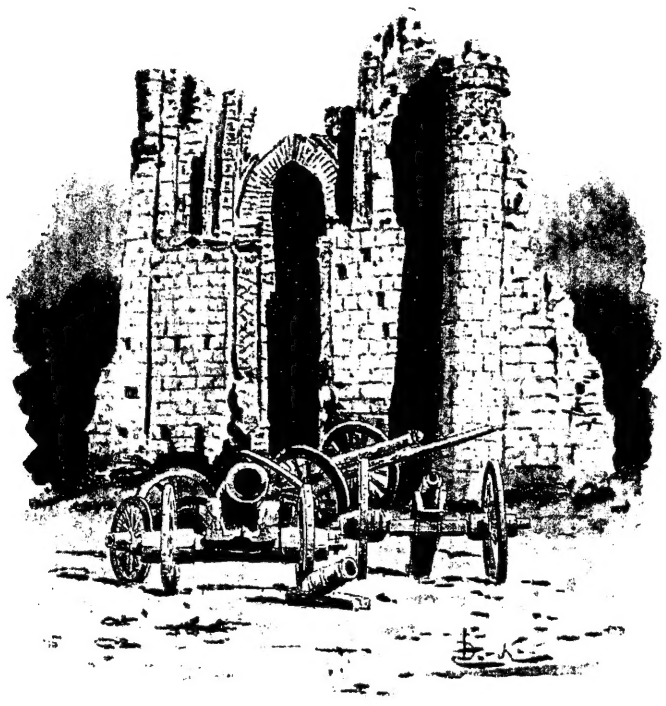
Въ 30-ти, примѣрно, верстахъ отъ Мерва отстоитъ бывшій Мервъ древній, подъ названіемъ Байрамъ-Али, у станціи желѣзной дороги того-же названія. Развалины древняго Мерва раскинулись на много верстъ въ окружности. Это самая тяжелая по впечатлѣнію могила цѣлаго народа, когда-то жившаго въ цвѣтущихъ городахъ. До сихъ поръ эти развалины преимущественно глиняныхъ домовъ, даютъ почти полное понятіе о городѣ съ дивно еще сохранившимися громадными храмами, на которыхъ купола еще существуютъ. Храмы сложены большею частью изъ прекраснаго бѣлаго кирпича (раза въ 2 — 3 больше теперешняго) и своды ихъ во многихъ мѣстахъ держатся и до сихъ поръ. Въ Байрамъ-Али собственно нѣсколько городовъ, обнесенныхъ колосальными глинобитными стѣнами, мѣстами уцѣлѣвшими до сихъ поръ. Всѣ эти мертвые города, имѣютъ общій грустный желтосѣрый тонъ. Всѣ они покрыты мертвящимъ вуалемъ мелкой пыли сосѣднихъ песковъ. Растительности никакой. Природа не украсила это колосальное кладбище ни кустикомъ, ни травинкой. Все обнажено. По улицамъ попадается много че-

репковъ, съ прекрасной цвѣтистой поливой домашней посуды. Послѣ зимнихъ дождей, часто попадаются древнія монеты и мелкія вещицы. Но, конечно, чѣмъ больше попадаютъ европейцы въ Байрамъ-Али, тѣмъ меньше онъ даетъ имъ своихъ древнихъ даровъ.

Въ окрестныхъ поляхъ Мерва нерѣдко встрѣчаются большія глинобитныя тумбы, которыя зачастую увѣнчаны прекрасными живыми статуями текинцевъ. Стоитъ такой текинецъ на тумбѣ въ одномъ бѣльѣ и громадной бараньей шапкѣ, обутый часто въ сандаліи, съ пращемъ въ рукѣ (типъ обуви и вооруженія сохранившихся съ библейскихъ временъ) и слѣдитъ за стаями птицъ, налетающихъ на зерновыя поля и при очень ужь большомъ нахальствѣ пернатыхъ разбойниковъ, пускаетъ въ нихъ камни изъ праща. Очень живописны эти пращники, разстановленные по полямъ. Жара изводящая сильно гонитъ отсюда. Поскорѣе хочется полетѣть къ морю. Уѣзжаю на мой

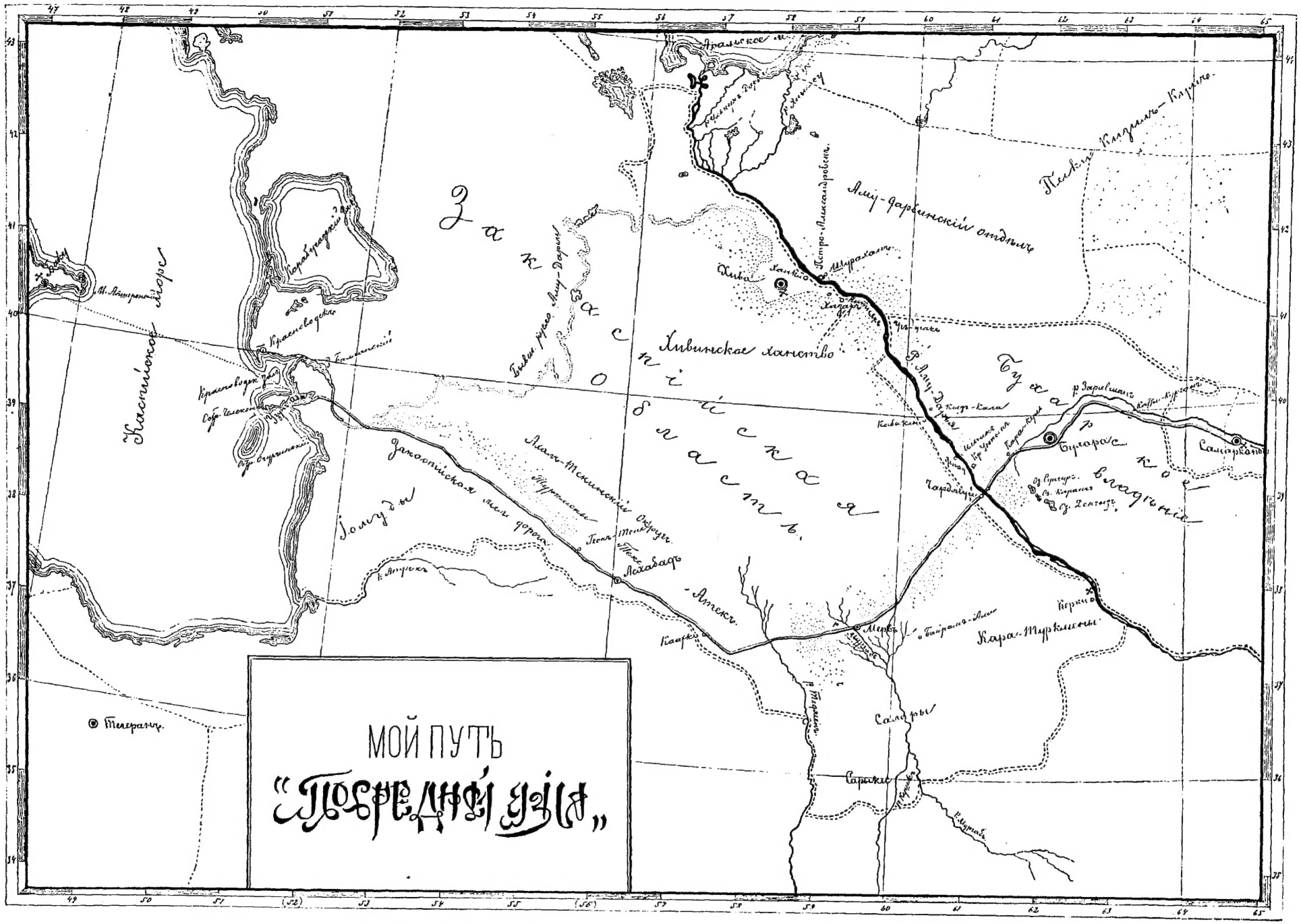


родной Кавказъ. Отъ Мерва до Узунъ-Ада теперь уже много хорошихъ каменныхъ желѣзнодорожныхъ зданій; нерѣдко попадаются и фонтаны съ каменными бассейнами и зеленью кругомъ, а въ Кизиль-Арватѣ станція освѣщается электричествомъ, привлекающимъ тучи насѣкомыхъ. Наконецъ-то поѣздъ примчалъ насъ къ морю. Послѣ такой адски горячей поѣздки, всѣ пассажиры, какъ бы вырвавшись изъ пасти чудовища, песковъ Закаспійской области, съ наслажденіемъ бросаются въ объятія чарующаго бирюзоваго моря Каспія.



Содержаніе.

	стр
Отъ Баку до Чарджуя	1
Чарджуй. Между сартами	9
По Аму-Дарьѣ	40
У Петро-Александровска	57
Въ Хиву	65
Караванный путь по пустынѣ.	75
Открытіе моста черезъ Аму-Дарью	84
Въ Бухару	86
Бухара	90
Противъ теченія	96
Самаркандъ	107
Мервъ	113


МОЙ ПУТЬ
"Посредней Азія"
Закаспійская область
Хивинское ханство
Аму-дарьинскій отдѣлъ
Бухарское владѣніе
Каспійское море
Іомуды
Закаспійская мѣстн. дорога
Ахалъ-Текинскій округъ
Ахалъ
Мервъ
Кара-Туркмены
Салоры
Сарыкъ
Бухара
Самаркандъ
Хива
Шурахань
Аральское м.
Тегеранъ